

Михаил Леккор

**ПОПАДАНЕЦ
XIX ВЕКА**

Annotation

Оказалось, что это очень легко. Махнул Господь рукой и ты перелетел из XXI века в XIX. Точнее, была перенесена душа (ментальный слепок) и ты оказался с чужое тело. Да вот только и там свои проблемы, а ты еще молодой и бедный. К счастью, это все-таки XIX век, а попаданец уже опытный!

Пока еще в XXI веке

Очередной день оказался совершенно обычным — суматошным, быстрым, говорливым. И все новое торопилось встать вместо старого, словно добивалось цели окончательно задурить мозги. И ничего ведь не запомнишь, да и зачем? Завтра опять все будет новое вслед за старым новым, задуманное по-другому.

Эх, как было хорошо в стародавние времена, в том же XIX веке. Там, в прошлые годы, писалось в исторических книжках, если один раз положен порядок, то почитай и на целый век ляжет. Ну, или хотя бы на время правящего монарха. В советское время, да и в современный период такую медлительность поругивали, а их сторонников консерваторами звали. А по мне, так и нормально жилось. Не зачем спешить. Поставили порядок, и на нашу жизнь хватит. Солидно, славно все обустроится и ладненько.

Андрей Игоревич Макурин (это я) раздраженно кинул карандаш на разлинованный лист бумаги. Ведь никаких нервов не хватает все оценить! Только увидеть, а как оно на жизнь ляжет, как на всю страну, так и на свою судьбу. Как все приладится к уже привычной жизни? Тьфу ты! И готовься помирать, времени уже нет.

И никому никакого дела нет, что ты мучаешься, стараешься приспособиться, как на молодой и необъезженной кобылице, жизни. Все бегом, получить подлиннее прибыль, побольше зарплату, а на нее новые чудачества, он их даже запомнить не успевал, появлялись новые. Сперва ЭВМ, потом компьютеры — двойки, тройки, четверки, пятерки — на их место стали ноутбуки. И все за одну не надолгую, в общем-то, судьбу человека.

Сейчас даже говорят не ноутбуки, а нобуки, какая, прости господи, разница? И ведь не удержаться, дальше полезут. А вот он, как писал карандашом, так и пишет. И одно только побаивался, что перестанут производить грифель. Чем тогда писать будет? Неужели на компьютеры придется садиться. Так он только на 386 модели и умеет, а их, говорят, уже давно списали.

Андрей Игоревич мучительно вздохнул. Когда-то, в XX веке, еще во втором тысячелетии (!) он выучился на инженера, учил, как всякую хренотень на хрентени прибабахивать. Диплом получил, прибабахивать, хе-хе, не научился. И, как оказывается, не зря. Ничего из того оборудования на производстве уже не задержалось, а он инженером остался только на словах.

Работает теперь в шарашкиной конторе купи — продай, спекулирует почем зря. Зато специалист с высшим образованием! Второй в этой богадельне, упаси господь!

Нет, он свои титанические деньги получает не напрасно. Спекулировать умеет эффективно и как надо — «и по закону, и по справедливости». По юридическим документам и по жизненной необходимости. И государство не обижено и всякие разные паханы и паханчики. Начальство оценивает и оберегает, хотя и посмеивается от его анахронизмов.

Только не этого он хотел! Так ведь и жизнь пройдет в суматохе и беспокойстве. Что останется? Детей не вырастил, карьеру сделал такую, что самому стыдно. Деньги, правда, накопил, но что из того! Гробы с карманами не делают, чтобы накопить на загробную жизнь.

С такими черными мыслями, что только остается? Либо водку пить, либо к Господу с покаянной молитвой обращаться. Больше нечего. Семьи не было, не с котом же долгими

вечерами общаться!

Водку он за дурные взбалмошные годы долгой жизни так и не научился. Спиртное, наркотики, огнестрел — это все не для него. Единственно, что он уважал, это табак, но как-то и к нему не привык. Видимо, не судьба.

Осталась молитва. С ней и обращался он в двухкомнатной квартире в центре Санкт-Петербурга, в которой жил вдвоем с котом Васькой. Квартира была обставлена дорогой, первой половины XX века мебелью. А толку?

Сначала обращение к милосердному Господу, всемилостивому и торжествующему, потом к нему же, но уже с претензиями. Зачем дал ему свой драгоценный дар — человеческую жизнь, но так дурно ей распорядился, засунув его в совсем не в его эпоху. Страшно и мучительно ему здесь. Лучше бы родил его в спокойный XIX век, когда все было так медлительно и неспешно и даже люди передвигались пешком или ездили, не торопясь, на лошадях, а не на быстрых автомобилях или не летали на самолетах?

Господи, образумь и пожалей своего раба грешного, вытащи из грязи непотребства XXI века!

После этой молитвы и как-то спалось спокойно, без нервов за тревожный день. Уже и сам не понимал, что он совершал, беспокоя Бога. По привычке, день за днем, месяц за месяцем. Это не страшно и непотребно. Бога ведь нет — это непреложно было вбито в него в советское, но спокойное детство. Так что ж теряться?

И вдруг после более, чем полугода молитв и тревог Господа, в самую глухую осеннюю ночь ему приснился большой яркий сон. И как будто и не сновидение совсем, а явная реальность.

Будто ходил он то ли в огромной дремучей пещере, то ли в каменном нескончаемом дворце. Именно в каменном, как бы каком древнем, а не современном кирпичном или блочном, проложенном пластиком или металлом.

Был он весь такой великолепный, но не роскошный, с каменными плитами, покрытыми изысканными узорами. И ни железа, ни стали. Лишь изредка дерево. Зато уж не простая сосна или ель, а драгоценная тропическая древесина. Сразу видно, не ширпотреб за несколько обесцененных долларов.

Шел Андрей Игоревич долго и по запутанному коридору, но ни сразу не запутался, не испугался, что потеряется. Словно, кто-то его вел, взяв за руку и периодически подбадривая душу. Как маленького встревоженного мальчика, оставленного без родителей и потому как-то осиротевшему.

А потом он вошел в обширную комнату, не то, чтобы огромную, но стены его были спрятаны вдалеке в темноте и сумраке, и главное — посреди за большим просторным деревянным столе сидел НЕКТО. Был он вроде бы стар и в обычном домотканном наряде и сидел на скамье (на стуле), но весьма крепок и даже могущественен.

Ничего больше Андрей Игоревич не видел, поскольку его притягивал неведомый собеседник. И как притягивал? Он смотрел на него, почти не видя, хотя и понимал, что это не заурядный человек. Бог?

— Проходи, добрый человек Андрей, — сказал ему торжественно Бог. При чем, как сказал? Могучий голос шел ниоткуда но отовсюду — от стен, от потолка, от стола. Сразу становилось понятно — это говорит именно Бог, всемогущий и величественный. И, кажется, по-русски. Иначе, как бы он понял?

Андрей Игоревич даже как-то оробел и мелко кивнул, ничего не осмеливаясь сказать

божественному собеседнику. Прощел в комнату, но не в середину, а только отошел от входа. И не подсел к столу, как это делал в обычной жизни. Встал смиренхонько, ожидая, что ему скажут.

А Бог не удивился, не стал суетиться, предлагать ему садиться за стол, угощаться чаем с бутербродами или какими-то сладкими закусками. Уж он то понимал, человек не в гости пришел, а он не гостеприимный хозяин. Он грозный судия.

— Я постоянно слышал тебя, Андрей, в своих молитвах, — так же велеречиво и торжественно сказал Бог из неоткуда и одновременно отовсюду, — ты мне, честно говоря, страшно надоел. Но я бы все равно не стал торопиться выполнять твою просьбу. Люди, не редко в земной юдоли просят, а, бывает, требуют от меня всякую мелочь, думая, что я их обязан выполнить. При чем нередко их слова еще меняются. Однако же! Я хоть и Бог, но не могу помогать просить прощения триллионов людей.

— Триллионов? — удивился Андрей Игоревич, — А когда это нас столько стало?

— За все времена существования, — махнул Бог, — от Адама до Страшного Суда.

Видимо, божественный собеседник не привык, что приведенные ему на суд прерывают на полуслове, и принял какие-то меры, поскольку его взмах не только был отметкой раздражения, но и привел к полному онемению рта Андрея. Теперь он не сумел бы что-то сказать, если бы даже и сильно захотел.

— И ты, добрый человек, никогда не увидел бы ответа от своих претензий. Я дал вам не только кратковременную на Земле жизнь, но и бессмертную душу. Я дал вам, люди, право самостоятельной судьбы. Потому решайте свои мелкие проблемы сами, без моего вмешательства. Да будет так во время веков!

— Но, — искоса посмотрел Бог на Андрея Игоревича и тому показалось, что он несколько смущен, — в твоей судьбе действительно произошла ошибка. Не знаю уж от чего. Характер у тебя был для XIX века, а направили для рождения почему-то в XXI столетие. И ни божественное предопределение, ни ангелы — определители судеб никак не смогли помочь тебе.

Если бы Андрей Игоревич мог в этот миг говорить, он бы спросил, сколько ошибок такого рода происходит в рамках человечества. Но он был под влиянием печати молчания и потому промолчал. А бог, конечно, и не подумал сказать. Ибо, Богу — богово, а кесареву — кесарево и нечего тут мешать!

Помолчал немного, не из желания выслушать, а дать себе передохнуть. А потом продолжил:

— Я решил своим божьим определением, направить твою душу, человек Андрей, в XIX век на место торопливой души, которая, как раз окажется в XXI веке. Так, конечно не делается. и люди оказываются в жизни, не иначе, как родившись, но это исключение единичное и весьма правильное.

А чтобы душа твоя примирилась к XIX веку я даю тебе материальное и моральное возмещение. Там увидишь. Иди, сын мой, и больше не грши.

Он перекрестил его, от чего душа Андрея Игоревича возликовала, а печать молчания исчезла. Но спрашивать было уже поздно, поскольку он благополучно проснулся.

Вот и домолился!

Просыпался Андрей Игоревич, вопреки обычаю, тяжело и медленно, аж обильный пот пробил. И сердце быстро билось, как у трусливого серого зайчишки, которому нечто страшное привиделось. Не знамо что, но очень жуткое.

Полежал, успокаивая занервничавший организм. Даже провел блоки дыхательной гимнастики на выдох — вдох, представляя, как он умирается. Кажется, полегчало. Присмотрелся к обстановке в комнате, ничего не узнавая. Где он?

Кажется, он должен обязательно проснуться там же, где уснул — в собственной квартире, в спальне, до изжоги надоевшей и до мелочи знакомой.

Но вот не узнается что-то!

Как на зло, по-прежнему стояла глухая осенняя ночь и, логично, стояла чернильная темнота. Мебель, всякие безделушки и книги, которым он был изрядный любитель виделись смутно, практически представлялись. Даже знакомые стены казались какими-то чужими.

И это обескураживало. Все, кроме некоторых мелочей, да и то не до конца, выглядело понятно и до нельзяобычно. Вроде бы. До логичной точки не хватало только света, чтобы все оказалось светло до тошноты привычным.

Андрей Игоревич поискал руками около кровати, где на тумбочке находился своеобразный ночничок — лампа дневного дня. Стояла на всякий редкий случай. И вот он, видимо, настал. Как во время бодуна после дружеской попойки, не может понять, куда он попал, где он вообще? И на крайний случай — кто он такой? Фу-у?

Главное, зажечь свет и все пройдет привычным путем.

Но не получалось! Чем дольше он щупал, чем дальше появились вещи, четкой логике никак не поддающиеся. Щерящиеся руки мебель находили. И хотя как-то не так, но нарочитые грубость и простота выделки подсказывали — его имущество. За большие деньги он заказал оригинальную почти древнюю мебель, а не просто купил в магазине пластиково-деревянный ширпотреб. И эта простота и примитив как раз должны подсказывать гостям богатство и изыск хозяина.

Только вот у «тумбочки» этой вместо дверцы на ощупь обнаруживались толстые ножки, что уже никак не вписывалось в логическую картину мира полусонного Андрея Игоревича. И даже более того, в темноте и тишине, прерываемой странными звуками за пределами квартиры (на улице?), все это отдавалось киношной чертовщиной. Хотелось на кого-то наорать и даже набить морду.

Это сильное чувство окончательно его пробудило, голова пришла в себя и перестала болеть.

Он более активно начал искать на тумбочке, надеясь найти электрическую лампочку под золоченом абажуре и с ее помощью не только побороть темноту, но и восстановить привычное бытие.

Но лампа не обнаруживалась! Более того, находились какие-то незнакомые вещи, от которых у кожи холодок прохаживался, а в животе застревал противный комок страха. Откуда они в его квартире?

Сначала он нашел какой-то продолговатый предмет, а которой чуткие пальцы через бесчисленную прорву времени определили коробок спичек, да и то условно, поскольку ни

размером, ни ощупью в таковые в оригинал ХХIвекане подходили.

Затем он притронулся еще к какому-то предмету, в которой тренированная память наотрез отказывалась обнаруживать знакомый аналог. Лампа? Комнатная безделушка? Э-э, частица чего-то женского из содержимого необъятной сумки чаровницы Дианы, которая изредка ночевала у него?

Скорее всего, он еще провел так большой промежуток времени, пытаясь угадать неугадаемое, но в коридоре зажгла свет квартирная хозяйка Авдотья...

Андрей Игоревич даже сел на кровати от неожиданности. Какая Авдотья, какая хозяйка, он жил всегда один в двухкомнатной квартире, и у него никогда не было женщины с такой имени. Ни любовницы, ни подружки, ни даже подчиненной! Не время существовать женщине с таким именем. Сейчас бы лучше Анжеле, Веронике, Даздраперме. Тьфу!

Изумление его было настолько сильным, что он сразу все вспомнил и понял. Он не у себя в квартире и, более того, не в своем столетии.

Господь услышал его молитвы, принял его и отправил в ХIХ век. А поточнее когда? И куда? А-а, потом решу! сейчас будем радоваться! Ведь как он и мечтал! Правда, перелетел во времени он не физически, а говоря научным языком, ментальнымслепком, душой, если по старому. Тело его, Андрея Игоревича, осталось в ХХI веке, а в ХIХстолетии он, по видимому, попал в другого человека.

Именно это он и видел во сне. Да какой там сон! Видимо, его душу отправили на небо? К богу? И тот восстановил попранную справедливость. М-да. Как бы он не стenal о своей эпохе, Андрей Игоревич был типичным человеком ХХIвека — логичным, атеистичным, нередко циничным. В бога и все связанное с ним он конца не верил, хотя все недавнеепроизошло с ним.

И все же...

Он вспомнил о словах Господа и подумал, что может перекинулся в этого аборигена, душу которого отправят наоборот для пустого теперь тела. Ибо, как он понял из немногословных намеков божественного собеседника, тело — это пустой футляр, без души оно не будет жить.

Пусть живет! Андрей Игоревич окончательно проснулся, и был бодр и радостен. Темное прошлое в прошлом! Компаньона материально он в ХХI векеоставил неплохо. Прибыльная работа, хорошая квартира, красивая любовница. Никто даже не поймет, что я уже другой. Если не дурак, будет кататься, как сыр в масле. Жаловаться ему не о чем и никуда.

Так, теперь обо мне, болезном, но счастливом. Андрей Игоревич осмотрел взглядом комнату, останавливаясь на наиболее интересных моментах.

А ведь бедноватая него квартирка в одном помещении. И какая-то грязноватая. Еще и снимает, наверняка. Не своя собственность. Как он живет совсем, бедолага, не из нищих, надеюсь?

Откуда-то в голове имелась информация, что в ней остались сведения о жизни реципиента и я могу ими воспользоваться. Что же... Быстренько поискал в памяти. Бог же не простачок, не оставил его без знаний об этой эпохи?

Ага, вот этот пласт воспоминаний. И какой большой! Ну, память — это не книга, ее по странице читать не надо. Погрузился и в сию минуту все узнал.

Звали его теперь Андрей, хм, Георгиевич. Унифицировали под этот век. Фамилия та же — Макурин. Уроженец Тверской губернии, из дворян, ха, имений наследственных имуществ теперь не имеет, хо! Оказался снова в Санкт-Петербурге, только уже в столице.

Значит, из обедневших дворян. М-да. С низов пойдём. Но спасибо, ещё не из крепостных крестьян. Тогда бы уже вообще атае!

Так, а в Санкт-Петербург зачем приехал? Посмотрел мозговые данные, почесал тыковку. С одной стороны, семнадцать лет, дворянин, неплохо обучен, причем, не только чтению и письму, но и, как благородный недоросль, шпаге и пистолю, управлению поместьем и командованию полэскадром. Ухаживанию девиц? Нет, этого не спроворен. Но это уж я сам. Нехитрое это дело, детей делать. И, может, черт возьми, хоть в этой эпохе женюсь!

С другой стороны, негатив состоит в том, что все это теория, пусть неплохая, но все же. Андрей Игоревич ещё по прежней жизни познал, сколько молодых людей ломались на этой дороге от теории к практике. И хотя он сам не салага, но все в жизни бывает. Так что не говори гоп!

И самое главное. Его реципиент оказался в столице не только карьеру делать, а по печальному поводу. Холерная эпидемия, проходящая в том числе и на Тверской губернии, погубила и его родное сельцо. Умерли почти все — пахотные крестьяне, дворовые, немногочисленные свободные. Погибли и их господа, родители Андрея Георгиевича — отец Георгий Степанович, мать Клавдия Мироновна, малолетние дети их Петр, Степанида и Сергей. Один только старший сын чудом уцелел и по соизволению губернатора и по уложению высочайшей инструкции был отправлен в Санкт-Петербург, в комиссию по уложению, которая должна была помогать пострадавшим малолетним дворянам в их жизни и в карьере.

Самому Андрею Георгиевичу в очередь назначено через месяц. Но он знал от таких же, как он, бедолаг, что в основном недорослей из-за их благородства не достают, если бумаг не достают, верят на их дворянское слово, а потом отправляют в императорскую армию, младшими офицерами, или, если нет военного образования и солдатского стажа, вольноопределяющими. Те же солдаты, но с пламенной надеждой в скором производстве в офицеры.

Попаданцу такая армейская судьба не очень-то нравилась, но реципиент к этому времени уже смирился и был готов к офицерской лямки. Благо, холера заставила его из родного поместья уехать, буквально убежать без бумаг и денег. Похоронил по-христиански родных и деру, пока сам не сгиб ненароком.

Тут уж не церемоний, а то отправят солдатом в ту же армию. Куда потом жаловаться? Не почтенных родителей, ни влиятельных покровителей, один, как перст. Лучше уж вольноопределяющим, хоть какая то перспектива!

Попаданец Андрей Игоревич в такие пессимистические думы не то что бы не верил, но видел некоторые шансы в обустройство в штатские чиновники. Во-первых, он хорошо грамотен, во-вторых, у него был красивый почерк. И, в-третьих, в чиновники тоже брали. Куда меньше, примерно одну четвертую от общего числа, но ведь брали! А у него огромный опыт отношений с казенными людьми из аппарата. Прорвемся!

Итак, во-первых, остаться в Санкт-Петербурге, во-вторых, на прибыльное место в казенном аппарате, желательно в собственную императорскую канцелярию, в-третьих, постараться жениться, желательно и по любви, и по расчету.

Тут ещё другое. Реципиент его был весьма беден, потому и рыпался, понимал, что не с чего ему гордыню поднимать. Но попаданцу сам Бог обещал материальное благополучие. Не большое, правда, но все же.

А потом, что значит большое? Кому-то и три рубля ассигнациями покажется много, а

кто-то сто рублей равнодушно отдаст, не поморщится.

А это получается, что первым делом ему необходимо посмотреть свое финансовое благополучие. А уже потом танцевать от имеющего. Жить, как говорится хорошо, а хорошо жить еще лучше. А это, значит, жить богато!

Андрей Георгиевич решительно встал с постели и принялся ревизовать свою одежду. Проходя по статье «неимущие сироты из благородных» он снабжался на уровне младших офицеров с некоторой экономией, если получается. В одежде это получается, что его сюртук и панталоны были сшиты из дешевой материи и как бы не были уже кем-то поношены. Скорее всего, таким же, как он, жертвой эпидемии. Его уже, скорее всего, отправили в армию, выделив в общем порядке положенные деньги или обмундировании (кому как повезет), а казенную штатскую одежду вернули обратно, постирав и одев на государственный счет очередного сироту. Постирали хоть хорошо?

Небрежно подняв лежащий сверху на ворохе одежды сюртук, он поцепил казенный, т. е... дешевый из шершавой ткани кошелек. Андрей Георгиевич, не зная специфики местной финансовой системы, ждал, что ему придет стопка ассигнаций. Тощая не тощая, это уж, как Господь смилостивится, а все одно он получит бумажки, так называемые денежные знаки. Ведь не электронный счет ему здесь открыли?

Получилось даже хуже. Ассигнаций он так и не увидел, а среди иных денежных структур подержал настоящие монеты. Из подлинного серебра!

В середине XIX века он иногда по несколько месяцев денег и не видел. То есть их у него было много, но электронные, не то что даже руками не ощупать, глазами не увидеть! Счет сюда, счет туда и все. А тут такие весомые серебряные монеты. Кошелек уронил на пол, так такой звон пошел, казалось, на весь многоквартирный дом!

Подобрал с полу тяжелый кошелек, взвесил его в руке. Да уж, это не банковская карточка, нечаянно не потеряешь! Интересно, а сколько здесь у него, для реализации намеченных целей хватит? Для начала ему бы оформить свой почерк и хотя бы немного знаний. Ух!

Перед тем как приступить к подсчету, внимательно прислушался. К Авдотье Спиридоновне он подселился казенным порядком и за казенный же кошг. Бабуля была вдовой какого-то чиновника, мелкого, но, с точки зрения начальства, надежного, незамеченного не в чем таком противном. То есть можно было казенного гостя поселить. Однако, при этом платили ей через самого посетителя. А что он ей заплатит за последний месяц, если казна опять задерживает?

Вот и ходит шустрая старушка около дверей посетителя, внимательно подглядывая и подслушивая. Не знает еще, что парень у нее оставался тот же, но с другой душой. И как бы эта ненароком выведенная тайна бумерангом ей по любопытному носу не ударила!

Но пока в маленькой этой квартире стояла тишина. И сама хозяйка, и ее дальняя родственница Полина еще спали, не ведая, какая денежная благодать упала им на голову. Или не на голову, так на пол точно.

Андрей Георгиевич немного еще прислушался и, успокоенный тишиной, полез похозяйски в кошелек. Должен же он знать, насколько его бог прибарахлил? При этом, в отличие от остальных, это не просто цитата из еще ненаписанной по нынешнему времени басни Крылова, что, мол где-то там куда-то там отломил лисе Господь ломтик сыра. Дорогущего. Пахучего.

Нет, ему Господь как раз щедро дал конкретную сумму именно серебряных денег. Не

натурой. Только сколько их?

Аккуратно положил полотняной кошелек... Кстати, это уже не кошелек, а кошель! Какой объем. Решил валить прямо на разобранную постель. Хотел было схватить за его концы и вывалить металлическую мелочь, да вовремя спохватился. Слишком шумно будет, Авдотья точно проснется, такие люди от звона презренного серебра всегда пробуждаются. Да и не мелочь это, хочется верить.

Стал ладонью сыпать аккуратно горстями монеты, чувствуя, как от возбуждения потеют ладони. Там была не только «мелочь» — гривенники, двугривенные, вплоть до полтинников. Много было и рублевиков, в большинстве своем новых, блестящих. А ведь что это рубль по тем временам? За три рубля серебра можно спокойно прожить за год! То есть он сейчас сгрэб своими руками такое богатство, на которое он может спокойно прожить на несколько лет в Санкт-Петербурге!

Почувствовал, как бешено бьется сердце реципиента, отложил деньги, отвернулся к зеркалу, подошел посмотреть на себя иного. Хотя, как посмотреть, зеркало. Небольшой осколок зеркала, доставшего ему по случаю от старой барыни, несколько увлеченной провинциальным юношей.

Вот в это зеркало и смотрел Андрей Георгиевич на самого себя. Юноша он был красивым, если не сказать смазливym. Если бы еще умел быть наглым и способным соблазнять, точно бы был нахлебником у местных баб. То есть дам.

Андрей Игоревич задумался на эту перспективу, потом решительно отказался. Не для этого он оказался таким почти волшебным способом в XIX веке, чтобы попасть в бабье царство!

Смазливую мордашку он, конечно, использует, но как-то по-другому. Например, улыбаясь важному начальству, действительному статскому советнику. И не надо проводить сексуальные извращения. Хотя, быть может, если подойти к какой-нибудь молоденькой девице...

Андрей Георгиевич мечтательно улыбнулся, предоставляя такую изысканную для него картину. Потом кашлянул, успокаивая свое воображение. Судя по его сладкой физиономии и решение сразу душ одного тела — Андрея Игоревича и Андрея Георгиевича — девиц, а потом с годами и женщин у него в жизни будет много.

Почувствовал состояние своего тела. Кажется, успокоилось. Видать, не часто он видит даже такие деньги, если так взволновался. А ведь дворянин, хоть и молодой!

Или это так реагирует организм на возможность отбиться от армии? Хоть и офицер или вольноопределяющийся, пусть и XIX век, а все одно это тяжело, если не сказать плохо. И пусть реципиент даже внутри тела не волнуется, но поиск другого, штатского пути явно его радует от дрожи в пальцах.

Сел обратно в постель, разобрал монеты по достоинствам, рассматривая специфику отдельных денег. Рублевиков было аж пятнадцать штук! Гип-гип ура! Это ж сколько у него рублей в ассигнациях, если они были 4 к 1? Ой, ахти мне!

Кстати, решил и точное время «перелета». Рублевки точно показали — это начало 1830-е годы. И реципиент, вначале сомневающийся, подтвердил — уж несколько лет царствует император Николай I. Приякорились!

Подсчитал остальные монеты. Полтинников было всего пятеро, зато двугривенных оказалось срок три. Гривенников было семнадцать, но пятак серебром один! Что за ценный такой номинал?

Впрочем, ладно, он не министр финансов. Всего почти двадцать четыре рубля серебром! Поискал пальцами в кошеле, не осталась ли еще какая монета, прежде чем скинуть деньги обратно. Что-то им все мешало. Немного обозлившись, потянул эту преграду.

И им оказалась достаточно толстенькая стопка ассигнаций красненьких десяток и синеньких пятерок! Сколько тут, ведь всяко больше ста рублей ассигнациями в самом крайнем случае!

Только достаточно пожилой возраст Андрея Игоревича и умение хранить спокойствие в любом состоянии позволили ему не заорать на весь Санкт-Петербург или хотя бы нас весь большой дом.

Вместо этого он медленно и аккуратно, стараясь не впадать в чувства, стал считать ассигнации. Красного цвета бумажек с достоинством в десять рублей. Их оказалось тридцать две!

Потом синенькие бумажки в пять рублей. Двадцать три!

Вот тебе и сто рублей! Да тут триста с гаком! Да еще серебро на те же сотню ассигнаций.

Хоть Андрей Игоревич и не очень верил в Бога, но тут и он на радостях бросился на колени перед иконой (она была расположена в красном углу комнаты, как памятник любого смиренного христианина) и прочитал молитву во имя бога, сына и отца. Сам попаданец молитву, разумеется не знал, но память реципиента не подвела и он, запинаясь, проговорил ее до конца.

И только потом мог слегка передохнуть и, наконец, пристально осмотреться. Жил Андрей Георгиевич в маленькой комнатухе пять аршин на три, в которой в большом трудом размещались опять же небольшой столик, самодельный табурет и кровать. Мебель была в минимуме для приличного житья, но какого она была дешевой и примитивной! И как действительно грязно!

Так сказать стол был из обрезка непрочищенной широкой доски. Заносы, правда, на ней уже отсутствовали. «Благодаря его сюртуку, — напомнила память реципиента, — который стал колюч, как сердитый еж».

Постель существовала только в представлении попаданца. И, может, еще в кошмарном сне. В реальности же это была самая настоящая лежка бедного крестьянина. Да еще грубое с серым постельное белье, на котором он изволил спать. Бр-р.

Андрей Георгиевич отчетливо понимал, что это XIX век и некая доля натурализма и естественности имеет, как положительные, так и отрицательные стороны. Кушать вы будете натуральные продукты, а не переработанные водоросли. И воздух на улице свеж и без технократических примесей, в худшем случае с запахом лошадиного навоза. Но и ткани выделяются, а потом шьются достаточно примитивно и грубо. И мебель вам будут производить не на станках и даже не специалисты — краснодеревщики, а мужики с соседнего дома. Изысканная же мебель пока только удел верхушки общества, как правило, дворянства. А богатые купцы и крестьяне, имея деньги, все равно стремятся к повседневной простоте.

Насекомых нет и ладно. Тараканы, блохи и клопы. Кстати... Он еще раз внимательно осмотрел простыни, пощупал наволочку. Точно нет?

Мелких вредителей, а также относительно крупных типа мышей или, упаси боже, крыс, к его облегчению, не было. И пахло каким-то ядом, явно от живности берегутся.

Андрей Георгиевич еще раз оглянулся, вздохнул, оглядел деревянные доски на стене,

шпукатурка, кое-где прослеживающие кирпичи. Первое желание попаданца немедленно съехать отсюда понемногу ослабело. Квартирка хоть и среднеслабая, но не противная. И вредителей нет. А то переедешь в пуховую перину с клопами — кровопийцами, намучаешься потом. Надо вот только попросить топить получше, чтобы сырости не было.

Поискал в памяти у реципиента, дровами квартира снабжалась за счет хозяев. Это хорошо Плохо то, что Авдотья была старушка бедная и скупая, за каждую копейку готова если и не сама удавиться, то ближних удавить точно. То есть предлагаются два варианта снабжения — или постоянные ругательства с непонятным результатом, или самому оплатить дрова. А с учетом того, что печь в квартире была одна, то получается он будет согревать и скардных хозяев.

Последняя мысль была реципиента и Андрей Георгиевич поморщился. Сам он был не из вежливых интеллюю, если надо мог и разругаться и по морде дать. Но, как потомственный коммерсант (если считать маму-продащицу), он понимал, что и торговля и беседа легче идут без ругани.

И вообще, у него полтысячи рублей ассигнациями, что он будет мелочиться? Тьфу на тебя, молодой человек! Пару рубликов схомячил, жаба выграла? Мой друг, сейчас в пару столетий у тебя нет никаких соперников. И ты будешь круглый дурак, если не воспользуешься этим!

Руганулся и принялся одеваться. А то кто из женщин ненароком придет, а он в дезабилье. Не хорошо-с!

Глава 2

Действительность попаданца расширяется

В дверь комнаты тихо поскреблись. Так пытаются попасть в закрытую комнату, когда не уверены, что хозяин уже проснулся. Авдотья, никак иначе, опять хочет «напомнить» о квартирных долгах! Но что так негромко?

— Да, да, — звучно ответил он, одним движением закрыв простыню деньги на постели. Хоть и не ворованные деньги, а все равно не зачем показывать, как он стал богачом. Как говорится, когда всех медяки не следует нагло показывать золотые. И хотя Господь его не обрадовал оными, но денег и так оказалось много. В это время простонародный люд таких сумм аи не видел никогда!

Дверь открылась и показалась, к его удивлению голова юной девушки. Оба-на! А ведь она действительно красавица!

Курносенькая, русоволосая, с длинной косой, она была в таком возрасте, когда все девушки кажутся удивительно красивы и прелестны.

Это была дальняя родственница Авдотьи Полина, седьмая вода на киселе, проще говоря, приживалка, жила здесь на правах сиротинушки и домашней служанки. Любопытно стрельнула на него глазами, сказала:

— Маменька изволила пригласить вас к утреннему чаю, а то чайник уже закипел.

Ну и ничего они здесь встают, солнце еще не показалось! Хотя, похоже, на улице уже осень, светлое время начинается поздновато, но все же!

Ответил Полине вежливо. Хоть и из простого люда, а такая прелестница:

— Не извольте беспокоиться, мадамзель, сейчас приду!

Девушка что-то еще хотела сказать вдобавок, но не решилась, робко закрыла дощатую дверь.

Видимо, на счет денег, — подумал Андрей Георгиевич, — надо уже наконец расплатится. За одним и по дровам для квартиры поговорить. Все равно только черезхозяйку и можно этот вопрос решить. Иначе никак!

Убрал деньги в кошелек, а тот под подушку. Хотел было взять с собой, но спохватился. Куда он его положит, ни тяжелые серебряные, ни довольно объемные бумажные не уместятся.

Скажи спасибо еще, то при Николае Имедные деньги перестали господствовать в денежном обороте. Андрей Игоревич историком не был, но по роду профессии кое-что читал по развитию финансов. ВХVIIIвеке сто рублей медных денег весили 6 пудов! Это ж мои 500 рублей весили 30 пудов, почти 500 если в килограммах!

Андрей Георгиевич покачал головой в такт своим тяжелым мыслям, взял ассигнацию в пять рублей и решительно вышел в коридор, а оттуда в кухню.

Придя туда, он понял, что в своей маленькой комнате он еще жил по-царски! Хоть тесно, но один.

Здесь же крохотное помещение в несколько квадратных аршин вмещало выход в печку с грудой дров, многочисленную посуду. То есть так-то ее было не то чтобы совсем, но если собрать всю сразу, то чугунная утварь занимала почти треть. А еще стол, тоже небольшой, но

все же побольше, чем в комнате у попаданца, две табурета. И три человека в общем количестве.

Понятно почему Андрей Георгиевич даже не подумал заходить на кухню. Он туда просто не влазил! И потому стоял у порога и спокойно стоял.

Женщины же, не торопясь, пили «чай», в котором попаданец унюхал какой-то травяной напиток.

Полина, застеснявшись, хотела было выскочить из стола, все-таки его ждал мужчина и дворянин, но Авдотья взглядом остановила ее, сухо сказав постояльцу:

— Милостивый государь Андрей Георгиевич! Сегодня вот уже две недели вы держите свой долг по квартире. Я все понимаю, но все-таки, вы могли бы по настойчивее требовать.

Авдотья хотела сказать еще много этому молодому человеку, пусть благородному, но бедному и, похоже, нерешительному, но тот взгляд ее упал на явно специально торчащую среди пальцев синенькую бумажку, которую владелец старательно показывал.

Ассигнация! Пять рублей! И вроде бы он хочет ее отдать! Ах, какая она тетеря, полезла со своими нравами. А вдруг он теперь передумает и лучше выпьет вкусное шампанское?

— Андрей Георгиевич! — совсем в другом тоне, любезном и даже обходительном спросила она все в трепете, — вы хотите вернуть мне свои долги по квартире?

— Да, Авдотья Спиридоновна, — сказал он холодно, как раз вовремя вспомнив отчество у хозяйки, — если вы соизволите...

— Ах, конечно же, — перебила старуха своего постояльца, — Полина, дорогая, — обратилась она уже к девушке.

Можно было не продолжать. Полина легко поднялась и вышла из кухни, напоследок стрельнув в парня любопытным взглядом.

Хозяйка же была сама любезность. Она помогла присесть Андрею Георгиевичу присесть на тубарет, подвинула ему грубо сделанную глиняную кружку, налила травяной напиток, отрезала кусок черного хлеба от небольшого каравая.

И села в ожидании. Больше ее ничто ухаживать не подталкивало. Наоборот, ход был за постояльцем.

Андрей Георгиевич не стал ее мучить, положив на стол перед Авдотьей синюю ассигнацию. Старушка сразу воссияла, перекрестила себя крестным знаменем, словно Андрей Георгиевич вдруг превратился в светлого ангела. Или хотя бы положил на стол не презренную ассигнацию, а икону с божьим ликом.

Затем посмотрела на него восхищенным ликом, обещающим всякие земные радости. Да уж. Будь она помоложе лет хотя бы на двадцать, а лучше на пятьдесят, он бы был радостен в преддверии амурных шалостей. Но со старухой, нет уж! Лучше переключимся на деловую сферу:

— Я положен здесь прожить еще месяц. Кроме того, за прошлый месяц должен вам. Вот, пожалуйста, пять рублей за два месяца, считая за месяц два рубля с полтиною. Теперь я вам ничего не должен.

Авдотья чуть на радостях в обморок не упала. Пять рублей, и все ее! Господи, счастье-то какое! Спасибо тебе огромное, благодетель!

Андрей Георгиевич не заметил за ней никакого шевеления, но ассигнация на столе как-то незаметно исчезла. Вот так бабуля — ловкие руки! Попаданец и развеселился, насторожился, подумав, что таким образом она может легко вытащить пару рублей у него в

сюртуке. Или в панталонах. Шустрая бабушка!

Авдотья меж тем, ласково улыбнувшись постояльцу, легко выскользнула из-за стола. Ему только оставалось вновь удивиться, помня о ее старости (почти 40 лет). Вот это у нее здоровье, как у девушки, что суставы, что мышцы, эластичные и гибкие!

— Пойду я схожу к Митричу в лавку. Давеча сказывали, что он сегодня дешевую ржаную муку завезет, если Господь даст благословения, куплю пар фунтиков, к обеду будут лепешки, а к вечеру свежий хлеб, опять же если дров найду, испеку. А с тобой, благодетель, и Полинка посидит. Вон она и чай не допила, торопыга.

Андрей Георгиевич благосклонно кивнул, понимая, что от него уже ничего не зависит. Он дал деньги и теперь ничто не остановит старушку от лавки, ни вязкая грязь, ни жгучий мороз, ни даже военное положение если вдруг.

Авдотья исчезла, как нечистый дух, вильнув длинной юбкой, а на нее место немедленно села Полина. Наверняка ведь подслушивала их разговор. Эх, женщины, сколько он их не знает за два века (XIX и XXI), все остаются такими же — любопытными сплетницами. Впрочем, это не страшно. Что естественно, то не безобразно. Вот мужчины-сплетники — это ужас!

Ласково улыбнулся робкой девушке. Села к почти незнакомому дворянину за стол без приглашения. хоть и маман говорила, но все оно не хорошо так молодой приличной девушке!

Посмотрел на смущенную Полину, отпил из кружки остывший отвар. И тут же скривился. Вот это вкус! Андрей Георгиевич за свои годы двух жизней пил всякое — и терпкое, и кислое, и серо-буро-малиновое спиртное, но такую гадость ему еще пить не приходилось.

— Что за траву вы завариваете? — искренне возмутился он, глядя на темный отвар в кружке. С железистым и не вкусно травяным привкусом. Что-то от мать-и-мачехи или от лопуха. Не яд, не умрешь, но пить это под видом чая?

— Не знаю, — равнодушно ответила девушка, — маман что-то собирает за городом. Говорит, что полезно для здоровья. Зато дешево.

— Вот ведь старая калоша! — мысленно обругал Авдотью попаданец. Калоши он никогда не видел, но представлял их такими же — старые, некрасивые и поношенные. И также ломают всю жизнь.

— Я с животом не страдаю! — решительно объявил Андрей Георгиевич. Потом вдруг нерешительно замялся. Он хотел отправить ее в магазин — за чаем, сахаром, булками. Самым необходимым и скромны. Он даже не упомянул животное (сливочное) масло, хотя уроженцу XIX века очень хотелось. Вытащил из кармана сюртука мелочь, попросил между делом:

— Полина, вы не сходите за бакалейной всячиной? Чай там, сахарок, чего-нибудь мучное.

Сказал, вполне ожидая, что девушка откажется. Ха, наивный он мальчик! Как только Полина увидела монеты — двугривенный и гривенник — большие по тем временам деньги — она бы с радостью выполнила любое его поручение.

Впрочем, любое не любое, а в продуктовую лавку точно бы сходила. И уже, осмелев, сделал дополнительный заказ:

— И еще посмотрите там сыра. Осьмушку. А то очень хочется.

Полина, как ни в чем не бывало кивнула, взяла деньги и улепетнула, иначе и не скажешь. Молодость, дни быстролетные.

Вздыхнул и отщипнув от краюхи черного хлеба, пожевал. Ну это не такая большая гадость, как якобы лечебный отвар Авдотьи, собака съест, если очень голодной будет. Но тоже не вкусно. Как уж не ругают в нашем XXI веке хлеб из искусственных добавок, но нас и мука размолачивается лучше и пропекается вкуснее. Или это Авдотья одна такая умелица?

Решительно отодвинул каравай по столу подальше, подумав, вылил отвар от кружки в ведро с съестными остатками. Хлеб еще жалко, а этот так называемый чай выливать только туда! Пусть свиньи, если они есть, лечатся!

Хотел было нагреть воды в ожидании посланницы, но передумал. Ведь сколько проблем появится: куда ему отвар из чайника вылить — в ведро? Ха, вдруг неведомые свиньи не переварят, умрут. А где воду кипятят, явно в середине дня печь не топят, да и как он будет лучину щипать получить и жечь? Ну его в преисподнюю, устроит еще веселенький пожар. И вообще, не мужское это дело. Или вот, не дворянское!

Так и ждал до прихода Полины, бездумно оглядывая обстановку в кухне. Там для попаданца все действительно было если не интересно, но внове. И память реципиента — дворянского недоросля — не очень помогала. В кухне он бывал считанное количество раз, да и то в поместье, а не в городе. А это все-таки две очевидные разницы.

Андрей Георгиевич только покачал головой. Не только электричества не было с большим количеством бытовых приборов, но нефтепродукты еще не появились. Все базировались аккуратно на дровах — поленьях, поленках, лучинах. Кухонные приспособления исключительно были приспособлены под них. Не фигу себе, как люди обходились!

Вдруг около выходной квартирной двери послышались легкие девичьи шаги и попаданец отвлекся от наблюдения за обстановкой кухни.

Пришла действительно Полина, несущая прямо на руках свертки. Пакетов еще не было, различные сумки из натуральной кожи, может, и существовали, но практически оказались слишком дороги для городской бедноты, которой Авдотья и ее родственница явно принадлежали.

— Ничего, здесь недалеко, — отмахнулась Полина на вопрос попаданца, — потом, ежели сильно попросить и ласково поулыбаться, то хозяин лавки свернет из бумаги в единый пакет. Но я и так принесла.

Она выгрузила свертки на стол начала показывать:

— Как вы приказали, господин Макурин, взяла чай, сахар. Они дорогие, вот и купила по несколько злотников каждого товара. Зато булки из ситного хлеба побольше фунта. Животное масло в лавке было не свежим, я и рискнула. Зато ветчину только что привезли. Приказчик Семен сами пробовали и очень рекомендовали. Ну я и купила на четыре копейки.

Полина замолчала и стеснительно посмотрела на парня. Господи, она боится, что я буду ругаться за ее самодеятельность, — понял Андрей Георгиевич, — да какая ерунда! Надо ее успокоить, показать, что я всем доволен.

— Так ну что же, Полина, — сказал он, потирая руки, — все прекрасно, ты просто молодчина!

Посмотрел, как девушка от ее слов заметно расслабляется, приказал, давая дальнейшие действия:

— Теперь ты, милая, ставь на огонь чайник, а я буду готовить...

Хотел сказать бутерброды, но остановился, подумав, а было ли такое название? Кажется, в российском средневековье такое блюдо существовало под названием буттербродов, но при Николае ли I? Черт его знает, он не интернет, все знать! Решил, что

ограничиться описательным действием:

— Нарезу ломти хлеба, а сверху положу ветчину.

— Ах, у нас будут бутерброды с ветчиной, — захлопала в ладони Полина, разом разрешив мучения попаданца с этим блюдом, — и настоящий чай с сахаром!

Девушка буквально сияла в преддверии скорой встречи со второй частью затянувшегося завтрака.

Совсем еще молодая и живут они бедненько, — старчески посетовал попаданец, — как она обрадовалась сладкому чаю.

Внезапно веселье Полины угасло. Она опасливо покосилась на постояльца:

— Прошу прощенья, ваше благородие. А... вы изволите мне немного испить с вами чаю?

Попаданец от такого крутого поворота в поведении девушки аж немного обалдел, не понимая, что с ней и не заболела ли она психически?

К счастью, память реципиента постоянно была начеку и она услужливо показала нужную информацию. Проблема состояла в том, что с одной стороны, они оба были молоды и она, как бы даже считала себя даже взрослее, и потому вела снисходительнее. Ей, с ее опытом столичной жизнью, впрочем, довольно небольшой, и с девичьими прелестями, на которые Андрей Георгиевич по молодости постоянно пялился, была куда как выше своего собеседника.

Однако, девушка тут же постоянно, хотя и довольно отрывочно вспоминала, что она из простонародья, а он из благородного состояния. И их пути в дальнейшей жизни наверняка разойдутся. При чем ее в низах российской жизни, а его где-то в верхах.

Память реципиента, кстати, тоже на это намекала. Он — дворянин, а она лишь простая девушка и они, несмотря на всю ее юную красоту, совсем не пара. Вернее даже так, он ей не пара.

Все это пронеслось в голове Андрея Георгиевича моментально и он уже покровительственно сказал, смотря, тем не менее, на высокую грудь девушки. Очень уж она смотрелась для юноши в простеньком платьице из тоненькой ткани.

— Что вы, Полина... — он вопросительно посмотрел на девушку после очередной подсказки памяти его преемника. В эту эпоху по имени-отчеству полагалось называться всякому. Это означало равенство и почтение. А если не назывался человек по отчеству, то без равенства и почтения. Скажем начальство и подчиненные. Или, скажем, как сейчас, благородный дворянин с простонародной девушкой. Ведь, в конце концов, ей идти в прислуги и, наверняка, любовницы, чиновных бар, а ему служить императору и, если повезет, через несколько десятилетий, самому становится тем самым чиновным барином, богатым и благородным.

Но если дворянин сам потребовал...

— Сергиевна я, — порозовев от удовольствия, произнесла Полина, — отца по христианской традиции звали Сергей.

Или от чего еще она порозовела, покраснела, щечки или ланиты аж заалели, а грудь выдвинулась на всеобщее обозрение мужской публики, каковую Андрей Георгиевич один представлял.

Ишь красавица какая! Жаль только по нынешней эпохе, уже через несколько лет она увянет, замороженная тяжелой жизнью, детьми и мужем, если повезет. Ну а пока...

— Почту за честь, пригласить вас со мной позавтракать, Полина Сергиевна, — с удовольствием произнес попаданец и добавил заготовленной фразой, которую не раз слышал

в исторических фильмах и теперь вот заговорил сам: — и попрошу вас без чинов, милостивая государыня!

«Милостивая государыня», молодая девушка, смущенная и польщенная словами благородного собеседника, принесла чайник с закипевшей водой и чуть было не облила кипятком — то ли его, то ли себя, то ли обоих сразу.

Это ее сильно отрезвило. Она уже осторожно поставила чайник на специальную подставку, залила заварку в специальную кружку, бывшую у них в этой роли из-за отсутствия маленького заварного чайника, подождала пока чай заварится и попросила, ослепительно улыбнувшись:

— Налить ли вам чаю, Андрей Георгиевич?

— Почту за честь, Полина Сергиевна, — сразу же подключился он в нравящуюся им обоим игру во взрослых.

Она налила чайную заварку в две кружки — ее и его — добавила кипяток из чайника. Он заботливо пододвинул деревянное блюдо с бутербродами.

И началось собственно чаепитие. В отличие от черного хлеба Авдотьи и, тем более противного травяного напитка, ситный хлеб из лавки с ветчиной был очень вкусный. Да еще на юношеские сосочки, не онемевших или, хотя бы, не ослабевших, от жизненных препятствий и каждодневного поглощения еды. И даже не очень хороший сахар, сваренный по технологии XIX века, не портил трапезу. К тому же Андрей Георгиевич, немного попив, как девушка, в прикуску с чаем, решительно положил его в кружку. Пусть там сластит язык!

Подзатянувшийся завтрак был грубовато прерван Авдотьей. Та тяжело вломилась в квартиру с большим узлом, видимо ей с трудом по силам, поскольку села прямо у двери, едва ее закрыв.

Полина забеспокоилась, бросившись ей помогать. Андрей Георгиевич же остался спокойно за столом. Он уже быстро привык к своему привилегированному здесь положению богатого барина. Будет он еще помогать старой горожанке из простолюдинов!

Кстати, Андрей Георгиевич, как оказалось, повел себя правильно. Отдохнув, Авдотья убрала куда-то в тайные закрома тяжелые закрома, поставив в сторону только мешавшую ей Полину и села за стол на место девушки. Понять, что она без спроса буквально влезла к завтраку благородного дворянина, ей и в голову не пришло. Или пришло, но она осмелилась здесь хамить. Ведь она в квартире хозяйка, а он лишь молодой дворянин без чина. Нуль без палочки!

Будь это прежний Андрей Георгиевич, возможно, он бы возмутился, поерепенит бы свои перышке на юной тушке. Но старый Андрей Игоревич только усмехнулся, посмотрел насмешливо на Авдотью, мол, я все понял. Теперь же мой ход?

старушка была хоть и облезлой, но умной. Увидев, что благородный и, как оказалось, богатый гость от казны, не стал ерепенится, а предлагает с чувством, не спешно наводить отношения с перспективой до, как минимум, местного полицейского. А тому все одно, кто прав. Благородный всегда выше перед простонародным!

И потому залебезила, стала благодарить за врученные деньги, на которые она так удачно купила два с лишних пудика муки:

— Я хорошо пришла, партия муки, которую хозяин закупил, оказалось продавали весь вчерашний день. А сегодня и я была последняя покупательница, и початый мешок муки последний. вот Митрич по знакомству и предложил купить подешевле все остатки. Сюда, правда, уже скидывали всякий мусор, но мы все уберем. Да, Полина?

— Да, маманя, — покорно согласилась девушка. Хотя безрадостной она не была. Главное, есть провизия и не надо жить полуголодным!

— Вот-вот, как минимум, сыты до Рождества будем, благодетель ты наш! Христом Богом благодарю!

— Э-э-э, Авдотья Спиридоновна, я как раз хотел поговорить с вами по одному поводу. У меня туфли за ночь не высохли, холодно у вас в квартире, — несильно попенял постоялец хозяйке.

— Кормилец, да откуда у меня такие деньги-то на дрова, — заняла та привычным речитативом, — да и не очень холодно пока, перетерпим.

Ничего себе не холодно! Он видел часть улицы в окно. Лужи еще не замерзали, но уже покрывались по краям ледком. Наверняка, ноль градусов! Еще во второй половине XX века всюду в городах при такой температуре включались отопление. Он не белый медведь, чтобы на радостях совать в рот лапу!

— Авдотья Спиридоновна! — сурово и безапелляционно потребовал постоялец, — ничего не знаю. вот вам еще пять рублей ассигнациями. Купите на все дров, они пока еще не дорогие и чтобы к ночи было тепло!

Как и ожидал Андрей Георгиевич, пятирублевая бумажка оказала на старушку сказочное влияние. Она совершенно забыла про усталость, про желание попить редкий в этой квартире чай и даже про свою бедность. Схватила синюю бумажку и бормоча, что «кормилец, спасибо, что о нас не забываешь. Милостивец, я быстро сделаю», опять усвистала куда-то на улицу, предварительно спрятав в многочисленных одеждах ассигнацию.

Андрей Георгиевич был невозмутим. Пусть бегают и прыгают, деньги он им дал, большие для их уровня, хотя, в общем-то, мелочь. А ему надо дозавтракать и спешить «на службу» — в структуру государственного управления. Официально ему еще на заседание Комиссии почти месяц, ждать долго, но увидеть нужных чиновников не просто нужно, но и необходимо.

В эпоху двести лет вперед он не раз, хоть и не любил, но взятки давал мастерски, кому куш долларов, кому (патриот!) обязательно рублями, но не меньше, чем десятки миллионов, третьи не брали взятки принципиально, предпочитая только «щенками» — редкими книгами, дорогими картинами, красивыми вазами. И обязательно не ему, а учреждению. Это ведь не считается «взяткой»?

Не считается. Ха, блажен, кто верует. Андрей Игоревич давал не только свободно, но и элегантно, не смущаясь перед чинами и должностями. По всей их организации до сих пор ходила легенда, как он под видом добровольного взноса пострадавших от пожаров, дал взятку из рук в руки самому министру. И он еще благодарил, от лица пострадавших, разумеется. А деньги..., кто потом их будет искать?

В XIX веке, судя по фильмам и немногочисленным прочитанным книгам, вздоимство было развито еще как! Можно было дать хоть самому императору, если, разумеется, ты до него доберешься. Только не вздумайте ему совать в руки грязные деньги! Каждому чину сообразно уровню надо было не только дать соответствующий подарок, но и показать должное уважение. А то не то, что цели не добьешься, так еще и пинок получишь в одно очень интересное место.

Вон, даже хозяйка нынешней квартиры, у которой в каждом взгляде написано желание денег, охотно будет брать только «по хозяйственным нуждам». А взятку она не берет! Хотя в

конечном итоге, какая разница? Если бы суд был, он бы легко обнаружил передачу денег из рук в руки.

Андрей Георгиевич укоризненно вздохнул, отпил почти сладкий, почти ароматный чай. Ласково улыбнулся присевшей девушке:

— Кушай бутерброды, Полинуська, ветчина очень уж хороша!

И когда она робко взяла самый маленький ломтик хлеба с ветчиной, поощрительно кивнул:

— Смелее кушай. Я уже наелся, а Авдотья когда еще придет. Бутерброды почерствеют, обветрятся. Кому тогда их кушать?

— А..., — начала Полина, и не окончила. И без этого было понятно, что старушка будет гневаться на девушку-приживалку, то есть существо без малейших прав, когда ей не оставят лакомства.

— Там еще же остались ситный и ветчина? — помог он ей выбрать сложный и трудный, но такой вкусный путь.

Да, конечно, — поддакнула Полина, — вы резали бережно, почти половина ветчины и почти целый фунт ситного хлеба. Он такой вкусный! — не выдержала она, — я бы даже только его съела пару фунтов, без ветчины. Ой! — засмушалась, поняв что напрашивается к очень доброму, но важному господину, который куда как выше по положению и богатству, чем она.

— Сейчас ешь все бутерброды, — доброжелательно сказал Андрей Георгиевич, сделав вид, что не увидел смущения прелестной собеседницы, — а к девяти часам, когда я отбуду к присутствию (еще один архаизм XIX века, означающий место службы), ты сама нарежешь всех бутерброды — мне, Авдотье Спиридоновне и себе.

Да, — вспомнил он, и как бы небрежно накрыл ее руку своей, — не вздумай себе положить самую малую долю.

— Как изволит ваша милость, — вдруг задрожала она от прикосновения уверенной мужской руки, — я все сделаю.

Потом выдернула руку, но при этом осталась за столом, робкая, пунцовая, но в то же время изредка постреливающая дерзкими взглядами.

— Ах, какая красавица, хотя и дичок, — покровительственно посмотрел на нее Андрей Георгиевич. Все, как положено в пуританском XIX веке, раз не замужем, то девственна, и мужчину видела только издалека. Повалить бы ее в постели, да нельзя. Ему-то ничего, а ей будет вся жизнь сломана. Это тебе не распутный XX век с порнухой и разбитными молодыми девками. А так бы хотелось!

Он еще раз посмотрел ее ладную фигурку с выпуклыми девичьими прелестями особым мужским взглядом, который без слов говорил обоим сторонам о намерениях парня.

А потом ушел. Ибо девки это важно, от них зависит судьба человечества, но, к счастью, в повседневной жизни все решают мужчины. Те еще сволочи тоже, но с логикой и понятными понятиями.

Зашел в свою комнату, бегло осмотрел свою одежду. Какая бедность! Обязательно надо купить на комиссию, где будет решаться его судьба, что-нибудь эдакое модное и дорогое. Он ведь, как-никак дворянин!

Усмехнулся своим новым мыслям, тщательно закрыл входную дверь и только потом осмотрел свое денежное богатство. И серебряные монеты, и ассигнации. На кухне ему одно время показалось, что он излишне начал роскошничать. А вот тут посчитал и подумал, что

права народная мудрость — от питания не разоришься, останешься без денег от питания. Все, конечно, в меру безобразного, но тем не менее.

Самое главное — не расходы, а постоянные притоки — вот что является основой благополучного финансового положения. Вот отсюда и действуй!

Для начала убрал деньги обратно в кошель, громко позвал Полину. Не для амурных дел — для делового предложения.

Та появилась сразу и скромно встала у порога.

— Видите, сударыня? — обвел он рукой широко по комнате, — грязновато.

Девушка нерешительно кивнула, стараясь не смотреть на явную пыль и мусор.

— Мне как-то убирать не с руки, а матушка ваш не торопится. — объяснил он такое положение и враз, не давая девушке возможности возразить, перешел к результативной части: — я предлагаю вам приступать о мне в услужение. На все оставшееся время на два рубля в ассигнациях. Будете мыть пол и вытирать пыль, пока я уйду. Недолго, работа на полчаса, не более.

Посмотрел на девушку. Сумма была с одной стороны, небольшая. С другой стороны, ей ни куда не надо ходить. Немного поработать, а два рубля будет, как приработок, вещь неплохая.

— Я, конечно, буду согласная, — робко сказала Полина, робко, но очень притягательно для мужчин потупя глазки, — но как маман?

Интересно, это она сознательно его соблазняет, или это такой женский атавизм, своего рода биологическая ловушка для самцов?

Ведь как называется сексуальное влечение мужчин к женщинам? Правильно, либидо. А как называется сексуальное влечение женщин к мужчинам? Не знаете? Потому что в чистом виде ее не существует. Зато в нечистом виде сколько угодно. Конечно, зубоскалы могут сказать, сколько угодно, но тем не менее, вся сексуальная работа женского пола сводится к провокации сильного пола, активация ее против оных.

Андрей Георгиевич под влиянием этих старческих мыслей попаданца несколько отрывисто встал, подошел к Полине:

— С Авдотьей Спиридоновной, я, конечно, еще поговорю. Главное, чтобы вам было не в тягость.

Он мягко, но властно, взял за подбородок и посмотрел в упор в глаза. В них был опасение и надежда, одновременно обещание внеземных радостей и испуг.

В общем, обычный букет красивой соплюшки, которая и понимает всю власть над мужчинами и, от молодости, боится ее.

Порылся кошель не вытаскивая из него всех денег. Наугад взял монету, и, о радость, как хотел, двугривенный! Протянул его девушке.

— Вот, Полина, вам задаток. И, пожалуйста, уберите здесь пока нет Авдотьи. Чует мое сердце, отберет она у вас деньги, как узнает.

Девушка при упоминании о хозяйке сначала на лице появился испуг, потом понимание.

— Я быстро, — пообещала она со стыдливой улыбкой на губах, — помыть пол и вытереть пыль с немногочисленной мебели много времени не займет.

Двугривенный в ее кулачке, как по мановению, исчез. Андрей Георгиевич немного успокоился. И по поводу денег у Полины и по поводу беспорядка в комнате. У этой молодой красотки, скромной, но ушлой, денежки, судя по всему, так просто не вытянешь, и уборку она проведет!

Глава 3

В комиссии

Разошлись — она на кухню, резать бутерброды, он к небольшому осколку зеркала, присмотреть на лице, нет ли чего. Заодно запомнить черты своей новой физиономии. А то вдруг забудешь, кто ты, вот лопухнешься, изумив окружающих!

Полина попыталась ему сбегать объемный пакет, куда положила почти все бутерброды. Но попаданец, не слушая возмущенные пiski этой пигалицы, выпотрошил ее послание и оставил компактный сверток в три бутерброда. Точнее, между двух ломтей хлеба положил три пластины ветчины. Хватит, не жрать иду!

И вышел из квартиры, отрезав ее проблемы и возмущенные вопли девушки. Так называемые парижские туфли (кто докажет?) не очень-то подходили на нынешние улицы. Асфальт был теоретически уже известен человечеству посредством его отдельных (очень редких) представителей, но на улицы городов (любых, не только российских) он в массовом порядке появится еще не скоро, как минимум, в начале XX века.

Итого, хоть и столица, а сырость, лужи и грязь. Тем более, балтийская осень была весьма прохладной, а порывы ветра делали ее откровенно промозглой.

Простудишься тут и заболеешь, а то и умрешь, — озаботился Андрей Георгиевич, — шинелишку бы купить, да какую? Ни военную, ни виц-мундир штатский, не положено-с! Ведь нигде не служу. При Николае I с этим было строго. Загремишь на гауптвахту, а потом из Санкт-Петербурга. Армяк крестьянский так это тоже. Тепло, но не положено недорослю дворянскому. Стыдно!

Под эти мысли и холод он, хотя и его постоянно атаквала норовистая зверушка под названием жаба обыкновенная, остановил извозчика. Здание комиссии было недалеко и тот попросил или потребовал всего лишь 15 копеек (гривенник с пятаком)! Питаться, если скудно, можно несколько дней!

Зато в пролетке он наконец перестал стучать зубами. Здесь, хотя и было холодно, но не доставал ветер, а сметливый извозчик, осмотрев пассажира, в миг предложил ему суконное одеяло, побитое волчьей шкурой.

Так и доехал. Дорого, зато с комфортом. Дал 15 копеек, подумал, добавил еще пять. Пятаки были медные, привязанные к ассигнациям. То есть медные пять и пять никак не равнялись серебряным десять копеек.

Впрочем, извозчик все равно простужено прогудел «благодарствуйте» и щелкнул лошаденку. При современных для XIX века ценах даже медный пятак, полученный на спасибо, означал довольно много.

А Андрей Георгиевич неспешно, но скромно, не нагляя, поднялся в здание. День был неприсутственный. Классные чиновники (то есть имеющие чин или класс) вообще отсутствовали. Он обнаружил только низших служителей, типа дворников и писарей, да где-то в глубине дома предполагались коллежский регистратор (XIII класс), помогавшие ему два городских секретаря (XIV класс) и несколько копиистов без классов. Чиновничья мелюзга, конечно, но попаданец, опираясь на данные памяти предшественника, очень даже зримо

полагал, что и к ним на сивой кобыле не подъедешь. А он хоть и дворянин, но совсем не служил и никакого класса не имел.

Да и зачем ему чиновники? Поговорить он сумеет и с дворником. Он еще с XIX века знал — как раз они-то и лучше всего были проинформированы об ответственных служащих (в XIX веке — классных чиновников). Поделится с ним ветчиной, которую именно для этого и взял, а не укрощать свою утробу, как наверняка думала Полина. Даст три-пять копеек, которые он специально выменял под это дело, на крайний случай, сбегает за штофиком водки. Расскажет обо всем, как миленький, даже про сугубые тайны!

Подумал, и уверенно толкнул невзрачную дверь направо.

Хорошо, что не налево, — подумал попаданец насмешливо. Вежливо, но решительно вошел внутрь, не забыв при этом поздороваться.

Дворницкая была меблирована скромно — дощатый стол и две простые тяжелые скамьи — одна около стола и выполняла, как понимал Андрей Георгиевич, роль стульев. Или, сообразно этому месту, табуреток. Другая более скромно притулилась около стены. Она была топчаном. А небрежно кинутая облезлая шуба только подчеркивала это. Здесь дворник в свободное время «думал».

Единственный хозяин как раз сидел и пил чай. На скрип двери он неохотно обернулся. Кто бы не был пришедший, он не имел особого интереса у дворника Мефодия. День был неприсутственный, а, значит, начальство прийти не должно. Остальные же могут идти отсюда лесом!

Андрей Георгиевич это четко понимал и заговорил первый:

— Я дворянин российский, Андрей Георгиевич Макурин, пришел вот сюда по важному делу, а здесь, оказывается, день неприсутственный.

— А, как же, — несколько покровительственно сказал дворник, как столичный горожанин провинциальному жителю, появившемуся здесь, как видимому, недавно и уже потерявшемуся в множестве учреждений. — Комиссия только один день работает. Не как иначе!

— Вот-вот, — охотно продолжил совсем еще молодой посетитель. Тьфу на воде, а дворянин! — расскажите мне немного о столичных порядках. Я ведь так мало об этом знаю.

— Ну если чуть — чуть, — протянул дворник. И тут же предупредил: — только это будет стоить. Меня, кстати, Мефодием батюшка назвал.

— А как же, — сразу отреагировал посетитель, — я вот тут ветчинки принес, свежей, вкусной!

— С водкой! — немедленно поднял планку Мефодий. Впрочем, испугавший своей смелости и как бы денежный посетитель не ушел, тут понизил требование: — Я сам могу сходить, вы только дайте мне денежку.

Пришедший дворянин мудро улыбнулся, отчего вся его простота на лице исчезла. Однако он молча отдал ему деньги на полштофа.

Когда же Мефодий с хитринкой попроси: «Нельзя ли еще, что тут на двоих?», посетитель уже жестко ответил, что он собирается расспрашивать господина дворника, а не спаивать его. Хотя в качестве компенсации добавил, что сам он пить совершенно не собирается, а всю водку отдает уважаемому собеседнику.

Полштофа на одного, это уже было что-то и Мефодий заторопился, мгновенно взял со стола деньги, точно ветром его сдуло и ушел из дворницкой, напоследок посоветовал гостю дорогому отпить чаю.

Андрей Георгиевич посмотрел ему в след с укоризной. Двести лет разница, а люди не меняются. У них в ХХI веке тоже был похожий дворник Алексей, только чуть грамотней, чуть чище. И быт у него был лучше, а в остальном такой же. Вся его жизнь крутилась вокруг спиртного. Конченный человек!

Попробовал из кружки, сделанной из неокрашенной, едва обожженной глины, чай. Скривился. Чай был настоящий, не травяной настой, но очень плохой, одни батоги вместо листьев. Не говоря уже о том, что это были не самые отборные, самые нежные листки, как говорилось в одной рекламе ХХI века. И разумеется, с соответствующим послевкусием.

Ладно хоть без сахара. Пить чай или кофе с сахаром это все равно, что шампанское запивать спиртом. Эффект будет, но зачем тогда принимать шампанское? Если вы хотите насладиться вкусом кофе или, особенно, чая, это одно. А запить бутерброд с колбасой или севрюгой за завтраком другое. Он бы тогда употреблял говяжий бульон или что-то еще, например, какао (шоколад) с солидной порцией сахара.

О, вот идет посланник с водкой! Отсядем от его чудовищного напитка, пусть себе пьет!

Андрей Георгиевич проворно отсел от чая дворника. Как бы чай сам по себе, он сам по себе. Пусть владелец запивает им водку. Самое ему место!

Мефодий пришел оживленный и радостный, со стуком об стол вставил сразу же причину этого — полуштоф водки.

Внимательным взглядом гениального полководца обзрел поле боя, ой, конечно, окрестности стола. Они ему сразу не понравились и он принялся их пополнять. Первым делом поставил две рюмки-переростки (стаканами их все же называть не стоило), кружку из вежливости для чая гостя, черный хлеб из муки грубого помола, большой соленый огурец на деревянной тарелке, или, точнее, на грубо обструганной дощечке. О ветчине ни хозяин, ни гость даже не вспоминали. Во-первых, явно не по чину закусывать дворнику водку. Во-вторых, закуска градус крадет. И чем она будет плотнее, тем трезвее останутся пьющие.

Мефодий на правах хозяина налил. Себе полную рюмку, гостю на доньшке. Отпили, закусили — дворник огурцом, Макурин — хлебушком. Благо, он водки и не пил, для виду подержав рюмку у рта. Гость не хотел, а хозяин благоразумно не настаивал. Водки было столько, что и одному не хватит.

Подождав, пока дворник слегка захмелеет и налив еще одну рюмку, Андрей Георгиевич принялся добывать нужную ему информацию. Мефодий в свою очередь охотно отвечал на вопросы посетителя. Пусть спрашивает, он отработает!

И материал оказался весьма важный и для попаданца весьма неожиданно важный. Один рабочий день в неделю оказалось не из лени и праздности чиновников. Просто все они были тут по совместительству, в основном работая по разным ведомствам. И они не только и не столько отбирали дворянских недорослей, сколько пополняли чиновников в своих рядах. Конечно, не делая первого, не сделаешь второго, но тем не менее!

Вопреки первоначального мнения Андрея Георгиевича, члены комиссии отнюдь не были равнодушными зрителями, приходившими сюда по разнарядке. Нет, это были заинтересованные и весьма активные работники, очень нуждающиеся в таких новых чиновниках, как дворяне.

То есть, хамство и холодности в них оказывалось сколько угодно, но в основе своей, они не просто желали унижить и посмеяться над новиками бюрократического войска, а, в первую очередь, укреплять штаты министерств.

Во как! Над этим надо хорошенько подумать. Раньше попаданец полагал, что заседание

комиссии, где он будет, сплошная профанация и главное, если пытаешься остаться в министерстве, понравится кому из членов комиссии, а лучше председателю.

Теперь надо подкорректировать свои представления о николаевском аппарате и, соответственно, своей деятельности. Уже не в министерстве, а в комиссии надо показать свои положительные особенности деятельности. Ух ты!

Подождал, пока Мефодий выпил для смазки горла очередную рюмашку (если честно, рюмашиче), самолично налил еще. Водка XIX века была куда слабее будущего времени. По крепости ее иной раз действительно требовалось пить стаканами, чтобы крепкие, проспиртованные годами такой «работы» мужики ощущали, что они действительно пьют.

Так что Андрей Георгиевич мог даже и не мечтать одним полуштофом свалить дворника. Он еще и поработать пойдет, этой поры упавшие листья будет подметать во дворе.

Впрочем, попаданец и не собирался свалить хозяина, а водки подливал для поощрения. Так сказать, для скорого стимулирования. И ведь не зря старался! С его подачи Мефодий рассказал, что знал, о членах комиссии. В частности, председатель этого органа был генерал-лейтенант гвардии Подшивалов Семен Семенович. Чин, конечно, несколько не соответствовал и назначен был не потому, что основная часть проходящих через комиссию шла в армию. Как раз потому, что комиссия занималась штатским аппаратом, в том числе комплектования представителями благородного сословия.

Николай всегда сильно беспокоился, и никогда не скрывал об этом, о большом притоке престопадобе в государственньй аппарат. И если бы они были низшими служителями и чиновниками небольших классов. Это-то было как раз нормально. Но ведь они ж, наглые такие все норовят оказаться на высоких должностях и в первых классах. А потом и говорят о дворянстве. Так ведь и можно размыть главенствующее сословие страны!

Чтобы этого не произошло, правящий император принял ряд важных мер, в том числе привлечение молодых дворян в аппарат и ответственными за это назначил военных. Они точно сделают!

А Андрей Георгиевич в голове имел еще кое-что. Его отец Георгий Степанович Макурин (точнее отец реципиента, но об этом мы ни кому не скажем) — на самом деле обрусевший шотландец Георг Мак-Урин, в свое время бежавший с Родины среди многих тысяч соотечественников. Одни бежали в САСШ, другие в Европу, а вот он в Россию. Здесь он воевал поручиком в войну 1812 года, женился, стал помещиком, ну и, в конце концов, умер.

Впрочем, все мы рано или поздно умрем и Бог нам будет Судия. Так вот, почему он все это вспомнил. Его папа воевал с тогда тоже поручиком С.С. Подшиваловым. А после войны их пути разошлись — отец стал заурядным помещиком, а его друг шатко-валко, но стал генералом. И говорят, правда это или нет, но государь за ним следит и августейше подталкивает его. Отец не раз говорил о нем и реципиент еще до Андрея Игоревича очень рассчитывал на него. Эпоха была такая, что без покровителей никак. И попаданец по старости лет ставший не только расчетливым, но и циничным, уже не только рассчитывал, но и прямо полагал, что Подшивалов должен ему хотя бы немножечко помочь. Хотя бы в Санкт-Петербурге остаться!

Для этого он предполагал:

- а) обязательно напомнить, кто его сын;
- б) использовать свой собственный шарм-умение разговаривать при встрече с генералом;
- в) подарить пистоль отца. Это оружие, украшенное золотом и серебром — трофей

войны 1812 года, единственно, что осталось от предка. Если бы это оставался его родной сын, то вряд ли бы отдал. А попаданец даже не думал, хотя жаба и его придавливала.

Мефодий помог ему еще в одном деле — заплетающим языком он назвал имя-отчества присутствующих здесь чиновников. Люди они чином не великие, но зато около бумаг, от которых уже который век все в государстве вертится. Сами они, конечно, ими не располагают, но приносят. С учетом мизера времени и крохи денег встреча должна быть обязательно.

Посмотрел на собеседника. И водка вроде бы слабая и старик крепкий, а поплыл. Вот же ж, аборигены не сильные!

Мефодий, похоже, оказался уже на таком уровне, когда разговариваешь только с собой, а другие только мешают. И водки на дне полуштофа лишь на пару рюмок. Допьет, проспится и где-то ближе к вечеру пойдет работать. А посетитель ему, похоже, и не нужен.

Подумав так, Андрей Георгиевич не спешно встал. Как он и думал, старый пьянчужка никак не отреагировал, в мутном угаре о чем-то рассуждая. Да уж!

Неспешно вышел. Первый разговор прошел неплохо. Хотя старого человека напоил, зато такую ценную информацию добыл. А пьянка что? Не со мной, так с другим!

Разделся у швейцара, поднялся на собственно в учреждение — т. н. Присутствие. Около самой двери в явной приемной важно сидел рыжий мордастый парень. Молодой, почти без классовых чинов, наверняка коллежский юнкер, но каков гонор! Сидит, меня не видит, делает что-то важное. То и другое как бы. То есть на самом деле он пустышка. На жаргоне моего времени он дует щеки. Не знаю, как это в XIX веке, но тоже ничего не делает. Ну-ка я его!

Взял в кошельке полтинник, потом подумал, сменил его на двугривенный, постучал этой монетой об стол чиновника. Негромко и не по центру, а совсем по краю, но отчетливо для рыжего.

Монетный стук сразу привлек внимание чиновника. Он бросил валять дурака и внимательно посмотрел на просителя.

Понятное дело, деньги — вещь серьезная, здесь никакие чувства не помогают. Наоборот, мешают.

Строго по официальной форме доложил:

— Имею честь представиться — Андрей Георгиевич Макурин, дворянин.

Эх, не совсем строго по форме, не так надо. И не потому, что не знаю или свободолюбив, как бородатый анархист. Нет у меня никакого чина, даже маломальского, типа коллежского регистратора или вот, как у этого, коллежского юнкера. Ведь XIV класс, самый низший, головастик для действительного статского советника, а как четко разделяется по поведению — от наших до не наших. И он, пусть дворянин, то есть заведомо наш, но и какой-то не такой. Чин нужен. Пусть даже в отставке.

И рыжий чиновник, чувствуя это, ответил покровительственно, свысока:

— Имею честь, Акакий Степанович Крызов, коллежский юнкер.

Да, голубчик, судя по всему, гордится тебе не чем — морда, как у орангутана, имечко так себе, и класс только XIVи без перспектив к повышению. Ведь успешная карьера это не только субъективные данные и наличие покровителя. Это и, можно сказать объективные возможности. Например, с эпохи Александра I необходимость высшего образования напрямую связана с очередным классом. Пожалуй, я даже и без чинов тебя выше. Или, по крайней мере, ровня!

Андрей Георгиевич смерил его тоже снисходительным взглядом, в котором, однако,

существовало и некоторое беспокойство. Ведь и ему надо будет высшее образование, если он не хочет вот так вот протирать штаны!

В конце концов, эта встреча, или даже почти безмолвный поединок закончился на финансовом вопросе. Как обычно.

— Акакий Степанович, — слегка нагнувшись, но не столько, чтобы это можно было принято, как агрессивный поступок, — мне надо по комиссии пройти и бумаги кой-какие проверить. И ежели вы мне со своей стороны немного подсобите...

Рыжий Акакий выжидающе посмотрел, — мол, мы де всей душой, но ведь и вы как-то должны процесс смазать?

Попаданец утвердительно кивнул. Сначала он хотел передать чиновнику рубль копеечными монетами, но потом понял, что вытаскивать деньги из кошель не глядя будет трудно, а показывать все содержание Крыжову не стоит. Рублевые же монеты даже пальцами можно легко определить.

Он немного порылся и о, вот он!

— Я же в свою очередь не забуду, — закончил Андрей Георгиевич и протянул серебряный рубль. Акакий Степанович удовлетворенно перехватил монету. Даже как-то челюстью пошевелил, цыкнул, что ли?

Попаданец тоже был доволен. Надо сказать, рубль он дал практически наобум. Знал, что где-то столько, но точно сколько?

Оказалось, дать надо было не два и не три рубля серебром, а именно рубль. И хватит, не велика птица серая.

Крыжов, получив деньги, немедленно изменил поведение. Спесь и надменность в нем исчезли. Зато проявились деловитость и желание помочь посетителю. Он скорехонько встал со стула и повел в Присутствие.

Здесь сегодня еще присутствуют два чиновника, — сообщил Акакий. — Дрыгало больше рубля серебром не давать!

Андрей Георгиевич с интересом посмотрел на него. Относительно количества чиновников в Присутствии он уже знал. Как и то, кто такой Дрыгало. Точнее, Сергей Трофимович Дрыгало. А вот почему тому, не давать больше рубля? Он вообще-то совсем не собирался давать ему денег! Если каждому давать, то поломается кровать, так ведь, кажется, говорили незабвенные ушлые женщины с низкой социальной рамкой вбудущемXXI веке?

Акакий ничего на то не ответил, только хмыкнул, на что Андрей Игоревич с его большим деловым опытом понял, что означенный С.Т. Дрыгало легко заставит, сам ему дашь требуемое, лишь бы отвязался. Зато он уточнил особенности данной персоны. Тот, оказывается, так маялся животом, что строил разные непотребные физиономии. А посетители от этого страдали, думали, что мало дали.

— А он, вдругорядь, тоже коллежский юнкер. и больше рубля серебра ему с посетителя не положено, — пояснил Акакий, — ну если там какое специальное поручение будет от посетителя, там оно, конечно. Да только что может сделать такой низший чиновник, — вздохнул вдруг рыжий собеседник.

Страдает, что мало дают, — понял попаданец и злорадно мысленно хмыкнул: — а не положено тебе больше по твоей тупой башке и все!

Они зашли в следующую комнату, как понял Андрей Георгиевич, еще одну приемную. Но если в первую приемную надо было освидетельствовать свою личность перед охраняемыми чиновниками — тот ли, туда ли и в нужное ли время, то в эту приемную надо

было просто подождать свою очередь.

И обстановка была соответственная. На стенах бедные портьеры, под ними находились простые деревянные стулья для просителей. Хм, — оценил попаданец, — для XIX века очень даже недурственно. Конечно, не мягкие креслица, так они сейчас только в единичных экземплярах бывают. Скажем в Зимнем дворце. Или в гостинных знати. Но ведь и не простонародные деревянные лавки. Сразу видно — пусть бедные посетители, но ведь дворяне!

— Подойдите ко мне, уважаемый, — добрый, но с заведомыми стальными нотками голос отвлек Андрея Георгиевича от созерцания.

Видимо, Роман Михайлович Смирнов, а это был, несомненно, он в чине коллежского регистратора и в должности старшего чиновника в неприсутственный день в Комиссии по освидетельствованию молодых дворян, пострадавших от эпидемий. А где же С.Т. Дрыгало?

В отличие от Крыжова, попаданец поклонился ему более глубоко и уже с любезной улыбкой поздоровался, впрочем не совсем глубоко и даже не как с ровней:

— Имею честь явиться, дворянин Макурин, Андрей Георгиевич!

Выглядело это немного надменно, но в то же время вполне вежливо. И Смирнов, немного поколебавшись — выдрать или не выдрать, решил, что не стоит. Благо тот сразу вежливо попросил, обратившись по имени — отчеству (знает, паршивец!) и масляно улыбнулся, что всегда означало денежный подарок.

Деньги — это хорошо! Роман Михайлович тепло и чуть покровительственно улыбнулся, сказав:

— Чем имею помочь, Андрей Георгиевич?

Назвал по имени — отчеству, значит, признал ровней. Это уже хорошо! Попаданец расслабился, хотя не до конца и попросил:

— Мне бы в очередь на комиссию, чтобы где-то посередине, но чтобы члены оной не устали.

И пока он это говорил, правая рука его вполне естественно и элегантно вложила в руку чиновника красненькую бумажку. Тот скосил глаза, увидел. Подношение его устроило. Не то, чтобы щедро, но вполне по просьбе. Вполне!

Бумажка как бы сама собой исчезла, а чиновник, добавив в голос нотки доброты и отечества, согласно ответил:

— Молодой дворянский недоросль желает послужить его императорскому величеству, очень одобрительно. Тем более, и сам пострадал от злодейки холеры.

Он порылся в стопке бумаг, как понимал Андрей Георгиевич, что-то вроде личных дел, нашел нужную тоненькую папку, благосклонно кивнул:

— И родители ваши погибли и братья с сестрами. Пожалуй, если вы изволите, я вас включу в список на дополнительное вспомоществование, как особо сильно пострадавший, — Смирнов выразительно глянул на собеседника.

Конечно же, попаданец соизволил. Деньги лишними когда не бывают. Может, он и так обязан был включен в этот список. Но что делать! Это и в XXI веке понятно — обязательный откат. А иначе пролетишь, хоть сто раз быть обязан.

Еще две красные ассигнации как бы ненароком перелетели из рук в руки. Чиновник кивнул и переложил папку из общей стопки в более тоненькую.

Подумав, сказал:

— Что же до вашей просьбы, то я думаю так. В присутственный день комиссия обычно

принимает до пятидесяти человек. Плюс несколько людей, — его лицо исказилось гримасой отвращения к таким недорослям, — врывается на заседание без предупреждения. Вот и сегодня пока подготовлены сорок девять личных дел. Так что я вас поставлю двадцать шестым.

Смирнов замолчал и буквально впился в лицо недоросля, ожидая его реакции. Молодые люди из провинции, зачастую плохо воспитанные, обуреваемые нехорошими чувствами после своего бедствия, бывает реагируют неадекватно и даже бросаются с кулаками на собеседников. Иногда даже приходится вызывать полицейских!

Однако Андрея Георгиевича все устраивало. К тому же он не относился к современной для XIX века золотой молодежи провинции, которую жизнь сурово проучила и они находились на нервах. Наоборот, чувствуя себя в XIX веке, как щука в спокойном пруду, наполненном массой беззащитной рыбы, он был бодр, счастлив и готов к неспешному разговору с чиновниками.

Предлагаемые Романом Михайловичем варианты его вполне устраивали и, к облегчению чиновника, он лишь рассыпался в любезных благодарностях.

Расстались довольные друг другом: Смирнов, прежде всего, тридцатью рублями. Сумма не ахти какая для семейного человека, но, тем не менее, позволяющая покрыть самые необходимые расходы.

Андрей Георгиевич в свою очередь был удовлетворен тем, что он не только сумел выполнить свои задачи и оказался еще на шаг ближе к своей мечте, но и получил некоторый бонус, о котором бы даже и не знал, если бы не оказался здесь.

Лишь С.Т. Дрыгало оказался не у дел и не у денег, но о нем никто и не вспомнил. Не фиг надо где-то гулять!

Они расстались, вежливо попрощавшись друг с другом и попаданец покинул учреждение. А жизнь ничего начинается в этом столетии, а?

Долгая дорога домой

Осенний петербургский день был в разгаре. По-видимому, за разговорами с водкой с Мефодием, и чиновниками с приветствиями прошла большая часть светлого времени. Оп, и дня не было.

Но все равно, Андрей Георгиевич был весьма доволен. Еще немного, еще чуть-чуть и он нормально устроится в удобном месте. А потом будет только кайфовать! Хотя, по правде говоря, он и сейчас чувствовал себя неплохо. Жизнь не бежит вприпрыжку, выворачивая мозги набекрень, собеседники действуют не спеша, их намерения и реакции заведомо понятны и ясны. Лепота!

Вышел на улицу и остановился, раздумывая, чем бы еще сегодня заняться полезным или, хотя бы, интересным. В прошлой жизни на каждый день приходились воз и маленькая тележка забот, и приходилось вертеться в бешеном темпе. Все по поговорке — хочешь жить, умей крутиться. Не успеешь одно дело сделать, как пара других в ворота стучатся, такие же срочные и важные.

А здесь час посуетился и на тебе, не знаешь, чем заняться. М-гм, а не пообедать ли нам еще? Причем, не неспеша покидать блюда в желудок, а не торопясь, как русский барин, наслаждаться долгим вкусным обедом под большую рюмку наливочки?

Голодный желудок, который уже давно переварил бутерброды с ветчиной и с чаем и о котором он благополучно забыл, недовольно заурчал, поддерживая эту мысль.

Здравый смысл было, правда, предложил ограничиться бутербродами, спасенными от дворника, но Андрей Георгиевич, посмотрев на людей и не увидев среди них ни одного торопливо жующего, решительно от этого отказался. Нет уж, не будем отличаться от остальных благонамеренных горожан XIX века! Есть надо за столом, а не за работой.

Не спеша пошел по улице в направлении своего дома, где он снимал жилье, решив, что по пути обязательно найдет что-нибудь нечто вроде трактира. Ибо, как попаданец понимал, в таком многолюдстве не могут не быть учреждения питания. Такой порядок был в XXI веке, такой же оставался XIX. Люди везде люди!

Однако, ему пришлось пройти почти полкилометра (условно почти пол версты по мерам длины этого времени), опираясь по указаниям на табличках и советам встречных пешеходов. Пока, наконец, оное учреждение общепита этого века не нашлось.

Ура! — забурчало в животе. Ура! — подержали его все не только внутренние, но и внешние органы, чувствуя ароматные запахи. Голодный попаданец немного вынужден был постоять от волнующего ажиотажа организма, от которого даже ноги задрожали в общей аритмии.

А потом решительно вошел в трактир и направился к свободному столику. К нему сразу же приклеился официант или, как он тогда назвался, половой, неопределенного возраста и с льстивой улыбкой.

— Желаете кушать? — поинтересовался он, — кухню французскую? Русскую? Или может быть нечто особенное?

Эх, хорошо жить в XIX веке, с мозгами в башке да с деньгами в кошельке! Присев за обозначенный столик, он покровительственно объявил, почти чувствуя за собой большие деньги:

— Все самое лучшее, голубчик, надеюсь на вас.

— А как ваше благородие, — тут же откликнулся половой, — не извольте беспокоиться, накормим в лучшем порядке-с! — И сразу задал вопрос, несколько поставивший Андрея Георгиевича в тупик: — Что будете пить?

Попаданец задумался. Не пить во время еды мужчине было нельзя — просто не поймут. Причем не напиваться, а именно умеренно пить, это был исконно русский порядок XIX века. И ты выпей понемножку. Ведь уже сегодня упоминал наливку. В XXI веке Андрей Игоревич не очень-то злоупотреблял спиртным, хотя при случае мог и раскрепостится под красную рыбу или жареную курицу. В XIX веке спиртное было слабее, это он уже понял сам и под плотный обед мог выпить любое количество. Но с другой стороны, его рецепиент в теле был еще молодой, и, чувствовалось, не очень опытный. Выдержит? Опьянеть и забыться в другом городе и, тем более, в другом столетии, было как-то не комильфо. Потом, ему еще в Комиссию. Если обнаружится случай пьянства, это подрежет все его начинания. Хм!

Пока Андрей Георгиевич колебался, половой поспешил ему помочь:

— Ваше благородие, закажите смородиновую наливку. Вкусная и крепкая, вам очень понравится.

Все-таки наливка. Насколько он знал, этот спиртной напиток всегда был некрепкий с точки зрения XXI века. Мало ли что говорит этот абориген о ее крепости, наливка обычно бывает в 15–20 градусов. Не зря в его время ее называли женской усладой, поскольку пили ее в основном представители женского пола. Если только некоторые умельцы не добавляли медицинский спирт в 96 градусов. Где здесь такой спирт?

— давай и обед и наливку, — махнул Андрей Георгиевич решительно. А то утонет в собственной слюне!

Половой от слов посетителя убежал, скоро вернулся с широким блюдом, на котором стояли большая рюмка с темно-красной наливкой, тарелка с мясной закуской, хлеб и пироги. Он все это поставил на стол, подождал, пока выпьет и побежал за щами.

А Андрей Георгиевич после наливки едва высидел на столе. Вот это слабенький напиток, вот это женская услада! Да это спирт, сваренный на ягодах! Или нечто подобное. А рецепиент его точно никогда не пил спиртное, даже слабенькое пиво или десертные вина, даром, что уже в возрасте!

Посидев несколько минут с открытым ртом и судорожно вдыхая воздух, он начал активно поглощать пироги. Они были с мясом и потрохами, а на этой базе с капустой и различными овощами и крупами. Большими и очень вкусными.

Съев их несколько, попаданец кое-как потушил огонь во рту и глотке. А вот в голове алкоголь продолжал царствовать и он чувствовал, что он попал. Вот так ведь и пьян стал! Оставалось только надеяться, что от одной рюмки сильно не захмелеешь, каким бы крепким спиртное не было. Надо только хорошенько поесть горячей пищи с мясом и рыбой. А то на пустой желудок напивается и пьяница, а не только неопытный молодой человек!

Сказано — сделано. Сначала он съел большую чашку жирных щей с крупными кусками говядины, потом какой-то соус с овощами, дичью и с целыми тушками небольших птичек. Затем было второе — куски зажаренного молодого осетра. Честно говоря, если бы ему не сказали, Андрей Георгиевич наивно бы полагал, что ему на стол дали полугодовалого поросенка. Но вкусно! Хотя, осетрине было уже в желудке тесновато.

Десерт он тоже заказал, хотя уже не съел. Никак! Сухие пирожные, нечто вроде небольших белковых тортов, стояли перед ним на столе, как солдаты, смирные и готовые к

бою с предложенным же половым чаем.

Но увы, сдался собственный желудок, пятая колонна! После наливки на пустой ЖКТ, после и жирной пищи обеда он не только не хотел десерта, с трудом сдерживая проглоченную пищу, но даже чай вызывал только рвотный рефлекс.

В итоге чай — настоящий чай в меру сладкий, в меру крепкий, без тошнотворных нефтегазовых добавок, которые в XXI веке называют привкусом бергамота — пришлось оставить на столе, хотя и оплатить.

А вот тортики он мстительно приказал завернуть и передать ему в дорогу. И, кстати, расплатился, пока не забыл. Уйти, разумеется, ему не позволили, но как-то стыдно. Кажется, много, четыре рубля тридцать две копейки ассигнациями. Плевать, будем надеяться, что денег хватит.

Зато какая пища, до сих пор отрыгается. Вкусная, калорийная, натуральная. Спасибо, XIX век! В будущем бы столько и не съел — не влезло. Искусственные добавки, как засунут — что в желудок, что в землю на кладбище — так и будут лежать две — три сотни лет.

А тут уже к вечеру все в животе у молодца сгорит, опять есть захочется. Вот тогда десерт и будет ко двору. А то Авдотья ведь ничем не угостит, кроме как страшно невкусным травяным настоем и практически таким же черным хлебом. М-да, хоть и уговариваешь себя по старчески, что зато все натурально и много не влезет, а все равно, лучше чай и тортики. Лучше вкусно да быстро, чем невкусно и долго!

Вышел из трактира не торопясь, прогулялся не спеша до квартиры Авдотьи. здорово! Недолгий осенний день уже прошел, на свет вышел длинный ленинградский или, как теперь говорят, санкт-петербургский вечер.

В отличие от будущего мегаполиса российская столица XIX века была куда меньше и, надо сказать, темнее и грязнее. Но все равно, Андрею Георгиевичу здесь как-то было по-домашнему хорошо и комфортно. Ведь, казалось бы, чуждое время, чуждая эпоха, все кругом чужие и потому странные. Даже деньги, дрова и слова, во как он сказанул, все какие-то не свои. И он тут один среди аборигенов.

А вот ему, наоборот, приятно. И ведь как, от компьютеров тошнило, телевизор он практически не смотрел, радиоприемники и прочие цифровые утвари и не знал. Не зря Господь ему сказал, что он из XIX века и просто как-то перепутал.

Шел не спеша, иной раз в темноте по узкой досочке пролазил в опасности упасть в большую грязную лужу, заходил в попутные лавки, азартно там спорил по поводу стоимости товаров. В результате сам того не желая, купил чая на четвертак, сахару на гривенник, сладости он хотя и любил, но не очень. А еще темно-синие панталоны, зеленый сюртук и две батистовые рубахи задешево.

Приказчики ему, по случаю молодости и зеленой наивности, сначала пытались всучить, что похуже и по дороже, считая его, в общем-то правильно, дворянским недорослем, глупым и неопытным. Но внутри-то у него находился попаданец, прожженный спекулянт XXI века, который сам мог научить продавцов (и учил иной раз в будущем) как и кому втюхивать рухлядь, а кому и лучше не надо.

Похоже было, что какая-то специфическая связь XIX века здесь все же существовала. Он не знал какая, но она была. Чем дальше он входил в лавки, тем меньше приказчики пытались его обуть. Или он приходил все тверже и уверенней?

К квартире Авдотьи он пришел буквально к ночи. Или, по крайней мере, поздним вечером. Во всяком случае, уже у своего дома его задержал будочник и Андрей Георгиевич

был вынужден объясняться. Дворянский его слог будочника успокоил. В XIX веке все прослойки вольно или не вольно разговаривали на своем языке. Хотя бы дворяне и простонародье сильно различались.

Это было не только в речи, но и в платье. Недоросль, пусть и в дешевом наряде, но походил лишь в дворяне.

И будочник, поворчав, отпустил его, не став свистеть и требовать помощи громким криком. И даже поблагодарил, когда Андрей Георгиевич дал ему немного меди «за беспокойство».

Что делать, каждой эпохе была свой распорядок суток. Это мещане XXI века разбалованные прогрессом и техникой, ложились после полуночи и вставали поздним утром. В средневековье же жизнь людей четко определялись в первую очередь солнцем. Со светиллом вставали, со светиллом ложились. XIX век в этом отношении не был исключением, простые люди вставали в 4–5 часов в зависимости от сезона, а ложились по разному, но никак не позже в 9.

Вот поэтому, когда попаданец, немного запоздав у прилавков лавок и на улицах центра, пришел к 11 часам, как он думал вечера, то оказалось — поздней ночью. Ему пришлось будить сначала дворника, чтобы попасть в подъезд, потом Авдотью — в квартиру.

Дворнику пришлось заткнуть рот серебряным гривенником, а Авдотье — обещанием роскошного позднего легкого ужина.

Да и то старуха оказалась очень недовольной. По крайней мере, до тех пор, пока он вытащил ей на руки кучу свертков с бакалейным и съестным товаров, наверное, на сорок копеек серебром.

Встала уже видевшая седьмой сон Полина, которой сегодня сильно попало от Авдотьи. И за невесть откуда взятый двугривенный серебром, который она была обязана отдать своей покровительнице, а не бросать на какие-то товары. И за дурные товары типа яркий шелковый бант, дешевые сережки, кольцо и так далее.

Видимо, гнев хозяйки был очень страшным для девушки, поскольку Полина до сих пор была с красным лицом с явными следами от слез, а сама она была не только обиженна, но и опасно посматривала на старушку

За поздним чаепитием Авдотья по инерции попыталась узнать о событиях на квартире в ее отсутствии. Ведь молодой человек, безусловно, порадует хозяйку. Или, хотя бы, не станет ее гневить.

Глядя на алые ланиты молодого парня она, конечно, никак не думала о его сопротивлении, несмотря, что он все же дворянин. И хозяйка была, несомненно, права, если бы не особенности его личности.

И эти его особенности только пожали плечами и холодно сообщили, что в его комнате не только холодно, но и грязно. И он был вынужден попросить Полину убрать ее, а чтобы ей не было обидно — она же не крепостная, чтобы вот так просто работать, — дал ей несколько копеек за эту уборку и несколько копеек за следующие.

— А что же я? — попыталась сопротивиться Авдотья. Она уже поняла, что надавить на постояльца она не сможет. Но корысть была сильнее осторожности и она продолжала дальнейшее наступление.

— Полина стала убираться, мне надо было надобно быть в казенном учреждении по важной необходимости. А вот вас на квартире почему-то не оказалось. И не трогайте девушку, — голос Андрея Георгиевича стал неприятно тяжелым. Явно было, что еще чуть-

чуть и он будет ругаться. И может даже будут рукоприкладства.

— Так кормилец, — даже всплакнула она от жадности — рядом прямо в ее квартире ходили свободные деньги — и все мимо нее! — у нее денег на еду не хватает, а эта прощельга тратит их на невесть что!

— Так что же Полина, а ну-ка покажись, встань, — велел он девушке. Та торжествующе стрельнула глазами — вот, мол, как! Встала и без понукания крутанулась вокруг оси, чтобы ее было видно со всех ракурсов.

М-да, девушка была в самом соку, что еще мог сказать Андрей Георгиевич? Не красавица, но в молодости прелестница, любой мужчина бы ею увлекся. И Полина это понимала на основе девичьего эрго. Потом еще придет опыт, придет осознанное женское чувство превосходства над мужчинами. К счастью, для XIX века существовал природный ограничитель — с годами женщина накапливает стержневой опыт, но физическая красота у нее станет стремительно сокращается. Кому будет опасна морщинистая старушка?

Кстати, а ведь, как не торопилась Полина, а все свои покупки нацепила. И они ей очень идут. То ли она так красива пока и ей все украшения подойдут, то ли у девочки пробилося ощущение эстетства.

— Авдотья Спиридоновна, — голосом опытного эксперта сказал Андрей Георгиевич, — а вы зря ругали свою воспитанницу. По-моему, купленные ею украшения ей очень даже в лицу, — и уже к девушке, — только не надо так вычурно показывать. Ты все же скромная молодая прелестница, а не певичка из театра.

Театры в России уже были. Так же как и певички. И репутация у них так же была не хорошая. Авдотья зримо поморщилась, явно не желая питомице такой судьбы. Но промолчала, что показывало, она с постояльцем полностью согласна.

— Что же указанной выше работы, то мы с Полиной договорились, пока она ни где не работает, то станет каждодневно с полчаса прибираться в комнате в мое отсутствие. Ничего трудного — помыть пол, вытирать пыль. За это я буду давать ВАМ, — голосом выделил он, — два рубля ассигнациями на срок на месяц с небольшим, пока я еще буду здесь жить. Согласны?

— Дык, благодетель, — невнятно согласилась хозяйка. Чувствовалось, что ей хотелось увеличить сумму, хотя бы на десять копеек серебром, но она боялась, что постоялец вообще откажется и деньги, упавшие с неба, исчезнут. Ведь, по хорошему, она и так обязана убирать в его комнате. Все это в миг пролетело в голове старушки и она сипло проговорила, — конечно, спаситель.

Андрей Георгиевич, у которого ничего не укрылось мимо глаз, молча одобрительно кивнул и положил на стол пятьдесят копеек серебром. Уже задним числом понял, что зря он с нею говорил о работе и о цене. Надо было просто положить деньги и Авдотья бы сразу со всем согласилась.

Как она кинулась коршуном на эти несчастные копейки на столе, ладно еще он успел убрать руку, смела бы с деньгами. Умудрилась пересчитать монеты дважды, пока несла их от стола к одежде и, наконец, положила их в карман, довольная, как сытый волк, дорвавшийся таки до туши лани.

— Давайте уже пить чай с трактирным десертом, — предложил Андрей Георгиевич женщинам. Он-то как раз пил его, закусывая на редкость вкусными пирожными, а вот его приятельницы отвлеклись. Полина, показывая себя, а Авдотья вцепившись в деньги. все были довольны, но чай и закуска могла закончиться, а время уже было позднее.

Поэтому в дальнейшем все были увлечены чаем и пирожными, вкусными но дорогими. Вряд ли когда-то еще в этой кухоньке они вновь появятся. Но Авдотья все же заполненным ртом спросила:

— Благодетель, а пошто ты ходил в казенное учреждение-то?

Ох, уж это бабье любопытство, — умилился Андрей Георгиевич, — как в вас оно свербит! Хотя в то же время не мог не признать деловой подоплеки. Должна же хозяйка знать дальнейшую судьбу своего постояльца.

— Я сегодня был в казенной комиссии по учету дворянских недорослей, — сообщил он внушительно, — там все обретается и через месяц судьба моя должна решится. И между прочим, ненароком узнал, что оказывается, его превосходительство председатель комиссии, генерал-лейтенант гвардии Семен Семенович Подшивалов приятель моего почившего отца!

От этой невероятной новости, пусть и совершенно чужой, женщины совершенно присмирели, как при рассказе об лучезарных ангелах. Где-то совсем рядом, но в совершенно другой сфере, с которой они никогда не коснутся, хотя она очень близко, пролетала совершенно другая жизнь — яркая, лучезарная, всегда сытая. И их посетитель, оказывается, может ее приблизится. А вот они никогда!

— День был сегодня неприсутственный, и его превосходительства не было-с. Но когда он будет, обязательно поклонюсь ему! Папаша мой, пока был живой, так часто рассказывал о нем и все в восхитительном тоне, что я не смогу!

Рассказывал, конечно не ему, а реципиенту, и особых чувств эти рассказы у попаданца не вызывали. Но суть не в этом. Оценки свои Андрей Георгиевич публично не выражал, зато собеседницы совершенно были подавлены блеском золота и запахом денег. И сам шаг был очень даже правильный. Он вам не боец Паникаха, чтобы бросаться под целую эпоху, он лучше будет идти в общем строю.

Молча благоговейно допили чай, потом наконец-то разошлись по постелям. Пора уже, время за полночь, а завтра опять вставать рано. Женщинам следовало печь хлеб, убирать в квартире и на себе, а Андрей Георгиевич завтра будет заниматься очень важным и тяжелым трудом — ничегонеделанием. Вы думаете, легкая работа? А вот попробуйте-ка. Что-то я не видел лентяев, занятых этим занятием, радостными и счастливыми.

Не был таковым и Андрей Георгиевич. Уж почти месяц до приема в комиссии! Одуреть, если не сказать по злее и по матернее. Разумеется, молодой человек в большом городе никогда не заскучает. Столько развлечений! Сколько интересных людей! Или, хотя бы, такие расстояния, пока по одному Невскому проспекту пройдешь мимо его замечательным зданиям, и ноги утомишь, и голову.

Да и потом, у него ведь, кажется, есть одно дело — надо, с одной стороны, доучится правописанию, положив его на русский язык XIX века, который, кажется и не русский язык еще, а больше старославянский. То есть много проблем не будет, но просто так «переобуться» не удастся. С другой стороны, ему крайне важно формализовать свои умения. Спросят, а где вы так, молодой человек, хорошо научились писать, четко скажет — там-то и там-то (не знаю еще точного название), но в Санкт-Петербурге, на какой-нибудь Мойке или где-то еще. И вопросов не будет.

С тем он и уснул, довольный и почти радостный итогами прошедшего дня, принесшего так много хорошего. И еще будет хорошего — прекрасного. Ведь это мой великолепный XIX век!

Первый раз в первый класс! (хотя бы в XIX веке)

Очередное утро, впрочем, началось, как и раньше — раннее, прохладное, сонное.

Полина, поскребшись о дверь, своим чудесным голоском позвала:

— Андрей Георгиевич, сударь! Утро уже, маменька печь сегодня затопила жарко, чайник закипел, чай готов. Мы только вас и ждем!

Ого, если Полина не врет или, хотя бы, не преувеличивает, авторитет постояльца вырос до ого-го-го какой высоты! Осталось только встать и проверить. Тут ведь, какая специфика XIX века — без электричества или газа, или, хотя бы такого чудесного устройства, как керогаза, еду готовить и чай кипятить оптимально можно только один раз. Печку топить целый день не будешь.

— Я проснулся, Полина, сейчас приду к столу, — громко сказал попаданец, сладко потянувшись. Ему было бояться некого и нечего. Он оказался практически дома!

Кое-как прибрался в постели, потом сел в нее. Осеннее петербургское солнце уже очевидно поднялось на небосклоне за тучами, хотя и не очень высоко. Питер, что ты хочешь.

Но все равно, для него это был большой эпический подвиг, встать около шести утра. Ведь в прошлой жизни он раньше восьми никогда не вставал! Правда, здесь был тонкий нюанс, при виде которого подвиг был не только большой эпический, но переставал быть подвигом, как таковым.

Это ведь он в прежнем теле так вставал, в XXI веке. А новое тело XIX века всегда поднималось относительно рано, как и полагалось нынешним аборигенам. Понял, дружище?

Так что хватит зевать и сидеть в постели, лучше посмотри в себя через зеркальный осколок. Тьфу, осколок зеркала. Так, по крайней мере, не зарос. В будущее время, в бытность взрослым мужчиной приходилось бриться аж два раза в день. И то женщины, целуясь, ругались, что колось, как мексиканский кактус.

А в этом теле сутки пробыл и ничего. Даже еще можно сутки потерпеть. Хотя сегодня, пожалуй, можно и побриться. Здесь проще, пусть и другие очень важные и необходимые проблемы. При виде холодной бритвы сразу начинаешь вспоминать о допросе с пристрастием и милосердное перерезание после оногo. Бриться как-то сразу не хочется.

Зевнул, широко разинув рот, подумал, что невесть о чем думает. Для этого всегда, а, тем более в XIX в веке, имеются брадобреи. Решено, пойду на улицу по делам, побреюсь. Как XX в веке парикмахерская. Смысл один и тот же, просто волосы удаляются по разному и другие.

Умыл личико, а потом тщательно намылил и вымыл вонючим мылом руки. Гигиена прежде всего. Для этого времени, когда в обычной питьевой воде масса смертельных возбудителей, типа холеры и тифа, мытье с мылом уже не баловство, а жизненная необходимость. Так что надо бы еще и лицо вымыть с мылом же. Жаль только качество последнего желает быть лучшего. Так что руки вымоет с мылом, а лицо с надеждой.

А потом к столу, к чаю с лепешками, которые уже утром умудрилась напечь Авдотья. Правда, не без ничего, но остатки ветчины очень даже к ней подходили.

И все с чаем, пора на улицу, к хладу, к грязи, к текущим заботам. Перед уходом громко, для Авдотьи, напомнил Полине о необходимости уборки. В своей же комнате, нагло зажав девушку, негромко, почти шепотом, добавил:

— Я буду оставлять тебе каждую субботу по десять копеек серебром. Только тебе, без

Авдотья. Старайся, Полина!

Девушка и без этого не осмеливалась сопротивляться объятьям, мало ли обидится и перестанет давать деньги. А тут как он заговорил о новой порции так сказать жалованья, так она и совсем к нему прилипла. От нее не убудет, а молодой господин такой щедрый, может, еще добавит.

Однако, Андрей Георгиевич как раз почувствовал, что его молодое тело желает амурных развлечений на более высоком уровне и хотело бы пролезть под одежду девушки. Аж панталоны зашевелились. И поспешил отодвинуться «на пионерское расстояние».

Полина обидчиво поджала губы — в глубине души юный дворянин был ей интересен не только из-за денег, но и вообще как благородный человек и шикарный кавалер. Но зашла, почти не постучавшись, Авдотья, и Полина сжалась. Маман не только могла поругаться, но и дать пару болезненных тычков или щипков из-за неподобающего с ее точки зрения поведения молодой барышни.

А Андрей Георгиевич как ведром воды был облит. При чем холодной, со льдом. Накануне он своими опытными циничными мозгами считал, что молодой дворянин без чина, без поместья, даже без высшего образования, которое давало неплохую стартовую позицию для карьеры, не интересен. Оказалось, ошибался, на безрыбье и рак вкусен. Особенно, если между нем и ней произойдет казус и она превратится из девушки в молодую женщину.

В принципе, попаданец к этому был готов. Только любовь у них будет, а вот выгоды для него точно нет, и, значит, и в этой жизни он будет несчастлив. Нет, только не это!

Так что все, Поляночка, любим только глазами. Под горой колхоз, на горе колхоз... Мы с тобой, хоть и одной крови, но разных сословий.

Авдотья, не только успокоившись, но и прилично разочаровавшись, ушла из комнаты. Следом за ней торопливо вышел и Андрей Георгиевич.

Осенняя довольно-таки прохладная природа быстро остудила разгоряченное тело, и он уже по стариковски подумал не о девичьем теле, а о том, как бы ему не заболеть. Ближайшие эффективные лекарства сейчас располагаются в двух столетиях и вряд ли он туда дотянется. М-да.

Впрочем быстрый широкий шаг снова его разгорячил. Метро еще не было, как и трамваев и автобусов. Из имеющего транспорта оставались только пролетки. Легкие и удобные, но дорогие. При чем даже Андрею Георгиевичу не то что бы деньги было жалко, но как-то не лежала у него душа к данному транспортному средству. Что поделать, человеческая цивилизация настолько многогранна и велика, что даже наиболее удобный и спокойный век чем-то не устраивал.

Ничего, наш герой на молодых резвых ногах буквально пролетел три версты, успевая расспрашивать дорогу до искомого заведения. Народ был разный, больше неконтактный, чем разговорчивый, но Андрей Георгиевич нашел свою цель быстро, даже удивился.

Перед этим завернул до парикмахерской, где чаще брили, а не стригли. Но он, как водится, не только побрился, но и постригся. Так сказать, испытал полный парикмахерский комплекс услуг. А уже потом направился до искомой цели.

Сравнительно небольшой домик (по сравнению, например, с Зимним дворцом) с яркой для XIX века вывеской с крупными «Аз, Буки» и мелкими «Школа языка» находился действительно на Мойке, почти у реки. Вот как, я почти сам дошел — удивился-восхитился попаданец, — все же потомственный петербуржец!

В домике с ним быстро разобрались, увидев, что он, во-первых, дворянин, а, во-вторых, уже немного грамотен и его надо не учить, а только доучивать.

Все это сыграло весьма двойственные последствия. Как к дворянину, к нему относились очень вежливо и предусмотрительно, учителя и учебные пособия были самые лучшие. А с учетом уже имеющейся подготовки, его сразу включили только в индивидуальное обучение, что, разумеется, приводило к более эффективным результатам, чем групповое.

Минус в таком подходе, прежде всего, заключался в цене. Если простонародье в групповом процессе обучалось, в конечном итоге, за полтину, в крайнем случае, за рубль, то он, российский дворянин, вынужден был за каждый урок отдавать по рублю. По РУБЛЮ, это ж в эпоху Николая Юго-го такие деньжищи!

Ладно, Господь сподобился, дал ему денег на первое время, а то ведь хоть караул кричи! А так, собственно говоря, у него возникла только одна и совершенно другая проблема. Анна, так звали его училку, планируя их сталинскую пятилетку, обозначила срок обучения — три — четыре месяца. За что он, благодарный, должен будет заплатить около шести рублей серебром.

Тут Андрей Георгиевич ее сразу обломил. Деньги у него были, даже такие огромные. А вот времени не оказалось. И он тут не виноват, объективные обстоятельства такие. Придется школьный срок урезать.

Бедная невзрачная девушка оказалась в трудном положении и посмотрела на него, как ангела, оказавшегося вдруг чертом. Попаданец ее понимал. Женщине в XIX веке полагалось очень скудное жизненное пространство — кухня, церковь и, м-м-м, спальня (не ошибаюсь?). Она и так уже заступила красную черту, став учительницей. И, конечно, лезть в область руководящих указаний совсем не хотелось. Получишь невзначай по бедной башке.

Андрей Георгиевич ей помог. Для начала он с удовольствием, как она не отбивалась (не сильно), расцеловал в румяные щеки и, изловчившись, в губы. Потом выступил со встречным планом — пятилетку в четыре года. То есть они обучаться не за три, а за один месяц и за те же большие деньги.

Анечка еще более засмушалась, потрогала зацелованные щеки (не укусил ли, гад?), насупилась:

— Я не могу это решать, Андрей Георгиевич.

— А вам я дам премию в один рубль серебром, — посулил попаданец. Хитро подсказал: — если со мной все получится, ваше ведомство даже может предлагать новую облегченную форму обучения.

— Ах, ваше благородие, — вырвалось вдруг у девушки, — вам-то хорошо говорить, а я так тяжело сюда попала! Не очень-то хотелось бы потерять это место.

Андрей Георгиевич взял ее за подбородок и принялся смотреть прямо в глаза. Анечка смело поглядела в ответ и тут же отвела взгляд в сторону.

— Да она же элементарно боится, — понял он, — это в XXI веке женщины приравнялась к мужчине и азартно лается с ним. В XIX веке женщина еще только дру человека и ей можно твердо быть только любовницей или хозяйкой. А остальное приравнивается к ходьбе по тонкому льду. То ли будешь жить, то ли пойдешь ко дну текущей жизни, — Андрей Георгиевич ее понимал. Тяжело на дне в любом столетии. Охо-хо!

— Анна Гавриловна! — официально объявил он, — с такими предложениями выхожу я, представитель благородного сословия, а не вы. И говорить о своих требованиях буду САМ. Понятно, милостивая сударыня?

— А я? — вновь посмотрела она на ученика теперь уже вопросительно-смущенно, — как мне быть в таком случае?

— А вы всего лишь должны знать о моих намерениях, — холодно закончил он, — более ничего я от вас не требую.

М-да, как это не трудно для попаданца, но с простонародье в условиях XIX века можно говорить только так — грубо, надменно и свысока. Особенно в чиновничьем Санкт-Петербурге. Иначе тебя просто не поймут.

С руководством этой школы он так и говорил — твердо и надменно. Его директор — мужчина уже в годах, но не из благородного сословия, хотя и в чинах, все прекрасно понимал. Он с ходу принял все предложения, ни в чем не усомнившись. Но и цену загнул — в два раза от стандартного дворянского!

К счастью, к этому Андрей Георгиевич был готов. Все-таки XXI век! Немного пободались. В конечном итоге инициатива обошлась попаданцу только в четыре рубля серебром сверху (плюс один рубль серебром Анне). Она, правда, еще не согласилась на этот рубль, но он уже дал свое дворянское слово.

Во как! Андрей Георгиевич даже чуть не прослезился от своего благородства. А что? Он теперь дворянин и должен вести себя как полномочный представитель этого сословия! Быть, а не казаться, так, кажется писали в своих девизах дворяне?

В общем, рубль он не только заплатил, но и отстоял перед директором, как официальную премию за стремительность.

Сама же учеба Андрею Георгиевичу даже понравилась. Смущенная Анна Гавриловна, тем не менее, касаясь учебных дисциплин, была тверда и настойчива, давая примеры понятные и простые. Благодаря этому он буквально за несколько недель сумел не только понять язык XIX века, но и сам сформулировать.

Узким местом, как он и предсказывал себе в своей учебе, была специфика эпохи. Особенности фонетики, лингвистики, архаизмы слов. Особенно Андрей Георгиевич мешали две оставшиеся буквы от средневековья. Вот ведь Петр Великий, не к селу будет произнесено его имя. Реформируешь, так полностью, а не как попало и где попало!

Но ничего и это прошел! Заодно еще раз улучшил собственное рукописание. Мало что хорошо пишет. Будет прекрасно! В отсутствие печатных машинок и, тем более, компьютеров, писарь с замечательным почерком большой чиновник. Или, хотя бы, обязательный. Доказано в реальной истории!

Чмокнул свою учительницу. Так сказать бонус к серебряному рублю, который тут же отдал. Анна покраснела, но ничего не сказала. Поцелуйчики даже со временем стали приятны, а большего с Анной Гавриловной ее ученик не позволял — ни руками, ни похабными словами. Может, и жаль, ведь она тоже не железная!

Все учеба окончена! Последний диктант на право получения диплома школы он провел вместе со сборной группой, фактически половины выпуском. Здесь были люди разные, но, как заметил попаданец, только из дворян и примыкающих к ним учеников — мелких чиновников и богатых горожан. А люди из бедных слоев, значит, будут писать диктант отдельно? Вот же ж!

Андрей Георгиевич в прошлом (или будущем?) XXI веке как-то читал в школьном учебнике, что средневековая Россия XIX века — государство сословное и статус каждой личности определялся с рождения, а не в ходе ее деятельности. Исключение только было тогда, если человек вырывался в другое сословие, особенно эффектно — из простонародья в

дворяне.

Тогда читал, теперь воочию видит. Спасибо, тебе, Господи, что изволил сделать дворянином. Пусть бедным сиротой, но из благородного сословия!

Подивившись и поужасавшись социальной дифференциации, попаданец сел... и обязательно за первую парту. Не из того, что ботаник и прилежный ученик, а потому, что из рода столбовых дворян! И, похоже, он чуть ли не единственный такой. Дворяне еще были, но из чиновничьих семей, второго или третьего поколения. Чернильное благородство на них только и перло.

Он один из настоящих дворян. Подумал горделиво и удивился. Откуда у него, попаданца демократического XXIV века такие спесивые мысли, от реципиента? Хм, может быть, тело же от него, как и память!

Хотя, между прочим, благородство в эту эпоху стояло ой, каких денег. В их группе сам диктант и получаемый завтра диплом дополнительно стоили 75 серебром (3 рубля ассигнациями), а в простонародной группе все это стоило 33 коп серебром (1 рубль ассигнациями).

И еще его специально предупредили о возможных новых расходах, если он подтвердит свою степень на диктанте. Дело в том, что его общий уровень грамотности оказался пригодным для вручения диплома с благодарностью директора школы. Она будет выделена в особо выработанной пергаментной бумагой и станет заполнена специально приглашенным писарем. Все это станет стоить еще 1 руб серебром!

Для смягчения этой финансовой горести, тот же самый благообразный мужчина, который и оказался директором школ Василием Герасимовичем Кудрявцевым, между прочим, титулярным советником министерства народного просвещения (!). Так вот он сказал, что эти благодарности выдаются школой не каждый день и год и могут быть отмечены при служебной аттестации.

Вытащил из специальной сумки для принадлежностей (и попаданец не знал, и реципиент забыл, как она называется в XIX веке) тетрадь с разлинованными листами, чернильницу с чернилами, перья, которыми пишут. В XIX веке давно уже были стальные перья, но в чернильной братии они все никак не приживались. Говорили по-разному, кто от консерватизма чиновников, кто из банальной скупости — гусиные перья стоили куда меньше, многие умудрялись получать их совсем бесплатно. А уж простонародье и вообще не мудрствовало. Подберет оброненное гусем перо и хватит. Птицы в России, слава богу, было всегда много.

В школе поэтому тоже настоятельно рекомендовали писать, по крайней мере, на первых порах, у них, перышками. Не следовало выделяться из общего круга россиян. Уже потом, набравшись опыта, можно было подумать и о железных или стальных перьях.

Опять же, ученики судачили, что причина здесь была в дешевизне. Письменными принадлежностями обеспечивали себя сами ученики, но в ряде случаев школа. А им не хотелось нести на себе дополнительные финансовые повинности.

Открыл крышку чернильницы. Ох, как он намучился с письменными принадлежностями XIX века, даже более чем с ятями и другими особенностями языка этой эпохи! Его учительница Анна Гавриловна, или, как он звал еще про себя, Анечка, сильно удивлялась этому. Обычно малолетние ученики, в общем-то, умели работать с перьями, учась писать. Не очень, конечно, хорошо, но основа закладывалась.

А тут взрослый человек не знал даже, как правильно взять в руку гусиное перо, не

говоря уже о том, как заострить его или взять им чернила! Андрей Георгиевич ее понимал. Это как ребенок XXI века не знает, что такое смартфон. Ужас какой!

Попаданец набрехался, мол, трудное детство в поместье, почти голодное, низкие потолки. Мол, учился писать у малограмотного дьячка в деревенской церкви только грифелем или мелом, набравшись его в яме на окраине деревне.

Кое-как набросал лапшу на уши, чувствуя, что она довольно горячая. Сталинский энкэвэдешник все равно бы не поверил и еще дал в морду за вранье, но простодушная девушка наивного XIX века проглотила, не поморщившись. И даже пожалела, погладив бедного мальчика, прошедшего такое трудное детство.

«Бедный мальчик» незамедлительно воспользовался физической близостью и чмокнул девушку в щечку, что, впрочем, не очень-то ухудшила общий итог.

И теперь он уже почти профессионально осмотрел перо, почистил рабочий кончик специальным ножиком. Он, между прочим, до сих пор называется и в XXI веке перочинным ножом. Для альтернативно умных, потому что им ПЕРО ЧИНЯТ.

Тетрадка сегодня была не нужна, для диктанта были выданы две специальных подписанных листа, где-то А4, — для черновика и для беловика. Тетрадка лишь подкладывалась под листы для мягкости.

Приготовился и спокойно стал смотреть на суетящихся учителей. Там их было чуть ли не с десяток, т. н. КОМИССИЯ. Все работающие в школе и подготавливаемые учеников в этом выпуске. На каждого из них приходился не один ученик. При чем не только в группах, но индивидуально. Даже его Анна, оказывается, вела еще одного ученика параллельно с ним. Андрей Георгиевич встретился с ним на этом диктанте. Разговора не получилось. Его молочный брат был писарьком в одной торговой кампании и откровенно перед ним лебезил. Попаданец видел таких и в XXI веке. Фу!

Вообще, вначале он совсем не хотел идти на диктант. Навыки он получил, Анну напоследок угостит в каком-нибудь чистом, но дешевым трактире для души. Потом вспомнил, что в бюрократическом XIX веке уже работала поговорка «без бумажки ты букашка, а с бумажкой, ого-го, человек!» И что в аппарате перед чиновным начальством как пить дать надо будет хоть какой-нибудь диплом. Ибо упоминание о домашнем дворянском звании хоть и принимается, но с ухмылкой. Типа низшего образования!

А уж на самом диктанте его пленила Анна. Если его ученик окончит обучение с отличием, или, как оно еще называется, на первом же ее выпуске, это сильно поднимет Анну в глазах товарищей. А может, и официально чего-нибудь перепадет.

И его учительница так на него смотрела, так его уговаривала не беспокоится и зря не оставлять ошибок, что он не выдержал. Пусть ее к богу! Напишет он диктант на все 100 %. м-гм, если где не махнется нечаянно. И компьютеры ошибаются, а он простой человек, хоть и знакомый с Господом Богом.

А вообще-то он, прежде всего, хотел проверить на комиссии свой улучшенный почерк и умение писать пером. Простым гусиным пером, макая в обычную стеклянную чернильницу! Глупый архаизм XXI века, в XIX веке как-то смотрится и не глупо. Как говорится, каждой эпохе своя особенность.

Еще несколько дней назад попаданец XXI века не то, что писать таким образом, даже представить не мог, чтобы он гусиным пером (бедный гусь!) что-то набацал. И ведь даже тело реципиента не помогало. А уже сейчас, на диктанте, он привычно берет перо и рисует различные пируэты. Каково, а?

И все помощи Анны Гавриловны. То есть не то, чтобы, собственно, она, но ведь он ничего никого не скажет, правда ведь Аннушка?

Диктант

Красиво вывел заглавную букву А с щегольской горизонтальной черточкой. Ничего, что им еще ничего не диктовали и вряд ли текст начнется с этой буквы. Зато какое загляденье!

Аннушка, его прелестная бывшая наставница, подошла к нему, дабы дать последние наставления. Но увидела его творение, только что вышедшее из под пера, подумала, что убеждения и наставления уже излишни.

Вместо этого похвалила:

— Прекрасная буквица, я бы так не смогла. Вы весьма способны, Андрей Георгиевич, после такого скудного обучения так волшебным образом писать!

Попаданец не стал в ответ говорить, памятуя, что «кукушка хвалит петуха, зато что хвалит тот кукушку». Вместо этого, пользуясь тем, что окружающие очень заняты и они в толпе людей оказались как бы одни, озорно улыбнулся и провел по ноге под юбкой.

Собственно, ничего фривольного он не сделал. Юбка была по моде тех лет длиной до щиколотки, и он потрогал ногу далеко до коленей. До бедра было как до Пекина, много китайских мер длины. Но Анна все равно смутилась, покраснела, бросила быстрые взгляды на окружающих. Лишь увидев, что людям далеко не до них, немного успокоилась и мягко, но твердо дала понять, что такое озорство излишне.

Реципиент, кстати, тоже слегка покраснел, возбудился, даже смутился. Андрею Георгиевичу лишь осталось неслышно хмыкнуть. Ох уж эти чистые целомудренные дети средневековья! Как еще у них дети рождались при такой нравственности?

Одно радовало — Аннушка отвергла не его руку как таковую, а то, что он пустил ее здесь. Эх, красная девица, если бы они могли сойтись, чего бы он мог ей дать!

Проводил ее взглядом. Реципиент — молодой человек, ему вредно жить без секса даже чисто физиологически, для здоровья. Так что надо или жениться, или найти опытную женщину. И, желательно, не проститутку. В XIX веке «болезней любви» было уже много, а эффективных лекарств еще нет. Ему это надо — попасть из XXI века в XIX при помощи Господа нашего Бога и мерзко — медленно умереть от сифилиса?

Ведь есть же ждущие мужских ласк опытные женщины, которые, как и юный парень жаждут секса. Необходимо лишь им просто помочь в этом.

Подумав об этой проблеме довольно-таки цинично и грубо, Андрей Георгиевич сразу забыл о ней. Ибо любовь — любовью, а кушать хочется всегда. Тем более, директор школы, уважаемый Василий Герасимович Кудрявцев, коротко обменявшись взглядами и не встретив порицания, дал сигнал своей секретарше и одновременно официальной декламаторше Любочке Поляниной, или, при всех, Любове Афанасьевной. У нее был на удивление всех сильный баритон без каких-либо чувств. Ни какой-то сексуальности и чувственности. Ученики, в основном представители мужского пола, занятые диктантом, просто забывали, что им диктует молоденькая хорошенькая девушка. Тем самым исчезали причины для ухудшения результатов.

Все подсчитали и уточнили, будто на компьютерах проработали. Андрей Георгиевич еле слышно угукнул и аккуратно вывел первую строку вслед за декламаторшей:

«Великорусская природа зимой представляет из себя величественное зрелище».

Нейтральная, выигрешная тема в любое столетие. Молодцы ребята из министерства

народного просвещения. Диктант с таким текстом не страшно показать на любом уровне. Конечно, придиры сумеют и здесь найти предлог, чтобы сказать нечто нехорошее, ну и пусть. А в остальном неплохо.

Попаданец дописал диктуемую цитату, залюбовался на текст. Как будто на компьютере напечатано. Все понятно, без помарок и ошибок.

Диктант был не абы как, лишь бы провести действие и поставить галочку. Общая его часть была сравнительно простой, но были и проверочные части для синопсиса, пунктуации и грамотности.

В целом, если ученик был грамотен, то получить штрафные баллы надо было еще постараться. А уж получить единицу можно лишь на 100 % неуч. По крайней мере, Андрею Георгиевичу так показалось. Он без особых ошибок и помарок написал весь диктант. Некоторые трудности для него только составляли архаизмы XIX века. Ведь это для его современников было все просто, а он их не то, что писал эти слова, многие слушал впервые!

И все-таки вроде бы без ошибок. Еще раз прочитал, полюбовался на написанные буквы. Гусиное перо — это не стальное писало. И, тем более, шариковая ручка будущих веков. В идеале, если аккуратно почистить перышко, да уметь им пользоваться, текст будет на загляденье!

Попаданец даже немного расстроился переписывать такую красоту. Но, надо было учитывать лишние буквы, написанные «из резвости ума». Их легко можно было приписать к ошибкам. Или, хотя бы указать на грязь в тексте.

Да и вообще, положено иметь два текста — черновик и беловик. Вот и пиши два, не выкаблучивайся. Умных да ловких никто и нигде не любят. Как, впрочем, и сам Андрей Георгиевич. Так что лучше написать беловик. Или, точнее, переписать беловик с черновика.

Решительно опустил заостренный кончик пера в чернильницу. Работы-то максимум на двадцать-тридцать минут! Главное, не напортачить с чернилами и не вляпаться с грамматическими ошибками.

Так вот. Последний абзац. Андрей Георгиевич скептически посмотрел на исписанный лист бумаги. Грамотность, кажется, на «отлично». А вот прилежание только на «хорошо». На взгляд попаданца, слегка грязновато. Хоть и песком посыпал, а потом промокашкой поработал, а все же как-то не то.

Наполненный дурными предчувствиями, сдал оба листа — беловик и черновик. Пронесло! В отличие от автора, комиссия к результатам диктанта дворянина А.Г. Макурина отнеслась очень благосклонно, а местами даже восторженно.

Сам директор школы Василий Герасимович Кудрявцев, титулярный советник министерства народного просвещения чуть ли не прослезился, перед этим из осторожности отложив беловик, чтобы не накапать, и твердо сказал:

— Безусловно превосходная оценка! Никак не ниже! В первый раз на своей практике вижу столь каллиграфический почерк, четкий, легко читаемый не только опытными крючкотворами, но и малообразованными людьми! Пожалуй, наш выпускник может сразу быть достоин допущенным к бумагам самого столоначальника, а, Анна Гавриловна?

Учительница Андрея Георгиевича на правах в какой-то мере собственницы смотрела на диктант ученика более строго, но и она одобрительно кивнула:

— Хороший почерк и понятный текст, ошибок я не вижу совсем. Позвольте с вами согласится, ваше высокоблагородие, Андрей Георгиевич может хоть сейчас работать письмоводителем у столоначальника или даже у его высокопревосходительства директора

департамента.

Василий Герасимович дружелюбно, хотя и несколько надменно кивнул Макуруину:

— Ко мне нередко обращаются с просьбой помочь найти грамотных людей особенно благородного происхождения. И я в свое свое время порекомендовал в департаменты целый ряд выпускников, которые произвели недурственную карьеру. Смею надеяться, учитывая ваши способности, вы станете полезным чиновником, благородным человеком у трона его императорского величества!

Понимая, что и он тоже должен говорить что-то приятное, Андрей Георгиевич принялся благодарить Кудрявцева, одновременно перечисляя его положительные стороны, зачастую гипертрофированные. Директор же школы, хоть и опытный и понимающий цену этим благодарностям и похвалам, тем не менее, удовлетворенно жмурился. Доброе слово всякому приятно, это и так понятно.

Ну а Анечку он он не только поблагодарил, но и угостил обильным вкусным обедом с французским шампанским в отдельном кабинете. Трактир был не высочайшего уровня, но и не для дворников. Обед с четырьмя переменами блюд, роскошным десертом с тропическими фруктами и мокрыми пирожными, с подачей, пусть и немного заграничных вин, все же угощаемая была приличная женщина, обошелся Андрею Георгиевичу на две персоны в три рубля ассигнациями.

Впрочем, скромной учительке без мужа и даже без воздыхателя и этого было очень много. Ну а попаданцу, который в ХХI веке не раз угощал деловых и романтических гостей в роскошных ресторанах этого же города, просто примерно эдак на двести лет позже, сделать угощение вдвойне приятным и восхитительным было раз плюнуть.

Анна Гавриловна сначала была излишне скромной, затем после первой перемены блюд с бокалами бургундского и шампанским, наоборот излишне развязной и самоуверенной. Впрочем, с помощью деликатного ученика ей все очень понравилось. Вдоволь наевшись различными вкусностями и даже немного напившись, учительница с помощью Андрея Георгиевича уехала на извозчике в скромный домик, где она снимала комнату.

Сам ученик был скромен и трезв, ограничившись тремя целомудренными поцелуями в щечку и один в губы. Можно было больше и не только поцелуев. Но Андрей Георгиевич четко обусловил обед как благодарственно-деловым и границ не переходил. Ибо он прекрасно понимал, что для ХIХ века это был почти закон — спортил девку — женись! И если прожженный купец еще без труда изловчится проскользнуть в узкое отверстие российского законодательства, то молодой дворянин навсегда останется с жирным пятном позора.

И потом, ему просто было жалко эту скромную трудягу. Пусть ее. Они пробыли вместе месяц без малого и скоро расстанутся навсегда. Вот так!

На следующий день торжественный, но скромный выпуск учеников был приурочен почти к вечеру, и Анна Гавриловна была не только трезва, совершенно ни в одном глазу. А вот среди учителей — мужчин, с удивлением увидел попаданец, похмельем в разной степени находились многие. Вот и ладненько, не они одни вчера отмечали, хи-хи.

Выпускников накопилось всего три десятка. Андрей Георгиевич еще раз посмотрел на своих братьев и, м-м-м, сестер. Он не ошибся — большинство были мужчины, в основном мелкие служащие, даже не чиновники. И сотрудники частных коммерческих фирм. И первым, и вторым навыки школы были нужны в сугубо практических целях, поэтому они старались изо всех сил. Правда, пользы от этого было маловато. Слишком уж низкой была их

образовательная база, чтобы получить от краткосрочных курсов, а школа, по сути, ею и была, большую отдачу.

Немногочисленные женщины — купчихи, низшие медработники и т. д. — были в тех же категориях не очень грамотного населения. И даже хуже. Большинство из них имело так называемое домашнее образование, что означало для XIX века умение читать, писать, четыре арифметических действия и, пожалуй, все.

Не зря потому Андрей Георгиевич с его полувысшим инженерным образованием, которое, как он считал, уже все в памяти исчезло, как-то вдруг легко всех обошел и вызвал благоволение его высокоблагородие директора школы. Вот и ругай родимый будущий университет!

Он оказался не только первым в списке, но и высоко впереди всех. Анечка, его симпатичная наставница, поговорив о чем-то с Василием Герасимовичем, сначала настойчиво допрашивала на предмет, чего он такое оканчивал — гимназию или даже какой университет. Бабий ум так было расфантазировался, что попаданец чуть не расхохотался до икоты.

Анна Гавриловна вдруг решила, что он какой-то революционер, бежал из ссылки, и теперь таким вот образом восстанавливает хоть какой-то диплом. Опасливо поглядывая на государственного смутьяна, она настойчиво внушала ему две мысли:

во-первых, она его ни в коей мере не выдаст, ученик свободно может ей все выдать без утайки и

во-вторых, может лучше взять и сдаться на августейшую милость его императорского величества?

Тут он уже расхохотался вслух, заставив собеседницу покраснеть и насупиться. Это его еще больше развеселило и он громко хохотал, глядя на нее, пока обозленная учительница не ушла.

Перестав веселиться, он уже серьезно подумал, что смешного здесь ничего нет, поскольку первый же человек XIX века (женщина!) раскрыла его почти полностью. И какой он здесь в Санкт-Петербург и зачем учится в школе. Правда, для XIX века придумала более легкий вариант — тайный преступник, беглый смутьян.

Кстати, тоже плохо для его репутации. Жандармерию-то он, скорее всего, убедит, ведь никак доказательств не существует, кроме бабьей болтологии. Но как после этого будешь делать карьеру или вообще жить, если все будут думать о тебе, как о преступнике? Да и жандармов поди-ка уболтай.

Обогнал обидчивую Анну Гавриловну, придумал слезливую повесть о талантливом дворянском недоросле, который в поместье сумел обучить учебные дисциплины гимназии. А потом вот холера и он остался сиротой.

Такая вот симпатичная история, которая, вроде бы, успокоила девушку. Но еще больше, с точки зрения Андрея Георгиевича, ее заставил замолчать и при всех — в скромном уголке здания школы — прижаться к ученику, это крепкий поцелуй не куда-то там в щечку, а в алые губы.

А может плюнуть на все и жениться на Аннушке? Пара она, конечно, бесперспективная, не родовитая дворянка, не богатая купчиха, зато будем жить — поживать в полном согласии?

Внимательно посмотрел на нее. Вопреки обычаю, она не покраснела, не смутилась. Сама обняла ученика и, вроде бы, кавалера, положив ему на шею неожиданно теплые руки.

Сказала в такт его мыслям:

— Можно было бы жениться, я — неплохая жена, ты — блистательный муж. Неплохая будет семья.

Она мечтательно посмотрела на него, смело глядя прямо в глаза. Он даже засомневался, не попаданка ли она тоже? Потом сделала такой же вывод, как у него, но радикально противоположенный по тону:

— Только это нехорошая затея.

— Почему? — пораженно воскликнул Андрей Георгиевич. К чести попаданца, рот открыл все же не он, а молочный брат по телу, его реципиент. Попаданец же маялся в тяжких раздумьях, отключив высшую нервную систему.

— Потому, — жестко отрезала она, отодвинувшись о него. Пояснила: — станем счастливы в первые год, пока тешим беса. А потом? Нищие, не породистые, без связи, без денег, будем мыкаться по жизни, пока, к всеобщему удовольствию, не умрем.

Попаданец думал так же и промолчал ее на настойчивый взгляд. Анна Гавриловна была разочарована и твердо заключила, как поставила точку в эпиграфе:

— Ты, мой друг, мне мил, но жизнь отталкивает нас. Не будем противиться ей и окажемся счастливы порознь.

И ушла от него, спокойно, не торопясь, ни разу не повернувшись. Может быть, она ждала, что он окликнет ее? Но попаданец, тоже веря, что им будет лучше разойтись, не стал говорить сам и ничего не дал сказать реципиенту.

На торжественном сборе (или линейке) они не встретились и даже не увиделись. Прямо как совершенно чужие и незнакомые люди.

Вот так и закончился их кратковременный романс. Грустный конец, но совершенно необходимый.

А вот деловые отношения превратились в триумф. Директор школы Василий Герасимович Кудрявцев приветствовал учеников краткой речью, уведомив, что выпускники их школы могут надеяться на многое. И в качестве примера он привел, конечно же, Андрея Георгиевича Макурина, который столь много взял у школы, что может надеяться на должную карьеру.

Потом началась церемония выдачи дипломов, ради которой они, собственно и собрались. И первым, разумеется, был вызван дворянин А.Г. Макурин, которому лично (а также еще нескольким лучшим выпускникам) вручал документы директор школы. И не только.

Сначала он торжественно передал диплом, перед этим показав всему выпуску (будто они не знали!) превосходные и весьма превосходные оценки. Затем диплом был передан его хозяину, а директор принялся за другую вкусняшку — благодарственное письмо школы, которую он тоже все показал, прежде чем передать Андрею Георгиевичу.

И, наконец, последнее блюдо сегодняшнего обеда, так сказать вкусный десерт. Василий Герасимович, как и обещал, выдал от имени школы характеристику одному департаменту, где благородный выпускник, конечно же, будет работать для процветания отчизны и августейшего монарха.

После этого, под испытывающими взглядами окружающих — в первую очередь учителей, а потом учеников, ему ничего не оставалось, как выступить с ответной речью.

А что такого? Это реципиент, провинциальный молодой дворянин, никогда не выступал перед людьми и волновался. А попаданец как раз часто выступал в XXI веке и даже

удивлялся, когда зрителей бывало мало.

Вдвоем они составляли хорошую, зрелищную пару, убеждавшую самого циничного и не верящего критика. Станиславскому бы здесь не удержаться — внешне Андрей Георгиевич был молодым и наивным благородным недорослем, которого все пожилые ученики и учителя хотели погладить по головам, не слушая его детских глупостей. Однако внутренне это был уже довольно старый и безусловно опытный оратор. Вместе они дали такую благообразную речь о хорошей школе и добрых наставниках, что ему очень долго рукоплескали и требовали повторять «на бис».

Андрей Георгиевич, однако, понимал, что великие вещи на бис не повторяют. Ибо тогда они будут тривиальными и очень простыми. Пришлось вспомнить актерский этюд «маленький ученик у строгого учителя», покраснев, потом побледнев, взволновавшись до крайности, так что и директор школы, сам впечатленный речью, заступился за молодым дворянином.

И все, учеба в XIX веке прекратилась. Это была эпоха великих дел, когда еще молодые полководцы побеждали на полях сражений или на бюрократических столах. Потом, если удавалось, они оставляли потомство и погибали.

Поскольку ему уж было достаточно много лет и он считался молодым, а, значит, дееспособным, то уже должен был или воевать в армии или корпеть за бумагами в министерствах или департаментах. А учиться будут юные или бестолковые!

Глава 7

Дела личные и карьерные

Ловко ускользнув от ученической пьянки в честь получения дипломов школы, Андрей Георгиевич вернулся к себе «домой», где снимал комнату. Здесь он произвел настоящий фурор, даже немного стыдно стало. Не только молодая, неопытная Полина, но и тертая жизнью Авдотья были поражены его официальными документами, их великолепием, вычурным золотом, горделивым орлом печати.

При чем Авдотья даже, пожалуй, больше. По опыту умершего мужа, всю жизнь бродившего вокруг букв и мечтавшего хоть как-то подняться в образовании и карьерном статусе, старуха понимала, что раз его постоялец добился пусть небольшого диплома, значит, уже получит повышение. А там еще и еще. Ведь он пока молодой и прыткий.

И твердая уверенность Андрея Георгиевича в скором улучшении его жизни лишь утверждала в этом мнении женщину. Он поднимется по служебной лестнице и уедет со слишком скромной квартиры. Ведь насколько она понимала, чиновный люд насколько был поставлен в чине, так от этого питался и спал соответственно. И чем выше была классность, тем лучше становилась снимаемая квартира. В этом отношении жилье Авдотьи приравнялось к невысокому классу чиновников. А то и без класса, типа, как у нынешнего постояльца, дворянину без чина, живущего здесь временно.

Им бы постояльца классом повыше, жизнью поопытнее, чтобы с одной стороны, хотя бы с небольшими деньгами в кармане, а с другой стороны, не придирался к невесте, мол бесприданница и беспородная. Молодая и пригожая, что такому старенькому еще надо? Все одно станет гладить только взглядом и лишь изредка рукой.

В этом отношении господин Макурин им не ровня. Не женат — хорошо, а все остальное плохо. Молод, гонорист, без денег и без положения, куда он тут?

Подумав так, Авдотья уважительно поклонилась постояльцу и, не сколько даже ему, а столько его диплому и поспешила подальше, напоследок заметив себе, сказать Полинке близко к молодому мужчине не подходить и руками его не подпускать. А то эти молодые нахусятя до ребятенка. Куда она потом?

На счет амурных шалостей Авдотья беспокоилась зря. Не о том думал Андрей Георгиевич, совсем не о том. Хотя ведь дети такие шалунишки, появляются вдруг и цепко вцепляются в себя. И поэтому попаданец совсем не был против осторожности хозяйки, пусть придерживает девушку, которая иногда очень уж активно предлагает себя, если говорить цинично. А он ведь тоже не из железа сделан.

С тем и лег спать, на всякий случай закрыв щеколду на двери. Мало ли что, а ему еще и чиновничью карьеру делать.

На утро он в какую-то пору поднялся сам, без помощи живого механизма в виде хозяйки и ее приживалки. Сегодня Комиссия в лице председателя генерал-лейтенанта гвардии С.С. Подшивалова и остальных членов, менее важных в жизни попаданца, решит, во-первых, дворянин ли он, а, во-вторых, куда ему идти служить — по воинской ли линии, или по штатской.

То и другое было весьма важно. Нет он, конечно, мог бы быть тороватым купцом и даже крупным. Вряд ли торговля, а в основе своем банальная спекуляция, если говорить честно, в

XIX веке отличается от аналогичного процесса в XXI. Специфика, разумеется, имеется, но по мелочам. Так что мог он быть купцом, но все же дворянином оказывается быть лучше. А дворянином богатым и с классом чиновным еще и прекраснее.

А для этого, прежде всего, надо улестить Комиссию. На сегодняшний момент это самое важное. А потому умыться, слегка позавтракать, одеться и обуться во все лучшее и идти в Комиссию!

Хозяйка с молодой приживалкою, суетившиеся на кухне, несколько удивились. Обычно он вставал в господский час, когда прислуга или прислуживавшие хозяева сделали завтрак, почистили господскую одежду (в случае с Макуриным это чисто теоретически) и разбудили изволивших сладко почивать постояльцев.

А тут они сами изволили, ха! Может, и чай соизволят сами приготовить? Полина саркастически взглянула на него. Сказать ничего не сказала, но и увиденного было достаточно.

Андрей Георгиевич построжел взглядом. Шутить изволите, барышня? Так он тоже сумеет пошутить, так поизгаляется, месяц сидеть не сможет на поротой заднице

к счастью, Авдотья легким тычком образумила родственницу, а та, поняв, что совсем обнаглела, извиняюще улыбнулась и слегка нагнулась вперед, так, чтобы ее прелестные грудки стали бы чуть-чуть видны мужским глазам. Своего рода девичье извинение. Мол, немножко обмишурилась, извиняюсь и немножко позволяю бесплатно потаращиться на девичьи прелести.

Андрей Георгиевич облегченно вздохнул. Будучи не только несколько вспыльчивым, но и язвительным, как и все скорпионы, он бы так ей ответил, сам бы потом себя ругал за обиду юной, в какой-то мере, девочке. А так ничего, что это она стремится увлечь его в амурные шалости. Все одно, к бабью пору ей еще расти и расти.

— Я, милостивые сударыни, сегодня должен быть на официальном заседании Комиссии, которая решит мою судьбу. Мне надо быть во фрунте и в параде. Поэтому, Полина, соизвольте почистить и погладить мой парадный наряд. Авдотья, на вас я оставляю мою шикарную обувь. Смею надеяться, после ваших рук они станут еще шикарнее. Все не задарма, — ответил он на ее настойчивый взгляд, — конкретную стоимость я определю после показа вашей работы.

И налил себе в чашку заварки и кипятка. Сладкий крепкий чай да со свежепрожаренными Авдотьей этим утром лепешками, прелесть!

Полина тоже хотела посидеть за столом с молодым дворянином. Ведь он бывает таким куртуазным и такие подает комплименты, что, ах, как приятно! Но Авдотья, уже нацеленная на некоторую сумму денег за нетрудную работу, взглядами и рукой вытащила ее из-за стола. Пока молодой господин дворянин и, очень похоже, будущий чиновник, может даже, какого класса, соизволит испить чаю, они как раз и приготовят ему парадное платье. Все одно будет за это несколько копеек почти за даром!

Тело реципиента, хотя и без души (или без разума, кто как рассмотрит), попыталось довести до нового хозяина свою позицию. Лицо покраснело, туловище испытало зримое желание неги. И без слов стало ясно — хочу девушку, хотя бы сидящую рядом. Но душа попаданца как бы шикнула, мысленно гаркнула — не до тебя пока. Нишкни!

Обиженное тело примолкло. Конечно, и с ним так просто нельзя, необходимо и плотскими утехами заниматься и он даже ему постарается помочь, но не сегодня. Извини! Ну а пока пей чай с лепешками и вспоминай, что тебе надо взять с собой и что сделать, дабы

Комиссия была довольна.

Прежде всего, пистоль! Пистолет XIX века, более примитивный и менее смертоносный хотя и совсем не игрушечный. Его обязательно с собой. Как жаба не давит, а это оружие необходимо передать Подшивалову. Золоченый антиквариат XIX века, дорогой и родимый. Пусть его высокопревосходительство вспомнит о скромном дворянине и поможет хотя бы немножечко. Гвардии генерал-лейтенант — это ж по нынешнему армейский полный генерал. Второй класс, между прочим, по существующей классификации! Как мимо можно пройти!

К нему положена кожаная кобура. Как подсказала память реципиента, новодел, батюшка сам наблюдал и присматривал, как крепостные умельцы — мастера, выделали изысканную кожу, сшили по новомодным образцам. Неизвестно, по какому поводу Георгий Степанович собирался подогнать пистоль в кобуре и в португее, но сейчас попаданцу оставалось только передать Подшивалову и бог с ним.

И обязательно взять некогда купленную щегольскую сумку-несессер (вспомнил, наконец) для бумаг и письменоводительских приспособлений типа карандаш или гусиное перо, чернильницу с чернилами и так далее. Стоил такой несессер не дешево, почти четыре рубля ассигнациями, да всякие вещички в нем. О-о-ох, жаба давит, широко он разошелся на Господские деньги, то есть Господа! А что делать, голубчик? Себе ведь купил и все весьма нужное для будущего чиновника. Правда, сумку долго не мог назвать. Но ведь нашел в памяти!

И, пожалуй, все, что он мог взять с собой. Еще стопку кредиток, чтобы, если понадобится, всунуть невзначай мелким чиновникам. Пищу бы надо взять какую от завтрака, но нельзя. В Комиссию едет, не в трактир и даже не в дворницкую Мефодия, чтобы пропахнуть ветчиной и сыром.

Допил чай в кружке, потопал смотреть, как выполняются его задания. Хорошо же быть богатым. И сварливая хозяйка старуха, и прелестница девушка, то ли воспитанница, то ли родственница, он никак не разберется, послушно выполняют его, в общем-то, работу. И за сущие копейки, медные кружки. При чем знают это, но все равно работают. И пусть в XIX веке у копейки совсем другая цена, но, черт возьми, как же это мало с точки зрения жителя XXI века!

Прошелся, посмотрел. Полина уже вычистила его одежду, убрав, особенно с панталонов, грязь и мусор. Авдотья же, почистив парижские туфли (или ботинки?), приводила в рабочее состояние утюг. О, Господи, как же они тяжело жили без электричества! Там сунув вилку в штепсель и, если надо, капнуть воду. Здесь разжечь дрова, получить бездымные угли, собрать их в утюг, не обжегшись и не устроив пожар. А потом еще не испортив парадный наряд.

Не-е-ет, он пожалуй, за это сложное устройство никогда не возьмется. Лучше уж составлять докладную записку на имя его высокопревосходительства. Благо, дражайшая Анна Гавриловна учила его писать и прилежанию как раз на таких шедеврах бюрократического стиля. А вот огнеупорный утюг он видит в первый раз. И, наверное, не возьмется. Лучше уж шпагу или, хотя бы, саблю.

Женщины же, не зная, какие тяжелые думы роятся в голове у их работодателя, работали, выполняя самую обычную для XIX века заботу — гладили чугуном утюгом. И пусть он был весьма тяжел и горяч, но даже молодая Полина бралась уже не в первый раз за его ручку. А уж Авдотья, покойный муж которой был обязан каждый день ходить на службу в чистом и

выглаженном вицмундире, чуть ли не жила с этим бытовым устройством.

Они быстро погладили его наряд. По всему видно — опытные хозяйки и с мужской одеждой им возится не в первой. В отличие от Андрея Георгиевича. Он хотя бы и был мужчиной, но другой эпохи и в XIX веке был совершенно беспомощен с простыми делами. Ох, как он бы один собрался, в грязных, смятых панталонах и сюртуке пришел в Комиссию?

Попаданец так им был благодарен, что вопреки обещаниям, которым себе же и отдал, щедро возблагодарил женщин. Авдотью, как бы на двоих, дал пять копеек медью — две двухкопеечных монеты и одну копеечную. Получив эту «грудю сокровищ» в обе руки, старуха так разомлела, что оставила молодых в комнате одних. А ведь они еще должны были одеть мужчину. А вестимо, где одевают мужчину, там, в конечном итоге, раздевают женщину.

Эта непреложная истина опытной хозяйке скоро придет в голову, но пока весь ее разум остался в руках с медными монетами. Пользуясь этим, Андрей Георгиевич поспешил к Полине, нет, не то что вы подумали, а только дал ей дополнительно целых три копейки в две монеты. Полина, надо сказать, повела себя так же, как Авдотья. При чем еще в молодом аспекте. Ее глаза игриво заиграли, как бы обещая за некую сумму мужское удовольствие. Интим, если говорить прямо.

Нет-с, девушка — голубушка, Андрей Георгиевич уже все это продумал и, как бы не хотелось амурных шалостей молодому телу, максимум, что он сделал, слегка щипнул ее в алую щечку, поблагодарив и одновременно отправив из комнаты.

Девушка поняла его правильно. Кавалер сегодня не намерен с нею играть, деньги за работу он дал и довольно щедро, учитывая, что все положенное уже оказалось у маман. Надо уйти, перед этим спрятав деньги от ее глаз. Ах, как бы она его благодетельствовала, как бы была ласкова, если бы только намекнул! Но, нет так нет. Она вышла из комнаты, напоследок завлекательно скосив на него глазами. Мол, я такая, а вот ты будешь дурачком!

Но Андрей Георгиевич лишь закрыл щеколду, как добронравственная барышня в присутствии кавалера. Молодая еще Полина, дурная. Трудно сказать, что в ней больше играет, гормоны или жадность, но пожалеет она потом точно. А ему нечего оставлять такие следы.

Да уж. Будь попаданец помоложе, в пару с горячим юным телом он легко пошел на поводу у Полины. Но Андрей Игоревич в XXI веке был за сорок, гормональная буря у нег давно пришла. И потому, он легко переключился с амурной темы на деловую, а именно посмотрев, хорош ли у Андрея Георгиевича наряд и как он в нем будет выглядеть на заседании Комиссии.

Зеркала во весь рост в квартире по понятной причине не было, однако, посмотрев на себе панталоны и сюртук на сорочке, он остался доволен. Наряд оказался не криклив и почти модным, хотя и не дорогим. С точки зрения старого попаданца, одежда, как раз подходила молодому дворянину с тонким вкусом и небольшими деньгами. То есть, кем он и хотел быть.

Обулся, взял несессер и вышел на петербургскую улицу, в очередной раз попеняв себе купить какую-то шинелишку.

Впрочем, погода в это утро была почти теплая. Хоть и довольно морозно, но безветренно, что для Санкт-Петербурга очень даже необычно. Все-таки приморская погода. Скорым молодым шагом он быстро дошел до Комиссии, и внутренне разогрелся. В конечном итоге в здании Макурин оказался с юношеским румянцем и превосходным настроением от бодрой ходьбы. Хорошо быть юношей в XIX веке, когда собственное здоровье не мешает, а

городская обстановка не вредит!

Хотя, конечно, отдельные факторы все же имеют место быть, — Андрей Георгиевич с некоторым неудовольствием заметил несколько пар глаз — спесивых или, хотя бы, удивленных. Их трудно было не заметить, поскольку они принадлежали недорослям, стоящим в коридоре на пути Макурина. И судя по сему, не только не собирающиеся отодвинуться в жизненном пространстве, но и попытающиеся активно ему мешать. Вот ведь нахалы!

— Ты пошло такой борзой и мешкотный! — сразу добавил заявку на драку самый крупный и самый наглый из оных представителей местной тусующейся молодежи. Явный вожак, пытающийся найти опасность для своей власти.

«Ведь какой бестактный юноша, — нехорошо усмехнулся попаданец, — наглость, конечно, второе счастье, но она и зачастую является причиной нездоровья. Смотрите и учитесь жизни, недоросли, что бывает с невежливыми!»

У молодости нередко бывает такой недостаток, как словесный понос. То ли им кажется, что обязательно надо объяснить свои действия, то ли хочется побывать в фокусе внимания таких же юных и бестолковых, но физическая ссора обязательно ими начинается со словесной дерзости. Дурачье, вы уже стали взрослыми и главное не шум, а действия!

Что Андрей Георгиевич прекрасно им показал. На властный вопрос, показывающий, кто здесь главный и требующий обязательного ответа, новый гость не стал говорить, а внезапно и коротко врезал в лицо спрашивающего. Под недоумевающие крики и вопли окружающих вожак без чувств рухнул. То-то же, а то умудрился попасть под асфальтовый каток. Ну или, для отсталых аборигенов XIX века, под битюг-тяжеловоз с бревнами.

— Кто еще хочет налегке пообщаться со мной? — нехорошо усмехнувшись, поинтересовался Андрей Георгиевич, — кому еще надо мордочку почистить? Подходите, сегодня дешевле!

Члены встречающейся делегации, не ожидавшие столь горячего отклика на незапланированную встречу, нехотя отодвинулись с узкой дороги. Путь был открыт, но попаданец для самых тупых повторил вопрос, одновременно выискивая жестким взглядом еще одних нахалов.

Таковых, впрочем, уже не было. Вожак в любой нормальной группе должен быть один. Найди его и обезвредь и остальные окажутся беспомощными. Ха, и это дворяне. Щенки этс беспородные!

Хотя ладно, он сюда не драться пришел. Неспешно пробрался среди недорослей и, только пройдя их, задал вопрос:

— А зачем, собственно, они здесь стоят? Там, в приемной на стульях, им будет удобнее?

Это был даже не вопрос, а утверждение и ждать ответа не стоило. Андрей Георгиевич проговорил, чтобы сказать, недоуменно гмыкнул в воздух и пошел дальше, не торопясь, по-хозяйски, но не шумно. Нарвешься ненароком на члена Комиссии, хама с классом и орденами, быстро поймешь, кто здесь гость, а кто покурить вышел в перерыве.

Хотя при некурящем Николае I это весьма не приветствовалось. Император очень не любил курящих и, как правило, не подпускал их в свою свиту. Ну а свитские, соответственно, своих подчиненных и аппарат, хотя бы столичный, совсем не курил.

В первой приемной, как всегда, сидел рыжий Акакий Степанович Крыжов, грубый и неаккуратный.

— Что пришел, сопля! — рывкнул он сердито, — не видишь разве, рано еще!

Вот ведь рыжий, — недовольно подумал Макурин, — узнал ведь меня, а все одно ерепенится, попробует поддеть. Вот он его сейчас!

— Коллежский регистратор Крыжов, Акакий Степанович! Почему шумим, скотина такая дуборосая? Поросят воспитываешь?

Чиновник на такой тон не обиделся, даже обрадовался.

— Так что сделаешь, Андрей Георгиевич, — уже приветливо, по свойски, пожаловался он, — не поругаешься, так ведь и не подчинятся. Сословия они, может быть, и благородного, но по молодости лет, хамы и ведут себя грубо и шумно.

Макурин вспомнил о стычке у входа и согласился с Крыжовым. Тот хоть и рыжая бестолочь, а в данном случае прав. Пусть ты сто раз будь благороден, а если не воспитаешься, так хамом и вырастешь и по морде станешь получать.

Но в слух поддерживать чиновника не стал. Не того тот чина, чтобы свое мнение иметь да еще окружающим навязывать.

— Его высокопревосходительство не изволили прийти? — демонстративно подобострастно поинтересовался он. При чем так подобострастно, что чувствовалось — он тоже им может когда-нибудь быть.

Чиновник, вопреки мнению Макурина, был отнюдь не дурак. Он быстро мазнул на него взглядом, как бы мысленно взвесив, может или нет. Согласился, что может и соответственным тоном сказал:

— Их высокопревосходительство еще не соизволили прийти, но остальные-с члены Комиссии уже здесь. Изволят бумаги проверять, выверять мнения о недорослях. А вы пока подождите здесь, на стуле подождите. А придет срок, так и придете в другую приемную. Благо, Роман Михайлович сказал-с, вы в середине очереди пойдете? — осторожно намекнул он на несвоевременность прихода посетителя.

— Да, — свободно согласился Андрей Георгиевич, — в середине. Сам попросился на днях у Романа Михайловича.

— Вот хорошо, — обрадовался Крыжов, — так что посидите.

Внезапно он насторожился, вытянулся у своего стола. И, видимо, вовремя, поскольку от двери послышался громкий уверенный голос:

— Его высокопревосходительство, председатель Комиссии, генерал-лейтенант гвардии Семен Семенович Подшивалов пришли!

Четкий печатный шаг показывал, что действительно где-то кто-то пришел и, наверное неподалеку. «Однако же, — удивился попаданец, — неужели немолодой генерал так печатает шаг? Неудобно же!»

Крыжов согнулся в подобострастном поклоне и Макурин тоже поспешил подняться. Как-то по-скотски так вести себя, но ведь совсем другая эпоха! Все так себя ведут, а ты, если не хочешь, то пошел в ХХI век! Печатающий шаг генерал, ха!

Увы, но какой бы ты умный и проженно-опытный не был, но историческую эпоху надо все-таки знать. Иначе она будет постоянно тебя обманывать, ехидно скалясь. В приемную, или, точнее, в первую приемную, вошел, четко печатая шаг... унтер-офицер.

Андрей Георгиевич выглядел бы совсем дураком, но он вовремя подметил, что рыжий чиновник введет себя более сдержанно, чем надо бы при приветствии генерала. Он поклонился, но не подобострастно, словно входящий был чином выше, но ничем его задеть не мог. И поэтому сам поклонился по-дворянски — вежливо, элегантно, но по своему не сильно, словно оберегая свое достоинство.

Унтер-офицер, увидев новых людей и сразу же отметив их уровень, громко заявил:

— Его высокопревосходительство, председатель Комиссии, генерал-лейтенант гвардии Семен Семенович Подшивалов изволили прибыть!

И сразу прошел дальше, пока люди приходят в себя. Подчиненных генерала в здании много, как и комнат, а встретившиеся здесь классом невелики.

Ну он и громогласен, как протодиакон в церкви! Трудно сказать, как Крыжов, но попаданец точно был оглушен и обеспамятен, словно его пыльным мешком по голове треснули. А в мешке этом были завернуты в тряпье кирпичи. Не больно физически, но оглушен здорово.

Следом за глашатаем в звании унтер-офицера за некотором времени прошел и сам генерал-лейтенант гвардии С.С. Подшивалов. Ровно на таком расстоянии, чтобы его высокопревосходительству было не обидно, но так, чтобы не отстать от глашатая.

Акакий Степанович Крыжов своей задницей в чине коллежского регистратора все это понимал и принимал и поэтому все еще стоял у своего стола. А при появлении его высокопревосходительства глубоко поклонился. Даже Андрей Георгиевич Макурин, штатская штафирка, практически ничего не знающий в чиновничьих обычаях XIX века, и тот прекрасно понял, что чиновник искренне и со всей души приветствует своего начальника и его особенно радуется, что он военный. И не просто военный, а гвардеец в чине генерал-лейтенанта. И все это сделано в одном поклоне, в одной подобострастной спине, без слов и мимикой лица. Вот вам и коллежский регистратор, XIV класс! Virtuoz на скрипке бюрократии! Берлиоз чиновничества! Андрею Георгиевичу до него еще ползти да ползти по служебной лестнице! Видимо от такой досады попаданец сумел очень сдержанно, но весьма элегантно поклонился. И так, что на Крыжова генерал только немного взглянул, а вот к дворянину обернулся и даже, взяв его за подбородок, поднял голову. Оглянул его одним взором. Недоросль ему понравился. Недорогая, но хорошая материя, сдержанный цвет, при этом по последней моде, без грязи и неряшества. И как поклонился, настоящий столбовой дворянин, понимающий, что он чином весьма низок, но благороден породой! А лицом явно молод и неопытен. Ишь, как покраснел, как девица заалела ланитами. Из него бы вышел гвардейский корнет, или, хотя бы, чиновник императорской канцелярии! В слух, однако Подшивалов, ничего не сказал, только буркнул и прошел мимо. Туда, где громогласно раздавался речитатив его порученца. Попаданец, по неопытности, так ничего и не поняв, недоуменно посмотрел на генеральскую спину. Мол, что за это стихийное бедствие? Но Крыжов, еще раз поклонившись в спину, и, уже не так низко, шедшему позади солдату, а, вернее, генеральской шинели на его руках, горячо поздравил молодому дворянину — Вы очень понравились его высокопревосходительству, очень рад за вас. Теперь не удивлюсь, если вы окажитесь делопроизводителем на каком-нибудь теплом месте! Смею надеяться, сразу станете кабинетским регистратором, а то и губернским секретарем! А потом, к рождеству, и орденка капнет на грудь! — Бережно одернул сюртук недоросля: — Какая, однако, материя! Вроде бы и не дорогая, а чины и награды так и рвутся на него! Спасибо, о господи, что увидел вас в начале карьерного пути. Опосля к вам и не подойдешь, таким чинами обростешь! Попаданцу, конечно, были приятны слова опытного чиновника, однако, он был в полном недоумении и только неслышно проговорил о прошедшем генерале — Странно, но я не видел в поведении его высокопревосходительства ничего такого. Постоял молча, буркнул и прошел мимо. Как бы и не рад я был ему. — О-о-о, вот именно! — воскликнул Акакий Степанович, — вот и вы увидели, только по молодости и неопытности

не обратили внимания. Его высокопревосходительство по своему высокому положению, только лишь посмотрел на пару минут. Вдумайтесь. Генерал-лейтенант гвардии, сановный чиновник II класса, обратил на вас внимание! Радуйтесь, молодой человек, без чина, без звания, будучи всего лишь провинциальным дворянином, вы смогли обратить такого человека! Крыжов в доказательство своих слов поднял высоко руку. Андрей Георгиевич в недоумении посмотрел на нее, обратил на чернильное пятно на указательном пальце, и подумал, что нечто в словах чиновника, похоже, есть. Чтобы генерал-лейтенант остановился почти у новобранца, пусть и благородного и не сделал замечания? Даже похвалил, если это можно так принять касание руки лица. Кажется, карьера началась, а, ваше благородие?

Глава 8 В Комиссии Встреча с его высокопревосходительством в приемной, однако, как бы она не выглядела оптимистичной, еще ни к ничему не приводила. По мановению руки Крыжова стоявшие у входа молодые дворяне, которых к этому времени стало много, аж почти несколько дюжин, заполнили всю приемную. Перед этим чиновник их строго предупредил, что б не шумели и не озорничали, вам тут Присутствие, а не у маменьки на кухне. Акакий Степанович Крыжов был солиден, строг и убедителен. Посетители, и без того подавленные обстановкой и председателем Комиссии, стали тихими паиньками, в приемной у Крыжова не шумели, а уж подходя в приемную к Комиссии, были почти бесшумными. Попаданец не сомневался — у Романа Михайловича Смирнова и у неуловимого, но ужасного Дрыгало они перепугаются еще более и на заседание Комиссии придут аллес гут — робкими подростками, боящимися любого слова. Сам он Комиссии не боялся, но никуда не торопился. Ему никуда спешить, раз он оказался в середине очереди! Беспокоятся, что его обойдут или он сам нечаянно пропустит, не стоило. Акакий Крыжов с полученным от губернского секретаря Смирнова списка был накоротке. И уйти ко второй приемной можно было только по пути список — Крыжов — громкая фамилия счастливчика. В час, когда пришла очередь Андрея Георгиевича день перевалил за полдень. Хотя он и не страдал, следил за собратями-по-несчастью, отмечал положительные и отрицательные стороны очереди XIX века. Курили немногие, курить еще и не разрешалось, и общество не приучалось. Из полусотни дворян покурить бегали максимум два — три. И попаданец заметил, что Комиссия ими не очень-то и занималась. Курильщики ставились в очередь первыми и считались чуть ли не за вольнодумцы. Комиссия все это четко учитывала. Впрочем, остальным везло немного. Ну, как «везло». Дворянами их все же засчитывали, даже сугубо крестьянского вида и без должных бумаг. Пошущукавшись со соседями, Андрей Георгиевич быстро понял причину — все они были просеяны уже в губерниях и в столицу приехали лишь с положительными выводами. А здесь, скорее всего, Комиссии дано указание — всех пропускать! Все равно «относительных дворян» всех выпихивали в армию, а там воспитают! Но наконец пришла очередь и попаданца. Крыжов «по знакомству» голосом сразу выделил — это важный посетитель, не то что остальная серость. Андрей Георгиевич благодарно кивнул, хотя и понимал, что не он решает его судьбу. Ну хотя бы так. В Комиссии ведь тоже слышали! В собственно приемной Комиссии было тихо, но уж очень казено. Чувствовалось, рядом сидят большие чиновники, которые решают судьбы многих людей. Даже местные служители — Роман Михайлович Смирнов и, наконец, Сергей Трофимович Дрыгало вели себя уж очень тихо. Единственно, попаданцу было интересно смотреть на Дрыгало. Вот уж действительно грозный, а точнее скучно-унылый, аж челюсти сводили. А потом Андрея Георгиевич и отсюда попросили — на заседание Комиссии. Как говорится, кушать подано, господа, можете жрать! Попаданец твердо встал, показывая, что он готов, по военному отдернул сюртук и, печатая шаг, прошел в комнату заседаний. И уж там посматривал на чиновников. В этом помещении главное место занимал председатель Комиссии его высокопревосходительство С.С. Подшивалов. По важному виду, по небрежной манере общаться сразу стало ясно, кто здесь по-настоящему решал судьбу посетителей. И Андрей Георгиевич, присмотревшись, понял, что да, председатель здесь был первым номером. А остальные, все чиновничья мелюзга, далеко не равнялись с генерал-лейтенантом

гвардии. И они это понимали — и посетители и рядовые члены комиссии, все как одни, титулярные советники и коллежские асессоры без перспектив для дальнейшего роста. Ну может, среди штатских один был действительный статский советник. А во главе них сразу был генерал-лейтенант гвардии! Попаданец бился бы за спор, что Подшивалов наверняка обиделся за такое назначение. Ведь имеющийся класс никак не соответствует должности. Если бы не нюанс — на такие должности назначает сам император Николай I. И раз тот назначил, значит, соответствует. Или ты хочешь бунтовать против царя? Против монарха не попрешь. Благо тот еще сказал несколько личных словесных похвал, типа, кто как не ты, любезный, на это только может гвардеец, я лично благодарю и т. д. Но вдалеке от императора слабость его должности все же была видна и Подшивалов явно гневался. Андрей Георгиевич несколько озаботился. Попадешь еще невзначай под раздачу генеральской рукой. Вот ведь августейший монарх Николай I! Он-то, не подумав, назначил, а ему теперь разгребай! Не глядя на остальных — на фига штатских! — означенный недоросль смело вошел, четкой поступью прошел и четко отдал честь головой. Подшивалов, как бы не был сердит и недоволен, но манеры молодого человека его прельстили. — Ишь, как стоит, паршивец! — оценил он почти хвалебно, — а как прошел! Ведь просто подтверждает, что военный! — Где служил, корнет, в каком полку? — спросил, словно похвалил генерал-лейтенант гвардии. — Виноват, ваше высокопревосходительство! — звучно, как на плацу, ответил молодец, — по молодости лет и по слабости здоровья не служил. — М-гм! — хмыкнул генерал, еще раз оглянул на молодого посетителя. Не врет, каналья, и по возрасту и по слабости здоровья. А жаль, хороший был бы офицер даже в гвардии, — кто учил, не знаю? Армия в первой половине XIX века была сравнительно небольшой — несколько сот тысяч человек. А уж дворян — офицеров и тем более мало. Служа всю жизнь, чуть ли не с детства и уж точно не с молодости до пожилых лет, они знали практически всех. Вот Подшивалов и спросил, понимая, что если не знает, то хотя бы слышал. И ведь никак не ошибся! — Покойный мой отец поручик от инфантерии в отставке, а потом помещик Тверской губернии Георгий Макурин! — отрапортовал молодой человек. Фамилия эта была Подшивалову очень знакома по военной молодости. Эх, сколько верст проскакали они вместе, сколько боев вместе прошли! Жаль, что умер, конечно, немного прожил. — Где упокоен? — уже тише спросил генерал о скорбном. Вот как встретились! — На сельском погосте своего поместья. Сам копал. Там и матушка, и братья, и сестра, — ответил Андрей Георгиевич, придав голосу скорбный тон, — всех холера упокоила, одного меня Господь спас. — М-да, — перекрестился Подшивалов медленно, отдавая дань умершему, — хороший был человек и храбрый офицер, упокой Господь его душу. Уже другим тоном, более спокойным, сказал — С батюшкой твоим мы много повоевали с французом. И он меня спасал, и я его из передряг вытаскивал. Настоящая дружба была мужская! — Да, батюшка мой не раз сказывал. Только о том, что вас, ваше высокопревосходительство, он спасал, он не говорил. А вот то, что вы его спасали и в рукопашной схватке и на скором конном галопе постоянно упоминал. Если бы не вы, то и я бы не был на этом свете! Это он сейчас вовремя добавил, да еще со слезинкой в голосе. Вон как Подшивалов замер в воспоминаниях. Все это правда, хотя бы из памяти реципиента. Только ведь и правда бывает разная. От одной гордишься, от другой скорбью страдаешь. Вот этой доблестью наполняешься. Может, попробовать отдать, вроде бы самый раз! — Ваше высокопревосходительство, раз уж покойный мой батюшка не смог отдать презент, позвольте мне! — элегантно поклонился в просьбе младший Макурин. Семен Семенович Подшивалов даже закряхтел. То, что сын

старого друга дарит небольшой подарок в виде пистоля, претензий не вызывает. Но не на Комиссии же! Его императорское величество августейший Николай I и без того на днях громко ругался и бранил за вздоимство. Правда, без имени, что означало, он еще не готов кого-то разнести в пух и прах. А теперь, получается, он сам дает конкретное имя. — Нет, я пожалуй, того, не возьму. Оружие, конечно, не может быть взяткой, но всему свое место. А он все-таки настоящий честный российский военный! Хотя, разумеется... Старый генерал еще перемалывал торопливую и, надо сказать, довольно испуганную мысль, а Андрей Георгиевич уж доставал из сумки пистоль и кобуру с портупеей. От этого думы председателя Комиссии быстро изменились. Пистоль был явно не новый, даже на первый взгляд было ясно, что им не раз использовались. Но хозяин его был аккуратист и настоящий военный, постоянно чистил и смазывал свое оружие, не давая ему покрываться слоем порохового нагара и оружейной грязи. Именно поэтому он все равно оставался элегантным и даже изящным. Разве ж это взятка? Конечно, в женские руки, кхе-кхе, его лучше не давать, но в мужские руки, привыкшие к оружию, пистоль просто просился. Вот ведь прощельга, как сумел его ловко подцепить! Подшивалов нехотя протянул руку и пистоль легко лег в нее, словно и не раз и не два оказывался в генеральских конечностях. Ах как он прелестен и грозен! И золотой узор на нем не только красив, но и беспощадно прекрасен. Нет, я не удержусь и выстрелю! — Так, где тут можно попробовать выстрелить, — генерал беспокорно оглядывал обстановку комнаты. Уже не страх перед монархом и некоторое трудовое беспокойство перед заботами Комиссии трогали его. Его, старого вояку, через которого прошло много оружия, тянуло попробовать только что принесенный ему пистоль. И даже члены комиссии, штатские штафирки, до того ни разу не бравшие в руки оружие, даже они не выдержали перед чаяниями генерала. Ну, или они не решались встать перед ним, понимая, что это военный и перед ним оружие. — Вот-с, ваше высокопревосходительство Семен Семенович, пожалуйста! — один из солидных и, надо сказать, уже старых чиновников Комиссии самолично взял награжденный сосуд, то ли большую кружку, то ли что еще фарфоровое и хрупкое, и поставил на невысокий шкаф. — Ох-м! — Генерала уже ничто бы не удержало, даже неприличные слова монарха. Он нетерпеливыми руками насыпал порцию пороха, вложил пулю в дуло пистоль, прицелился и выстрелил. Б-бах! — относительно негромко, но грозно выстрелило оружие. Пуля пистоля, хоть и не столь большая и тяжелая, но все равно разнесла фарфор. Драгоценная безделушка больше не существовала. Подшивалова, однако, это совершенно не беспокоило. — Хороший пистоль, спасибо, Андрей Георгиевич, за него, — поблагодарил он Макурина, уже деловито уточнил: — бумаги какие фамильные есть в наличии? Бумаг у попаданца не было, ни XIX века, ни, естественно, XXI. Это было так очевидно, что он только молча покачал головой. — Ничего, — поощрил он молодого дворянина, — я так хорошо знал своего батюшку, и ты так на него похож, что я сам буду твоим поручителем. Господа! Перед нами столбовой дворянин из Тверской губернии Андрей Георгиевич Макурин, чем я могу лично поручиться! Есть ко мне какие вопросы? И Семен Семенович Подшивалов хитро улыбнулся. Он понимал, что никто из членов комиссии не решится выступить с возражениями. Помолчав для виду пару минут, он продолжил — Если нет непременных вопросов, то, Никита Митрофанович, оформите нужные официальные бумаги о потомственном дворянстве этого молодого человека, я немедля их подпишу. Один из членов Комиссии по военному дисциплинированно кинул — Слушаюсь, ваше высокопревосходительство, непременно тотчас же оформлю как надо! — Так, — Подшивалов почему-то помедлил, задумался.

Андрей Георгиевич лишь понадеялся, что тот не собирается загнать его в отдаленный полк. Наконец, генерал решил: — этого благородного дворянина я, пожалуй, возьму к себе, в министерство. Уж слишком мало нас, столбовых дворян, среди чиновников. Пока, Андрей Георгиевич, послужите делопроизводителем, в чине коллежского регистратора, а там, покажите себя, пойдете дальше. Попаданец прочувственно покачал головой, благодаря благодетеля, а теперь и еще его начальства, про себя, однако, подумав, что с одной стороны, его пожалели, не оставили расти с обычного писаря, что ему точно бы грозило, учитывая, что он не имел высшего и даже среднего образования. Однако, с другой стороны, Подшивалов не так к нему добр. Ведь делопроизводитель, как не говори, тот же писарь, лишь немного выше. Да и класс у него самый низший, XIV. Проанализировав так, он, правда, не учел одного — генерал по гвардейской привычке заговорил с ним на ТЫ, что уже означало некоторое благоволение к посетителю. Но подчиненные увидели и сделали соответствующие выводы. — Ваше высокопревосходительство! — возразил чиновник, сравнительно молодой, но довольно лысоватый, — сей молодой человек, за короткий срок пребывания в столице успел окончить школу Кудрявцева. И Василий Герасимович дал ему прекрасную характеристику. А также представил образец письменной работы. Прекрасный образец. Вот! — он передал Подшивалову несколько бумаг. — Хм, — издал генерал неопределенный звук, который, скорее, говорил о его негативном отношении о Макурине. Но бумаги он взял и Андрей Георгиевич с высоты своего роста увидел, что одна из них была с его диктантом. Именно с нее Подшивалов и начал читать. Разумеется, генерал-лейтенант гвардии не интересовался красотой великорусской природы, изложенной в диктанте. А вот красотой текста и каллиграфией он даже поразился, удивленно посмотрев на посетителя. Такой почерк должен быть у опытного чиновника, казуистика и крючкотвора, а не у новика бюрократии. — Родители мои с детских лет учили письменности, считая, что представитель благородного сословия тем и отличается от простонародья, как прекрасной грамотностью и образованностью, — решил подать звук Андрей Георгиевич для изъяснения своего положения, — да и в Санкт-Петербурге я попал в очень хорошую школу, наставники там отшлифовали имеющийся почерк. — Ну у Василия можно, — неопределенно сказал Подшивалов, то ли ругая, то ли умеренно хваля директора школы. Однако после диктанта уже взял характеристику, которую, похоже, в противном случае вообще хотел проигнорировать. Бегло посмотрел текст, потом, заинтересовавшись, прочитал повнимательнее, задумался. — В министерстве моем, — сказал он в воздух, — много умных деловитых чиновников, хороших администраторов. А вот писать хорошо, с красивым каллиграфическим почерком, к несчастью, не умеют. И даже считают, что им это никак ненадобно. А вот редкий пример иного подхода, и мне это очень нравится. Андрей Георгиевич, — обратился он к попаданцу, — в виде исключения я произвожу вас сразу в кабинетные регистраторы. И настоятельно прошу, даже приказываю учиться в гимназию и дальше в университете. Возраст вам еще позволяет, а государь очень благоволит таким чиновникам — благородным, умным, прекрасно пишущим и образованным. — Ваше высокопревосходительство, чрезмерно вам благодарен за такие советы и за чин в вашем министерстве, — ответил Макурин, поскольку в этом месте не сказать уже было нельзя. Подшивалов на это одобрительно кивнул — вежливый растет молодой человек, понимающий, — добавил: — я поставлю тебя делопроизводителем у моего как бы личного столоначальника Арсения Федоровича, — кивнул он на лысоватого чиновника, — через него будешь выполнять и мои поручения. Понял ли глубину моего благоволения? —

вопросительно посмотрел он на попаданца. Попаданец, естественно, всех тонкостей не понял — все-таки он был аборигеном другой исторической эпохи — но рассыпался в любезностях. Понимал, что генерал Подшивалов был не той личностью, на которой целесообразно производить психологические опыты. Его же высокопревосходительство такой реакцией посетителя Комиссии очень был доволен. Бюрократический нюх опытного прошлого военного, а потом чиновника показывал, что он поймал хороший образчик для министерства, чем император Николай I будет весьма удовлетворен. И если правильно разыграть карточный банчок на троих — августейший монарх, он, генерал-лейтенант гвардии и этот молодой человек, то выиграют все три игрока. И Подшивалова не очень-то беспокоила такая ситуация, что на одной ломберном столике оказывались уж совсем разных человека. Пусть в конце концов по этому поводу дрожит от радости ли или от ужаса самый слабый из троицы. Да и играли они в карточную игру лишь в его голове. Нет, его несколько волновала реакция молодого дворянина. Да, он был весьма если не образован, то грамотен, приятно воспитан отцом Георгием Степановичем. Карты так сказать были поданы отличные, но как они сыграют, или, точнее, как он сыграет, молодой чиновник Андрей Георгиевич. От этого ведь расположится, прежде всего, его собственная судьба. И он даже посмотрел на молодого Макурина, немного презрительно поджав губы. Что, разумеется, отнюдь не означала никакой особенной реакции, тем более негативной. Даже наоборот, старый генерал дал хорошего пинка молодому человеку. А вот как он полетит и, тем более, как поместится на министерском паркете, это будет только его движение!

Глава 9 Чиновник начинается с вицмундира

Только не надо считать его железным. Андрея Георгиевича отпустила ответная нервная реакция, только когда он вышел из здания. Собственно, Комиссия ему была больше не нужна. Все распоряжения Подшивалова и рангом ниже ее членов были даны, оформлены в официальные бумаги. Вошел сюда провинциальный дворянский недоросль, без чина, без должности и, соответственно, без влияния и денег. Вышел же делопроизводитель министерства государственных имуществ кабинетный регистратор Макурин. Чиновник это звучит гордо! Почти как человек!

Конечно, денег он от этого получил немного, как и влияния, должность и класс были крайне небольшие. Зато он крепко встал на величественную карьеру государственной лестницы. И пусть находясь пока на самом низу, но перспектива была явно видна. А это самое главное.

Непосредственный начальник его столоначальник одного министерства действительный статский чиновник Арсений Федорович Кологривов дал ему на сегодняшний день необходимые распоряжения, Министр же Семен Семенович Подшивалов обозначил нужные рамки. И, значит, от него пока ничего не зависело. Банальная ситуация XIX века, когда решать могли очень немногие — на службе одни лишь превосходительства или даже высокопревосходительства, а дома только муж и кормилец. Остальные же не могли делать ничего или почти ничего. Вариант был такой — строго выполнять решения или приказы.

В демократическом XXI веке, где даже коровам и котам пытаются дать широкие (или псевдоширокие) права, такое положение, кроме как возмущения столпов демократизма, вызвать не могло. И, поскольку, как-то изменить прошлое они уже не могли, то пропечатали эту эпоху, как темное время, век глупого крепостничества и затхлого, косного феодализма.

А вот Андрея Георгиевича, как это ни странно, но такая ситуация даже забавляла и уж тем более устраивала. Не мучиться в решении, не устраивать варианты возможного пути, а, в случае неудачи, нецензурно ругать себя. Здесь все проще — бездумно выполнять приказы сверху, и, если не нравится, материть про себя, но не бархатного, милого Я, а черствое начальство. И времени уходит много, и нервы можно сберечь.

Постояв около здания Комиссии и успокоив нежную нервную систему, попаданец, наконец, успокоился и решил прогуляться. Благо, появился блестящий повод. Он ведь стал чиновник. А эта должность даже в XXI веке ведомо, так же как и театр, начинается в форменной одежде. Ему надо купить вицмундир, шинель и фуражку. Из обуви он, уже присмотрев, решил купить башмаки.

Вот тут и оказалось приятная часть маленькой должности и класса. Как известно, в средневековье в целом и в XIX веке в частности, все наряды разделялись на повседневные и парадные. При чем разделялись они значительно, так что и носить парадные мундиры и вицмундиры в повседневной жизни, так же как и обычные наряды при парадах и на балах и не предполагалось и даже запрещалось.

Тут и получают нюансы. Это в раскрашенных старинных гравюрах военные и штатские выглядели импозантно, красиво, бодро. А в реальности оказывалось дорого, очень неудобно и по-просту тяжело. И если крупным чиновникам, верхушке столичного света все это было объяснимо, там постоянно требовалось быть при парадах и балах, или, хотя бы, на

повседневном императорском дворе, то мелким чиновникам, кроме как дуростью, это назвать уже не оказывалось.

И столоначальник молодого Макурина практически при министре и генерал-лейтенанте гвардии Подшивалове рекомендовал, можно сказать приказал своему чиновнику особое внимание обращать повседневному вицмундиру, а парадный наряд закупить при случае.

Оказавшись перед ситуацией приказа, Андрей Георгиевич, разумеется, предпочел экономить. Тем более, хотя его высокопревосходительство министр Семен Семенович Подшивалов, который, вроде бы, и не прислушался к разговору, но вдруг «посоветовал» иметь хотя бы элементы парадного вицмундира. То есть, сам парадный мундир можно и не покупать, а просто так, принарядится. Мало ли что надо будет побывать на на глазах высокого начальства.

Министр даже не попаданцу, а его столоначальнику пояснил, что его новый подчиненный, молодой дворянин, красивый внешне и образованный воспитанием, имеет очень большие возможности попасть на глаза монарху. И если тот захочет увидеть кого-нибудь из рядовых чиновников ведомства, а у нынешнего государя нередко бывает такое желание, то он, министр, прежде всего, покажет Макурина. И они — и Макурин, и его столоначальник — должны быть к этому готовы как внешне, так и внутренне.

Попаданец был далеко не глуп, хе-хе. Сам в XXI веке показывал прежде всего молодого да пригожего, умного подчиненного. Теперь вот сам окажется на такой роли Попки — дурака. Хотел бы он сам? Конечно! Ведь самому бездарному понятно — рядом с начальством хоть и тяжеловато, но почетно. И первыми получают ордена и деньги любимцы генералов, а, тем более, императоров. Они, правда, еще первыми получают могильные кресты, но это при большой войне. При Николае I ведь не было такой войны, чтобы даже штатских служителей посылали на поле боя?

И вот он пошел на улицах столицы с первоочередной целью купить не очень дорогой, но хороший повседневный вицмундир с элементами парадного мундира. Типа там позолоченные пуговицы, позументы, разные накладные элементы.

Деньги на служебные наряды ему еще не выдавали. Пока он появится в списках министерства, пока министр распорядится в приказе. Да и финансисты не поторопятся. Как предполагал Андрей Георгиевич, на руки ему искомые деньги выдадут не раньше рождества, когда он уже почти сносит первый мундир. Вот ведь ерунда какая. К счастью, финансисты были отнюдь не дураки. Как раз для этого случая для особо неимущих дворянских сирот выдавали различные вспомоществование. Самое главное, надо было исхитриться попасть в этот список. Впрочем, это было уж дело прошлое. С помощью губернского секретаря Смирнова и двух красненьких недоросль Макурин был чуть ли не первым в этом списке. И в тот же день после посещения заседания Комиссии, ему выдали обещанные сто рублей ассигнациями. При чем даже не намекали, лишь раз сказали получить служебный мундир. Дальше сам поймет! Если дурак — проест и пропьет, умный — купит вицмундир. Андрей Георгиевич дураком себя не считал. Многозначащих слов Арсения Федоровича Кологривова ему было достаточно. Ведь так, что за ты чиновник без соответствующего казенного мундира?

В первой же лавке купил все нужное при помощи тороватого приказчика. Ему подогнали по размеру, тут же подшили, что необходимо. Из лавки он выходил, как и положено, в вицмундире и шинели, а специальный «человек из лавки» шел за ним и нес его штатскую одежду.

На квартире Авдотьи ни сама хозяйка, ни ее молодая родственница постояльца в новой одежде не узнали. Правда, Андрей Георгиевич все же подозревал, что женщины ему слегка подыгрывали, все-таки актрисами они были слабыми и фальшь в них то и дело прорывалась. Но попаданец им благоволил, благо они между прочим еще и проработали иголками, более тонко прошив одежду и прогладив ее утюгом.

Так что он с чистым сердцем послал Полину в ближайшую продуктовую лавку за угощением. Ведь по большому счету он обязан был проставиться. Карьерный рост, удачная покупка, наконец, скорый съезд требовали от искомой личности оставить немного денег у местных торговцев. Очень мало, если соединить имеющиеся у попаданца средства и цены в торговой сети. Да и продуктов Полина, привыкшая к бедности, едва прикупила на серебряных гривенника с пятак.

Пришлось ему самому пойти в оную продуктовую лавку и прибарахлиться на целый серебряный рубль, еле потом унес. Купил и мучное, и мясное с рыбным, и все остальное, включая небольшую бутылочку с наливкой. Между делом купил бумажные платки, очень уж им подошедшие.

Под эту наливочку да под рассказ Андрея Георгиевича о Комиссии они неплохо поели. Опасения попаданца, что они напьются и по-пьяне натворят такое, что потом будут трезвыми стесняться, не сбылись. Полине не давала пить Авдотья, в итоге она всего выпила несколько капель спиртного. Сама Авдотья выпила рюмки две, но по ней и не было видно. А Андрей Георгиевич за вечер выпил достаточно много, но под руководством хозяйки пил крохотными порциями и хорошо закусывал. Такое винопитие не позволило ему стать пьяным, как будучи в трактире.

На следующее утро, правда, голова у него болела прилично, но все же не дико. И попаданец совсем не понимал, зачем он потратился за наливку, лучше бы ветчины купил больше.

С Авдотьей он на всякий случай окончательно расплатился на случай отъезда, но штатскую одежду свою пока оставил. Мало ли что. Столоначальник ему накануне намекал о переезде на более приличном жилье, но Андрей Георгиевич до первого жалованья решил с прежнего жилья не съезжать. Деньги из щедрой подачи Господа еще были, но он решил не показывать свое богатство перед начальством. Да и потом, с учетом слабой инфляции даже бумажные деньги казались ему твердым капиталом. Ведь очередная финансовая реформа Канкринна будет еще лет аж через двадцать. С тем и ушел. При чем раньше, чем обычно. Оказывается, поговорка «Ученье свет, а не ученье чуть свет и на работу» повелась не в XX веке, а раньше. И, может, даже в XIX веке. Вот ведь не ахти!

Сначала ему даже взгрустнулось, идя в утренней темноте и холоде, но потом, по мере подхода к центру, становилось все светлее, а служебная шинелишка оказалась по осеней поре и по молодости теплой, так что грусть из души рассеялась. В министерство он даже пришел в оптимистической радости в будущей, как и полагалось молодому чиновнику в первый служебный день.

Впрочем, товарищи его по служебным местам сделали все, чтобы погрузиться в печальный пессимизм, но Андрей Георгиевич к этому был готов. По случаю работы представиться он согласился, но только с первого жалованья и с учетом его скромного объема. На практически требование работать больше всех, как молодой, он сразу ответил, что это дело начальства и если вы хотите его подменить, то так и скажите столоначальнику. Или поручите ему, а он уж доложит. На это, естественно, никто не решился и в их

служебном помещении (кабинете) стало тихо.

Вообще попаданец думал, что века будут разные, а люди разные, за исключением некоторой мелочной специфики. Скажем, вместо компьютеров окажутся гусиные перья с чернилами, а вместо электрического света будет свет естественный с дополнительной свечкой. Но служащие, как будут хамить младшим по должности и слабым по характеру в XXI веке, так и станут в прошлом времени.

Соответственно и он должен вести себя, как «младший по комнате», но дерзкий и твердый, хотя и не наглый. Он кабинетный регистратор, а не крепостной крестьянин, если что. Для начала же ему нужен стол и стул. Обычная мебель, но совершенно необходимая чиновнику, как станок рабочий или плуг для крестьянина. Однако как раз с мебелью Андрей Георгиевич разрешать проблему самостоятельно не решился. Единственный свободный стол стоял у стены и был окружен мебелью чиновников. Бог с ними! Пока он сел на один из стульев просителей и ждал начальника столоначальника действительного статского советника Арсения Федоровича Кологривова. Тот самый, который умный и лысый.

После бурной начальной стычки чиновники постепенно разговорились. В помещении их было пять (сейчас стало шесть) под непосредственным руководством столоначальника Арсения Федоровича Кологривова и старший из них пока был коллежский асессор. Имя и отчество начальства он произносил медленно и с уважением, а потом, после некоторой паузы преподносил чин — действительный статский советник. Остальные чиновники были классом гораздо ниже, при чем оказывались разными по служебной лестнице. При чем, Андрей Георгиевич, как кабинетный регистратор, был действительно младшим среди большинства чиновников. Но был, однако, нюанс. Кабинетных регистраторов было аж три, и столоначальник их не подразделял, то ли считая, что не барское это дело, то ли ему все равно. Зато эти «младшие товарищи» очень даже интересовались, кто из них старше, разумеется, каждый в свою пользу. Они как раз и были самые активные и даже драчливые

А вот чиновники классом старше был спокойнее и медлительнее. Так сказать, солиднее. От «молочных братьев» Андрей Георгиевич был легко отбил, поскольку у них ничего весомого не было. И планы, в сущности, очень примитивные — передать все бумажную работу новичку. Кологривов-то на это как посмотрит? Или в бессрочный отпуск уйдет? Ха!

С чиновниками постарше, как по классу, так и возрасту, попаданец держался вежливо и почтительно. И те, видя это, держались с ним, как минимум, нейтрально. А потом прибыл в департамент его превосходительство действительный статский советник Кологривов. Ну как прибыл, в министерство он, понятно, приехал на пролетке и, как бы, не на собственной.

Потом долго доходил до своего департамента, вроде бы через канцелярию министерства, говорил с заместителем министра, тоже его превосходительством, имя-отчества которого попаданец по молодости лет пока не знал. Наконец, пришел, сел за свой стол, стоящий в той же комнате, но по отдельности. В отличие от остальных от остальных столов чиновников, держащихся вместе.

Получилось, что в помещении мебель и соответственно чиновники создавали на две группы. И столоначальник не просто отделялся от остального коллектива, он противопоставлялся ему. И как бы Арсению Федоровичу было на это совершенно наплевать. Он один!

Попаданец был заинтересован. До сих пор в XIX веке аборигены кучковались по коллективам. Они были совершенно разными — по социальным аспектам, по имущественным, даже могли по половым или родственным связям, большим или совсем

малым, частным или государственным. Но главное — российское общество этого времени делилось не по отдельным личностям, а по коллективам. И там, внутри каждого коллектива, человек не разделялся по отдельности, а считался его частью. И самой важнейшей задачей любого коллектива было разместить отдельные персоны и защитить их внутри себя.

И тут вдруг эта отдельная личность как бы подразделялась от остального коллектива, руководит им и даже этим любит. Ух ты! Столоначальник активно руководит коллективом, а не движется внутри него. Все-таки вожаки есть всегда и в XIX веке тоже. Одному кабинетному регистратору Константину Алексеевичу Придорожному он поручил немедленно переписать новую инструкцию по делопроизводству, другому кабинетному регистратору Антону Васильевичу Ухватову дал задание сбегать в соседний департамент и узнать, как там она уже исполняется. Чиновники поневоле забегали.

Титулярным советникам Абраму Леонидовичу Скорохватову и Аркадию Гермогеновичу Щекину столоначальник предложил контролировать идущий процесс, коллежскому асессору Михаилу Николаевичу Демидову заменить временно его, пока он будет разбираться с накопившими с вчерашнего дня бумагами. То есть, как всегда, младшим по чинам конкретные большие дела, старшим чиновникам дела очень даже условные. Дальше Арсений Федорович замолчал. Попаданец уже решил, что с ним, как с новым чиновником, пока не будут разбираться, все-таки кабинетный регистратор не велика шишка.

Но столоначальник не только показал свою заинтересованность к новому человеку, но и поднялся из-за своего стола и привел к уже к отмеченному свободному рабочему месту. Попаданец не учел, что чиновник-то классом он не большой, но за него распорядился сам министр! И перед этим Арсений Федорович что-то пробурчал оказавшемуся рядом коллежскому асессору Демидову. Тот подскочил к двери в коридор и уже громко закричал, зовя дворника Камалова.

Оказывается столоначальник решил, что стол нового чиновника должен стоять не там, где раньше — у стены, но куда ближе к нему, и рабочую мебель должны поставить не свободные чиновники или хотя бы и сам Макурин, а именно дворник.

Видимо, молодой человек отдал на лице соответствующее удивление, поскольку Кологривов настоятельно подтвердил, что ему, столбовому дворянину, не стоит этим заниматься, на это есть обычный дворник. Учтите!

И несколько чиновников, некоторые очень здоровые и крепкие, стояли и ждали, пока небольшой, можно сказать, мелкий дворник подвинет на несколько метров (или где-то сажень) довольно-таки громоздкий стол, хотя вдвоем его переместить было и удобнее, и быстрее. Камалов был то ли татарин, то ли башкир, физически оказался крепок, но все же одному было трудновато.

А вот запасную чернильницу с чернилами поставил уже чиновник, но опять же один из самых младших по классу — кабинетный регистратор Антон Васильевич Ухватов, уже выполнивший задание столоначальника и без дела стоявшему рядом с ним.

Уж куда Андрей Георгиевич не был завистлив и грубоват, но и он с самым чуть ли не самым счастливым чувством смотрел, как этот хам и закавыка, пытавшему его подвинуть под причине меньшего опыта, вынужден теперь служить ему. Конечно, он очень этого не хотел и мимикой лица это показывал. Но приказу столоначальника противодействовать не посмел. Более того, когда Кологривов заметил на лице его неудовольствие и удивлено заметил это вслух, Ухватов сразу изменил свою физиономию с недовольной на радостную. Связываться с начальством он никак не хотел.

Арсений Федорович ухмыльнулся. Он все понимал и принимал такое положение. Только негромко попенял:

— Вы, господин Макурин, среди моих подчиненных единственный столбовой дворянин. Здесь только два человека имеют личное дворянство. Вы да еще я — вот все потомственные дворяне. Помните об этом и сохраняйте благородство, — и уже громко для всех заявил: — Господа чиновники, имейте в виду, Андрей Георгиевич из благородного рода, его отец в прошлом шотландский дворянин. И еще Александром Благословенным потомственное дворянство Мак Уриных — Макуриных было включено в Бархатную Книгу России. Учтите это!

Андрей Георгиевич, попаданец XXI века, как-то хотя и помнил про дворянство, считая реципиента (а, значит, косвенно и себя) благородным человеком, но все-таки не считал необходимым выделять свой род среди чиновников. Оказалось, что зря. Дворянин чиновник, а особенно дворянин древней благородной крови (а признанные благородные иностранцы по традиции к ним присоединились) всегда становился первых среди равных. Формально, конечно, в отличие от гвардии это не означало дополнительные классы чиновников, но тем не менее, начальство, включая императора Николая I, непреложно выделяло дворян среди чиновников.

Столоначальник Кологривов, характеризуя своих подчиненных перед министром всегда должен был смущенно молчать при вопросе о дворянстве. Он и сам-то условно столбовой, получив его по чину только при нынешнем императоре. Теперь же и у него есть потомственные дворяне благодаря его превосходительству Семену Семеновичу! А Андрей Георгиевич еще думал, что его выделяют по красивому почерку. Нет, почерк, естественно, но в первую очередь чиновник должен быть благородного происхождения!

— Милостивый государь Андрей Георгиевич, — торжественно провозгласил Кологривов, — с сего дня ваш стол будет всегда стоять около моего, слева, а при появлении августейшего монарха вы, как благородный человек, должны стоять подле меня!

Макурин, несколько смущенный, молча кивнул столоначальнику, мол, слушаюсь и повинуюсь. А потом, когда внимание всех чиновников было обращено к новой инструкции, незаметно скосил взгляд на своих товарищей.

К ему удивлению, никто не собирался возмущаться такому распоряжению. То есть некоторое недовольство, разумеется, было, но больше к конкретному положению нового чиновника и то не сильно. А вот к общему положению нет. Благородное дворянство всегда должно быть первым!

Ну что же, — глубокомысленно подумал попаданец, — в чужой монастырь не надо лезть со своим уставом. Тем более, это же мне и на пользу.

Однако же!

Глава 10. И вот она чиновничья работа! Первая официальная бумага

Что же, некрашенный стол — рабочее место чиновника. Дешевая стеклянная чернильница с не очень качественными чернилами XIX века, горка песка и промокашки для неряшливо пролитого чернильного пятна, гусиное перо, своего рода самописка этого времени, стальное перо с деревянным карандашом. Последнее не только его, но и в целом всей команды столоначальника и может братья любым с разрешения Кологривова. Принцип здесь один — если документ пишется в Зимний дворец, то обязательно со стальным пером.

Стопка писчей серой бумаги для черновиков, внутренней документации министерства и прочей второстепенной сферы. Очень небольшой белованой бумаги для написания к императору Николаю I и беловиков парадных документов. Ни умных компьютеров, ни деловитых принтеров!

Его новый начальник столоначальник Арсений Федорович Кологривов смело поместил его в ряды чиновников, в дальнейшем, однако, не торопился. Кажется, у него был четкий лозунг: медлительность и методичность. Лучше пять раз отмерять, чем один раз отмерять и так далее. Попаданцу уже несколько раз давали переписывать докладные записки под тщательным руководством коллежского асессора Михаила Николаевича Демидова. А перед этим так сказать старшие коллеги титулярные советники Абрам Леонидович Скорохватов и Аркадий Гермогенович Щекин пытались наладить почерк. Ну, как сели, там и слезли. Почерк у нового чиновника был отличный, каждая буква, как на подбор. С примерным прилежанием, как у хорошего ученика. Демидов подходил с более сложными задачами. Не только правописание и синтаксис, но и общие правила служебной лингвистики. Как писать заголовки различных документов, какие есть типовые обороты. Официальные стили, официально-личные и личные. Все это Андрей Георгиевич уже проходил в школе у Аннушки, у Анны Гавриловны. Но там была теория, а тут началась практика. С соответствующим письменным пинком от адресата в случае какой-либо ошибки.

А бумажки все учебные. Оставались все в помещении на правах исписанных черновиков. Все это Макурин прошел быстро и эффективно на удивление местных чиновников. Огромный опыт делопроизводства, путь другого толка в XXI веке, блиц-учеба в школе уже этого времени позволили ему через несколько недель оказаться знатоком служебного делопроизводства российского средневековья.

После этого коллежский асессор лично перешел к конечному периоду — знание конкретных адресатов — существующих официальных учреждений и в них важных чиновников. Назубок все это учить не было необходимости, главное, обучить практику. А все названия были на специальном шаблоне, лишь бы нечаянно не ошибся. Не дай бог ваше высокопревосходительство назовешь превосходительство, или Абрамович назовешь через О.

Вот тогда столоначальник получит энное количество щелчков по лбу, а авторы ошибок такое же количество, но уже шпицрутенов, если не дворяне, или выговор от министра, если благородный. При чем опытные чиновники еще говорят, что в первом случае менее хлопотно. Как правило, шпицрутенов бывает от силы пять — шесть и шрамы от них никто не видит, а выговоры от министра, особенно августейшие, остаются на всю жизнь и действуют очень негативно.

Написав несколько документов — не учебных, а практических канцелярских в другие ведомства, Андрей Георгиевич закончил учебу. При чем это не он так решил — сначала самолично приказал Демидов, потом столоначальник Кологривов и, наконец, министр Подшивалов.

В тот день его превосходительство самолично прибыл в их помещение и внимательно изучил только что написанный Макурин документ. Особого восторга тот не вызвал, как, впрочем, и больших замечаний, министр лишь молча кивнул столоначальнику, мол, можно и убыл.

Андрей Георгиевич почти даже обиделся на собственноручную бумагу, но соседские чиновники так все обалдели (если так можно говорить о чиновных людях VIII–XIII классов) Оказывается, чтобы да его высокопревосходительство само пришло к обычному чиновнику XIII класса! М-да, в общем, слона водили по улице, по иному и не скажешь. Галдеж был после министра, просто офигеть!

А потом началась обычная министерская работа, да такая заунывная и повседневная, что и Макурину стало казаться, что об нем все забыли. Он переписывал набело многочисленные черновики внутриведомственных документов, уже дважды получил скромное жалованье кабинетного регистратора. Приобрел холщевые налокотники, чтобы не залоснить рукава вицмундира об стол, заселился в новую квартиру, где основное «преимущество» заключалось в близости столоначальника. И в общем-то все, как ему казалось. И даже, как решало начальство в лице столоначальника действительного статского советника Кологривова.

Однако жизнь даже в XIX веке оказалось сложнее, чем думали самые опытные и вышестоящие чиновники. Однажды уже в ноябре, когда дождь давно уже все чаще сменялся снегом и улица встречалась даже не холодцем, а откровенном морозцем, Арсений Федорович, вернувшись из канцелярии министерства, с особенным чувством выматерился, что было с ним редко. И, честно говоря, сам Андрей Георгиевич видел это впервые. — На, возьми, — кинул он пакет на стол Макурину, — посмотри взглядом новичка. Может быть что-то и увидишь.

Андрей Георгиевич цепко посмотрел распечатанный пакет. Документ был от них (министерство государственных имуществ) в другое министерство (финансов). То есть из России он не вышел. Более того, не вышел он и за сферу казенных доходов. И министров он не касался, судя по обращению и подписи. Ни нашего, ни ихнего.

Грубо говоря, это было частное поручение от одного замминистра к другому. Дело лишь касалось ведомства — они были разные. Что же причин, по которому оно вернулось, то тут большим знатоком быть не значило — грязно и с ошибками. Всего-то. Но тонкость оказывалась такой, что причины эти были сугубо формальные, поскольку действительные наличествовали другие. Макурин вопросительно посмотрел на столоначальника. Дальше что? Ведь тот не зря отдал не принятое письмо. Не тот он пока еще должности и класса по сравнению с Кологривовым, чтобы столоначальник просто так показал неудачное послание. И он оказался был прав. Арсений Федорович вопреки обычаю не строго приказал, ласково попросил — Голубчик Андрей Георгиевич, я вас попрошу, перепишите этот документ и отправьте личным образом. Причины возврата никчемные, но, тем не менее, и на них надо отреагировать.

Подчиненный как бы был польщен. Как же, его превосходительство просит! Лишь только быстрый острый взгляд чиновника на начальника показал, что тот все понял и

попользоваться им втемную не удастся. Впрочем, и ладно. Спор шел о конкретных чиновниках и касался не государственных интересах, а личных. Один замминистра захотел лягнуть другого, поскольку тот уже давненько его как-то обидел. Молодой же человек был еще не только новым, но и мелким чиновников, чтобы кому-то было интересно конкретно его кусать.

Кологривов только негромко сказал, чтобы хоть как-то заинтересовывать одного чиновника — Если поручение будет полностью и вовремя выполнено, то с жалованием последует премия министра и его благодарность. Вы уж постарайтесь, голубчик, чтобы из министерства финансов больше не было причин для возврата. Иных проблем много.

Андрей Георгиевич с чувством поклонился, как бы благодарным за такое поручение и взялся за письменную работу. Труд, несмотря на важность, официально ценился не высоко, даже можно сказать низко. Подумаешь, одно его высокопревосходительство поссорилось с другим высокопревосходительством, император Всероссийский даже и не подумает хотя бы и поглядеть. Только мелкие подчиненные окажутся затронутыми. Да и то не все и не так сильно.

Попаданец взял гусяное перо, как положено в личном послании, написал заголовок: «Ваше высокопревосходительство, милостивый сударь мой!»

Ох уж эти мелочные ссоры невысоких чиновников, которые не так высоки, чтобы лезть на глазах правящему монарху, но все же не так низки и влиятельны, чтобы не затронуть целые министерства. В этом отношении, какой ни век, какая ни историческая эпоха, а все примеры ссор гоголевских помещиков приходятся. Как Иван Никифорович пнул Иван Ивановича, ха! Лишь только ты сам другое место занимаешь. И как-то так даже понимаешь, что чем ты более мелкий, тем более на фиг все это тебе нужно. Правда, непосредственно на начальника работать приходится больше. Макнул перо в чернильницу, постаравшись, чтобы не оставить чернильное пятнышко на лист бумаги. Кажется, по крайней мере, в министерстве он уже становится «за своего». Хотя бы работает над такими бумагами. Это важный шаг. Не оказавшись своим, не разобравшись в служебной кухне, не поднимаешься на карьерной лестнице. Но ты не особо радуйся. Это еще не особые секреты и не особый рост. Так, в сущности, бесполезные бумаги. Первый шаг. Ни с какими нужными секретами ни государства, ни, тем более, служебными тайнами отдельных чиновников ты еще познакомился. Единственно, что плюсик в этом положении — движение идет в нужном направлении. Ибо не узнав мелкие секретки, не достанешь больших.

А, значит, старайся, молодой человек, корпи над не своими не такими уж и большими тайнами.

Так, цидулку ты переписал и, кажется, ничего такого не обнаружил. Весь смак документа, если не считать некоторой грязи и ошибок, заключается в том, что наш замминистра попросил у чужого замминистра дополнительного ассигнования на премии к рождеству. Если бы не знать (Кологривов сказал) о давней обиде, вообще не поймешь, а от чего, собственно.

Почему эта просьба направлена к министерству финансов, понятно. Все денежные средства направлены только через каналы этого ведомства. И почему отказано, понятно тоже. Требование денег никогда не встречало радости. Да еще первопричина в обиде. Видимо, послание оказалось вполне законным, если в качестве причины отказа были всего лишь грязь и ошибки чиновника. Что же, на этот раз он написал как надо, комар носа не подточит.

Но перед этим надо было еще пройти внутреннюю ступень в виде стервозного столоначальника Арсения Федоровича. Он уже просто взял лист исписанной бумаги с таким видом, что стало ясно — будет злостно придраться.

Прочитал, издавая громкие звуки, сначала сердитые, потом удивленные. Поднял взгляд: — Однако же, Андрей Георгиевич, вы меня крайне поразили. Читая любой документ, сначала, как минимум, можешь придраться к чернильной грязи. Как чиновник не являлся аккуратным, все равно оставит два — три чернильных пятна. И потом, как не работаешь промокашкой или речным песком, все равно они буду видны.

Следующий недостаток — грамматические ошибки. Не так грамотны люди, как бы хотелось. И наконец, если уж пройдешь две предыдущие ступени, то на служебных оборотах чиновник точно сломается. То заголовок, то обращение, то заключение, все одно напишет с ошибкой.

Но ведь на сей момент никаких ошибок! Даже на мой очень даже субъективный взгляд, нацеленный на то, что бы придраться к тебе, милый мой, и вернуть дорабатывать, все хорошо. Так быть не может, милостивый сударь!

Столоначальник произнес эту тираду и буквально вонзил в Макурина подозрительный взгляд. То ли думает его подсесть, то ли министерство подкузмить. Вот уж недолга! Попаданец поднялся над столом и почтительно, хотя и гордо, поклонился — Ваше превосходительство, смею вас уверить, всегда так правильно пишу. И родители мои, потомственные дворяне, так же писали. Не извольте беспокоится. Вот что во время повернуть тему разговора! Арсений Федорович со слов молодого чиновника перешел от недостаток письма к достоинствам отдельных людей. Подумал немного, удовлетворенно сказал — Ваша мысль мне понятна. Кому как не нам, благородным людям, наиболее приятно писать. Однако же, общая картина оценок потомственных дворян вам далеко не удовлетворяет, да-с!

Надо сказать, что и Андрей Георгиевич сам себе не верил, ибо многолетний опыт XIX века всегда ему доказывал, что знание и умения вырастают не от сословия, а, максимум, от индивидуальных качеств каждого человека. А все остальное зависит от текущей работы человека. Будет он дотошно учиться с самого детства, станет умным и образованным. Нет, останется грубым и примитивным и даже Аз-Буки не напишет.

Но ведь не будешь сам себя опровергать! Вот поэтому он как бы состроил на лице грустную мину, — мол, знаю, что прав, но не хочу спорить с начальством. Ибо, субординация! Дисциплина!

Кологривов не был дурак, видел, что его подчиненный имеет свое мнение, отличное от начальника, но молчит, все понимает. Вежливый, воспитанный молодой человек!

Но помимо этого столоначальник, как человек образованный, попытался его образумить логическими доводами, четкими проверенными тезисами, из-за чего чиновник — потомственный дворянин поверит ему не только из потому, что он начальник, но и образованная личность. А то ведь и он из дворян, пусть и со стажем в несколько лет. — Ну, потомственные дворяне тоже могут быть весьма неграмотны, — начал он уверенно, — вот, например, господин... э-э-э... господин... Черт, не вежливо-то как. Сказал тезис весьма не проверенный и теперь не может его доказать. Что же, ему хоть фамилию одну сказать.

Потом подумал еще немножечко и уже спокойно удивился. А ведь не могут быть потомственные дворяне быть не образованными! На то оно и столбовые и отличатся от простонародья!

Надо сказать и Андрей Георгиевич пришел к такому же выводу, хотя и несколько позже и с несколькими исключениями, найденными, правда, в XX веке. Сам нашел убедительные доводы, почему именно так происходит. В семьях столбовых дворян, как правило, родители бывают все весьма образованные, даже бедные. Отец, даже мать, что для XIX века исключительно редко. И детей они проводят не ниже своего социального уровня. В средневековье это выделяется очень четко. Скажем, в XIX веке потомственных дворян ни за что не проводишь в крестьяне или кузнецов. Это же реноме! Нет, мужчин направляют в офицеры, дочерей исхитряются выдать замуж за дворян же. Вот и получается, что если столбовой дворянин, то обязательно образованный или, хотя бы прилично грамотный. Как-то так!

Подумали оба, помолчали. Кологривов назидательно проговорил, что, мол, потому и дворяне являются стержнем существующего государства и потом, круто свернув, стал рассуждать об имеющихся в министерстве бумагах на имя его императорского величества Николая I. И ушел.

А небольшую премию он все же выписал и уж прямо через несколько дней. Макурин сам слышал, как Демидов шушукался с Щекиным. Сплетня была столь горячая, что коллежский асессор стал с нею делиться, несмотря на присутствие самого объекта обсуждения. А может и не захотел прислушиваться к нему. Подумаешь, кабинетный регистратор! Андрей Георгиевич к этому относился спокойно. Он еще в XXI веке понял, что товарищи по работе, хоть женщины, хоть мужчины, такой конгломерат, что будут сплетничать о тебе (и не только тебе) всегда. Любой коллектив это, прежде всего, серпентарий. Будешь ты подниматься или опускаться, будешь ты сидеть, как мышь, все одно пойдут самые дикие слухи.

Тут самое главное, не правда это или вранье, а самому тебе хорошо или плохо. С этой стороны, пока все развивалось хорошо. Докладная замминистра Кудинова, написанная вторично и отправленная личным образом Макуриным, в министерстве финансов была принята. Как не ругался замминистра его превосходительство тайный советник Щегловитников, как не грозил издалика суровыми карами Кологривову, от которого направилась бумага, а все-таки докладную принял и через определенное количество дней отправил дальше наверх с положительной резолюцией.

Столоначальник Кологривов, кстати, об угрозах кар быстро узнал. Ведь Щегловитников ругался в кабинете без никого, то есть только со своими близкими подчиненными. А уж те быстро распустили слухи под одобрительное молчанье замминистра. А то что же, спрашивается, ругаться, если потом об этом никто не узнает. Не о начальстве же пошла сплетня, не об императоре-батюшке, а о простом столоначальнике.

Кологривов, по мнению Андрея Георгиевича, даже обрадовался. Это как бы выдали орден более высокой степени. Чиновник оказался в новом круге знакомых. Вот же оно!

Самого Макурина не потревожили. Никак. Хотя, по словам того же столоначальника, в министерстве его фамилию узнали, но самого не тронули. Чин, по-видимому, не очень велик. Вот ведь сволочи!

Хотя самому попаданцу грех было жаловаться. Благодаря этому документу он твердо вошел в ряды чиновников министерства государственного имущества и даже чуточку в другие. И, главное, непосредственное начальство увидело его деловые качества и они его понравились. Сам Арсений Федорович, взяв его за пуговицу вицмундира на груди, что означало высокую степень благорасположения, вынул его день ангела. Значит, будет

награждать. Кем и чем, интересно? Так сказать низшую степень награды ему уже дали. В день жалованья был обнародован список награждаемых толикой денег. Он там оказался и не с самой меньшей суммой.

Теперь, как поведали его товарищи кабинетными регистраторами Придорожным и Ухватовым, следовало ожидать орден в день общего награждения — в рождество или на пасху. Для его положения, по должности и чину, обычно дают Станислава 3-й степени или Анну 3-й. А там следовало ожидать очередной класс. Правда кабинетного регистратора (XII класс) он уже получил при вступлении в должность чиновника. Обычно-то новый чиновник без высшего образования получил коллежского регистратора (XIV класс), но это уж как его высокопревосходительство министр Семен Семенович Подшивалов соизволит.

— А? — только открыл попаданец, желая узнать о других орденах, как его тихо, но твердо перебили:

— В наших классах уже никак. Больше нельзя-с. Не положено и формально и неформально. Надо следующие классы по службе иметь.

Служебные же классы иметь можно было только при высоком покровителе, которого ты получишь при служебной заботе, — чиновники недвусмысленно смотрели на Макурина, который своей «заботой» сумел получить покровителя аж как бы министра. Хотя и это тоже в наши годы было ограничено. С определенного класса было необходимо только высшее образование. Даже нынешний августейший монарх не желает нарушать Положение своего брата Александра Благословенного.

М-да, начали, развеселились, закончили в слезах. Вот ведь каково! И он тоже озабочен. Базу-то Андрей Георгиевич создал. И в XIX веке оказался, и неплохим чиновником стал в столице, и прекрасный почерк приобрел. А все-таки здесь он почти никто. Представитель правящего класса, столбовой дворянин. Но только оказался он внизу. И даже представляемые награды на это показывают. Ордена Св. Анны и Св. Станислава низших степеней. Тьфу!

И что делать? Как раньше, работать с получаемыми бумагами и скромно козырять при случае положением молодого дворянина. Очень уж он здесь выглядит лучше среди кабинетных регистраторов и в первом случае, и, бывает, иногда во втором. И все. Чиновников классом выше лучше вообще не трогать. Они как мамонты в тундре. Затапчут и не заметит.

Красногвардейская атака красных на императорские устои XIX века оказалась неудачной. А ты, братец мой, как думал? Еще современным танком Т-90 атакуй древних мамонтов. История, брат, это очень объективный фактор. Если начнешь толкать ее легонечко, может и ускорится. Начнешь нахраписто продвигать, возьмет со зла, развернется и врежет по харе!

Так-то вот, милый!

Глава 11 Зима: служба и праздники

Как-то незаметно для попаданца в XIX веке прошел почти целый месяц. Дела у Андрея Георгиевича, можно сказать, шли. Как у прокурора, медленно, но шли. Благодаря прекрасному почерку и дворянскому происхождению он заметно выдвинулся среди чиновников. Так сказать первый среди равных.

Все бы хорошо, но чиновники эти были самыми низшими, кабинетными регистраторами. Хвастаться этим хотелось не очень. А когда другие чествуют, стыдно.

С прочими, даже титулярными советниками, он еще сравнится не мог. Кабинетные регистраторы теоретически были квалифицированными чиновниками, способными работать со всеми бумагами. В том числе ведомственными и важными. На практике же Кологривов, пользуясь положением столоначальника, приближенного к министру, XIV и XIII классы полностью отодвинул, фактически приравняв к существующей мелочи, типа дворника Камалова.

Придорожный и Ухватов, по сути, находились на положении мальчиков на посылках, принеси — подай, в остальное время побираясь сплетнями и слухами. Они и на Макурина-то набросились от безделья и ничегонеделания.

Всякие бумаги, даже самые простые, обставлялись такими препонами и такими оговорками, что их могли прорабатываться только чиновники X–VIII классов. И ведь ничего не сделаешь, это не XXI век, м-гм!

Что с этого имел столоначальник, трудно сказать, скорее всего, ничего хорошего. Наоборот, для господина начальника только плохое. Чиновников было весьма мало, и в тоже время оказывалось много бездельников. Титулярных советников и коллежского асессора построить было трудно, хотя столоначальник и это мог, пусть и с натяжкой. Но в целом работать приходилось по поговорке — не было у бабы проблем, купила баба поросю. Теперь мается.

Но все это было еще до Макурина. С ним же положение совсем стало подходить до абсурдного. Чиновник, имеющий почти идеальный почерк, отодвигался от прорабатываемых бумаг. И ведь говорить, что из безопасности, уже нельзя. Столбовой дворянин, стержень государства не может отодвигаться от служебных тайн. Нет допуска? Работайте с ним и будет!

Андрей Георгиевич поначалу не совсем понимал, почему Кологривов с ним то добр, то сердит. А потом допетрился — еще бы! Ведь он потомственный дворянин, подходящий до всех категорий чиновников. И документ из финансового ведомства, дрянная в общем-то бумага, им была блестяще сдвинута с места.

С другой стороны, именно из-за него пришлось проводить кардинальные изменения в подразделении, что в XIX веке очень не любили. И особенно при Николае I, который и реформы проводил таким образом, чтобы ничего не проводить, и подчиненных самих учил тому же самому.

Да-а, но работать-то Кологривову было надо, при этом эффектно, или, хотя бы, так, чтобы начальство не трогать. Ведь тот же его высокопревосходительство министр, прибыв из Зимнего дворца с очередного августейшего предупреждения о дурном письме министерских бумаг, не просто будет предупреждать, он наорет на тебя и останешься без премий, без орденов, без очередного чина.

И бумаги с дворянством медленно идут. Как теперь его высокопревосходительство попросить? После этого ничего такого, что «вдруг» на удивление всех чиновников хотя бы из их департамента, а потом и всего министерства, столоначальник Кологривов, жуткий консерватор и не любитель любых изменений, изменил структуру своего подразделения.

А именно, он подвинул всех чиновников, не очень способных, но имеющих соответствующие чины и поставил молодого чиновника, без стажа и без опыта. И подумаешь, что дворянин и что со способностями, но ведь еще XIII класса! Ведь так его превосходительство и писарька без класса пустит вперед. Это ж настоящая революция будет!

Такие вот и ходили слухи. Но Арсений Федорович стойко и твердо выставил Макурина на только что созданную должность делопроизводителя при столоначальнике. То есть он не всех кабинетных регистраторов подвинул, это уж действительно будет революция, а только одного и на особую должность по причине его превосходительству известной. Во как! И нечего свой любопытный шнобель сюда совать, а то тяжелой дверью как двину! Кровью потом обольетесь!

Попаданец же Андрей Георгиевич просто разложил кипу своих служебных бумаг. Кто как, а ему этот вариант развития событий, прежде всего, обещал много кропотливой и нудной работой. Нельзя сказать, что тяжелой и неприятной, но все же. Но без того никак не пройдешь.

А потому заострим перышко, проверим чернил в чернильнице и посмотрим, что нам передали для официального образца. Андрей Георгиевич чуть не свистнул. Так, ого, это же высший пилотаж! Аналитическая записка нашего министра августейшего монарха! Сверхсекретнейшая бумага! Иной бы всю жизнь мечтал хотя бы одним глазком посмотреть. А вот он не только смотрит, но и сам переписывает. Вот же ж!

Конечно, он понимал, что много чего проходит мимо него в жизни. Так ведь и любопытной Варваре по носу аккуратно и больно били! И нечего ему, маленькому чиновнику, обо всем знать! А происходило в столице Российской империи, между прочим, много такого не то, чтобы важного, но интересного и прелюбопытного, если повнимательнее узнать и чутко прислушаться. Начать хотя бы с того, что его императорское величество Николай Павлович на очередном совещании высших сановников на прошлой неделе произнес едкую-таки филиппику. Ни к кому конкретно, в воздух, но весьма если так можно сказать печально и даже злобно для его высокопревосходительств.

Речь опять шла о плохом уровне письма подаваемых августейшему государю документах. Большинство министерств даже на высшем уровне, направляя бумаги на императорское имя, пишут их кое-как, В России есть тысячи грамотных чиновников, на которых ежегодно тратится десятки тысячи рублей. Так нельзя ли хотя бы подобрать двух-трех делопроизводителей получше? Или господа министры специально портят глаза своему императору? Вопрос был произведен в воздух, ни чья фамилия не прозвучала, но Семен Семенович каким-то верховым чутьем понял, что тема эта августейшего монарха очень даже не то, что совсем тревожит, но нудно свербит. Как маленькая заноза в заднице. И сказать неудобно и терпеть уже никак невозможно.

И, наверняка, кто-то от этого полетит с высочайшего места, а кто-то, может быть, будет награжден. Не просто так, а по высочайшей оценке проводимой работы. И что если он немного потревожит себя и поработает, то может на пользу себе что-то сделать. Благо, большинство мероприятий министерства не то, чтобы Николаю в последнее время не нравились, но зримого отзвука в императорской душе не получала.

А это был тревожный симптом, который скоро может превзойти даже отставку! Будет тогда генерал-лейтенант гвардии командовать замшелым департаментом.

Вернувшись обратно в министерство, Подшивалов кликнул ответственных сотрудников, тех, кого понемножку подбирал и на кого в случае трудных моментов мог опереться. Поговорили о том, о сем. Один из них и подсказал.

Арсений Федорович Кологривов, которого он медленно, но постоянно тащил вверх, надеясь на удачу, все-таки однажды выстрелил, подсказал в нужный момент. А всего-то лишь назвал фамилию молодого дворянина, который так его удивил, и о котором он в суматохе в последнее время позабыл.

А Кологривов не позабыл. И не только напомнил, но и в подтверждение показал в общем-то не важный, но существенный документ, на котором и зиждется все делопроизводство.

Министр полюбовался на стройный ряд букв, на отсутствие, как всегда, клякс и ошибок, и приказал, во первых, приблизить его к столоначальнику, а во вторых, передать ему разрабатываемую докладную императору Николаю.

Вот, а вы все талдычите революция, — довольно подумал Кологривов, — сам министр приказал, его высокопревосходительство! Чего вы еще хотите!

А уж Андрей Георгиевич постарался, поработал, любо-дорого посмотреть. Арсений Федорович только полюбовался. Каждая буквица прописана, каждое слово на своем месте, на строчке. Никто на друг друга не наезжает. Строчки, как пьяные, у неопытного писаря, вскользь не идут.

Столоначальник, кстати, полюбопытствовал, как это у Макурина так получается. Ведь каждая начинается на строго определенном месте, заканчивается, как на линейке. Оказалось, ничего сложного, простой карточный трафарет. На специальной плотной бумаге линии жирно прочерчены и на листе, на котором пишут, все хорошо видно. Чиновник своих денег потратил немного, всего лишь несколько копеечек, не больше алтына, если посчитать на помощь опытного чертежника. А ведь какая польза и его и всему министерству! Сам ведь тоже думал о нечто подобном, но как-то руки не дошли. А парень молодец!

Не раздумывая, пошел к Подшивалову с трафаретом. Его высокопревосходительство тоже изволил удивиться. В голове, говорит, все крутилось, но в общем, смутно, а тут конкретика. Возьми и сразу в приказ! Кологривов и написал, а министр подписал — приказ по министерству, за хорошую работу, прилежание и творчество, столоначальника Кологривова прилюдно отметить, а его подчиненного кабинетного регистратора Макурина высочайше отблагодарить ста девяноста рублями ассигнациями.

Кологривов тогда подумал, что чиновник от молодости обидится. Начальник-то там и рядом не шагал, а первым отмечен! Однако, нет, даже скромно поблагодарил за такое внимание. Явно ведь вырастет прекрасный служащий! И Подшивалов ведь правильно не пожалел денег. Как позже сказал министр на официальном совещании, на четкое написание чиновниками министерства обратил внимание сам император Николай Павлович. Узнал, как это, весьма удивился, спросил автора и его начальника. Ничего не сказал, но видно — фамилии запомнил, а о Кологривове даже вспомнил. Министра же поблагодарил за хорошую обстановку в ведомстве.

И вот опять появилась возможность отличиться. Бумага-то явно пойдет к императору либо, хотя бы, к министру. Уж надо отличиться! Андрей Георгиевич уже пробыл в первые рождественские празднества XXI века. Ему они понравились хотя бы на уровне

чиновничества, а теперь на службе. Не так как в XXI веке, встретились и разбежались. Конечно, и здесь люди разные, есть грубые, есть жадные, но все понимают — главное празднество в министерстве.

В церкви, для души, и на светской части — для тела. Награждали, кстати, всех, просто по разному. Но и радовались неодинаково. Кто скромной награде, чистосердечно, для себя, кто фальшиво, для начальства или товарищей побольше.

Андрей Георгиевич тоже внес лепту для жадных и норовистых. Как ему уже говорили кабинетные регистраторы. В первые год-два, когда еще опыт и чин маловаты, если давали, то орденочки небольшие — Станислава 3-й степени или Анну 3-й. Почти все через это прошли. Это потом, кто кому повезет — если покровители большие или способности — идут классы, там уж и Владимиры разных степеней, а то и Александра Невского. А кто и из Станислава не вылезит, пусть и первых рангов.

А ему сразу Святую Анну 2-й степени! Чиновники, собранные в парадной зал министерства, шустро шушукали, явно недовольные, но Кологривов только лениво на них поглядывал. Штатскому Макурину полагалась Св. Анна 3-й степени, потому как самая младшая степень (4-ая) выдавалась за храбрость только на поле боя.

Однако его превосходительство ласково объявил, что после опознавания императором Макурину давать Анну 3-й степени уже невмочно. И хоть его императорское величество по этому поводу ничего не сказало, но он на свою смелость подписал вторую степень и Николай это увидел и кивнул. А потому, Арсений Федорович, в случае, если его подчиненные начнут шуметь, должен будет сказать, что это дело начальства, кому и как награждать.

Вот Кологривов и был спокоен. Начальство же решило. Не он. А кто не доволен, пусть идет к министру. Уж его превосходительство им там объяснит. Так объяснит, что тем мало не покажется, напрудят в штаны под хохот коллег!

Впрочем, все это Кологривов только продумывал. На самом деле никто из чиновников, конечно же, к Подшивалову не пошел. Что они, дурные — неопытные? Пусть инсургенты ссорятся с начальством, а они законопослушные поданные.

Как-то обговаривать свою неожиданную награду с начальством не собирался и Макурин. Зачем? Анна 2-й степени на шее ему всегда нравилась. опять же ежегодная пенсия почти 110 рублей ассигнациями. Однако карьера-то пошла. Шатко — валко, но постепенно развивается. спасибо тебе Господи, способился я!

И поскольку праздник шел напрямую с боженькой, то и Андрей Георгиевич праздновал со всей радостью. Ведь в отличие от огромного большинства, честно говоря, видящего Господа только как мифологического существа, он точно знал, что тот существует. И он его поправился.

Да и сам праздник отличался. Общество в своем большинстве не сидит у телевизора, накачиваясь водкой и пиво, а, все таки в немаловажной частью проводится вместе, в церкви и на балах. Хотя пьянство шло и здесь, особенно в народных низах, но еще не приобрело таких огромных масштабов. Хотя праздновали много! А он-то простодушно горевал по поводу дотелевизионного народа. Как он там будет, в морозе и мгле всю зиму? А очень просто будет, праздновать львиную долю зимы — от рождества до крещения. А там до августейшего тезоименитства и весны. Уф!

Но, кажется, и празднования прошли. При чем Андрей Георгиевич и его столоначальник Арсений Федорович в эти выходные работали больше всех. В итоге к третьей декаде января все же закончили докладную министра императору.

В этой работе — кропотливой и дотошной — попаданец быстро понял важность писарей и почему чиновников-делопроизводителей было так много. Ведь одно дело переписать печатный текст, четкий и понятный. А другое дело — продраться сквозь рукопись министру. Мысль-то он главную провел и ее понял. А теперь делопроизводитель должен сделать так, чтобы и остальные зрители его поняли.

Ох, уж это высокопревосходительство с его дурным текстом и сумбурными предложениями. Переписать-то он перепишет, главное бы еще сам понял. Нет, если бы столоначальник Арсений Федорович, то ни-че-го бы он не переписал. Иной раз только его превосходительство и разбиралось среди чернильных пятен и постоянных черканий министра, а делопроизводитель Макурин не переписывал собственно текст, а записывал за столоначальником.

Но нередко и Кологривов приходил в тупик среди бурелома черканий и откровенных ошибок. Тогда действительный статский советник, мимоходом заезжая на свою квартиру за парадным вицмундиром, беспокоил министра на его казенной министерской квартире. Хотя как беспокоил? Детей у него из-за беспокойной жизни не было, молодая жена, красивая дворянка, но тихая бесприданница, мужа не беспокоила. Так, пара вечеров за ломберным столиком, да торжественные церковные процедуры — вот и все зимние празднества. Так что не только настырный столоначальник «беспокоил» своего министра. И его высокопревосходительство, беспокоясь за доклад перед монархом, не раз и не два приезжал в здание министерства, все чаще останавливаясь сначала в помещении департамента министра, а уже потом служебном просторном кабинете.

Как оказалось, Подшивалов и сам в какой-то с удивлением узнал, что разрабатывать хитросплетения докладной в коллективе так сказать коллег было легче, чем одному, маясь со словами и мыслями.

Поначалу говорил Семен Семенович главным образом со своим столоначальником Арсением Федоровичем Кологривовым, рассуждая, сомневаясь, оттачивая формулировки. Но потом делопроизводитель, мелкий, в общем-то чиновник, но столбовой дворянин, Андрей Георгиевич Макурин, все чаще деликатно и вежливо вмешиваясь, предлагал свой вариант, каждый раз в тему. Слова и формулировки были столь точными и даже остроумными, что уже через десяток вмешательств министр, вначале сердясь и удивляясь, сам стал спрашивать мнение делопроизводителя. Кологривов не вмешивался. Он уже понимал, познакомясь накоротке с новым чиновником, что сей юноша семи пядей во лбу и может далеко пройти.

Недалекий столоначальник встал бы ему на пути, пытаясь прерывать счастливый служебный путь. Кологривов же пошел по своему. Зачем мешать молодежи? Тем более, породистой, столбовой. Чего ты с этого будешь иметь? А вот если помочь, даже немного, здесь будешь иметь конкретные удачи и положительные стороны. Ведь, что ни говори, а он твой прямой подчиненный, и начальство, в данном случае его высокопревосходительство министр.

Это, разумеется не августейший монарх, но человек с большими возможностями. И глядя на способного чиновника, он одновременно будет посматривать на прямого его начальника. Вон уже его неожиданный прожект с министерством финансов, Макурин за это получил Анну на шею. А столоначальник ничего? Да ничего, если не смотреть, что министр стал смотреть на тебя как ближнего и очень полезного помощника, и даже император Николай Павлович опять услышал о нем! Под этими мыслями Кологривов не только не

мешал диалогу министра с его подчиненным, но и, в свою очередь, сам помогал, когда была его очередь.

Поэтому, не зря наверное, Подшивалов, когда они уже окончили работу с докладной и осталось только довершить беловой вариант, прочувственно пожал руку кабинетному регистратору Макурину, а Кологривову не только пожал, но и сказал ряд прочувственных слов. Таких прочувственных, что Арсений Федорович в душе взлелеял, точно ему что-то будет — не к августейшему тезоименитству, так к пасхе!

Неопытный Андрей Георгиевич считал, что и это уже награда — привлечение к работе министра. Арсений Федорович ему не мешал. Пусть не мешается. Вот допишет он бумагу его превосходительство, вот тогда в первый рабочий день он прилюдно поблагодарит его при всех чиновниках, тоже пожмет руку. Он, конечно, не министр, зато сидит рядом. И никто, ни министр, ни его императорское величество не подпишут бумагу на награду, если столоничальник будет против.

Доделав свою работу, попаданец послужил жизнь обычного мелкого чиновника, не зная, что над ним крутится ветер, сильный вплоть до бури. Правда, в отличие от настоящей бури этот шквалистый ветер обещал только одни положительные моменты жизни.

Началось все с того, что Николай в очередной ежемесячной встрече с главой государственных имуществ настоятельно заговорил о его докладной. Причем речь шла не о содержании докладной, государь еще до конца ее не читал и не был готов к ее обсуждению. Зато он уделил много похвал внешнему виду официальной бумаги. Наконец-то он увидел идеальный вид официального документа. Чистый, четкий, без клякс и ошибок. Вот про что он всегда говорил!

— Читаешь, как по печатному тексту, все понятно, — похвалил Николай текст и поинтересовался: — кто делопроизводитель сей цидулки? Очень бы хотел увидеть.

Вот теперь Подшивалов всеми своими фибрами почувствовал — попал! Не зря он с ним возился и самолично тащил его в свое ведомство. Угодил-таки монарху! Не каждый день так происходит.

— Ваше императорское величество! — торжественно и громко сказал он, — написал сию министерскую докладную мой чиновник Макурин.

Подшивалову было известно, если императору не интересно, то он, будучи человеком вежливым, задавал один — два вопроса и шел дальше — или к следующему придворному или к другой теме. Тогда ему только развести руки — не попал!

Однако, старый бюрократ не зря считал, что он отличного мнения о Николае и знает о нем все. Император продолжил — У тебя новый сотрудник. Как ты о нем?

Министр мог расслабиться. Монарх, как гвардеец в прошлом перешел на ТЫ, теперь он разговаривал с тобою, как старый товарищ. Вообще забываться не стоило, но и тревожиться тоже. Император, еще будучи до престола, служил в гвардии и видел в них, прежде всего, близких друзей.

— Ваше императорство, — так, а теперь показать, что и тебе в памяти остаются прошлые годы, — тебе как человека или как сотрудника?

— М-гм, — слегка задумался Николай. Поданные в большинстве видят в своем монархе силу и прочность, и мало кто думает, что в своей основе это тоже человек со своими слабостями и маленькими радостями. Он подумал и переборол в себе человека, — давай, как о сотруднике.

Тут необходимо не зарваться. Если государь почувствует, что ты пользуешься близостью

к нему, то все. Раз он к тебе честен, то и ты должен честным!

— Он пока еще недостаточно служит, чтобы я о нем полно говорил. Но что бросается всегда в глаза — превосходный почерк. Ну а затем — умение записывать так, чтобы не вмешиваться, превосходное знание русского языка. Хорошее прилежание, — Подшивалов еще раз показал лист бумаги, — и вот так всегда. Никакой неряшливости. Чисто, красиво, четко. Очень высокая культура, как у сотрудника и человека.

— Да-с! — император задумался, — что-то ты много говоришь положительного, — он выразительно посмотрел на министра и явно послышалось несказанное: — а не врешь ли ты ненароком? — Он дворянин? — задал он давно ожидаемый вопрос. Сейчас решится окончательно — приблизится к императору сотрудник Подшивалова или нет.

— Макурин из столбового дворянского рода, из Шотландии. Отец их Мак-Урин бежал к нам от преследований англичан, храбро воевал в войне двенадцатого года, потом женился на помещице Тверской губернии. От холеры там и все умерли. Один старший сын только и выжил. Прибыл к нам в столицу, как дворянская сирота. Что же касается характеризовать, как личность, то ничего сказать не могу. Но, государь, я воевал с его отцом в войне двенадцатого года. Он был храбрый офицер и честный дворянин. И, похоже, также воспитал и своего сына. По крайней мере, я так увидел его.

— Столбовой дворянин из шотландского рода! — задумчиво произнес Николай, — с ним надо свидеться только из этого. Третьего дня я ведь хотел приехать к тебе?

— Да, государь! — воспоминания из гвардейского прошлого прекратились, Перед генералом и министром снова был правящий монарх. — Вот и приеду. Только поменьше официоза и барабанной дроби, это все же не парад, а рабочий визит. И этот чиновник пусть не знает о моем появлении, — попросил император, — как, в общем-то и другие, хотя это и не так строго.

Подшивалов лишь звонко щелкнул каблуками о массивный дубовый паркет. Просьба августейшего монарха всегда вдвойне жесткий приказ. А как настоящему военному не выполнить приказ?

Глава 12. Императорская инспекция

В тот зимний день, морозный и солнечный, так не похожий на прибалтийский, но, в общем-то, обычный, Андрей Георгиевич чуть-чуть немного не много не опоздал на работу или, примеряясь к уже новой современности, к службе.

Кстати, опоздать чиновнику в XIX веке на службу, означает, прийти позже начальника. В данном случае, означает прибыть после столоначальника. Нет, прибыл он все же вовремя, но едва успел поздороваться с соседями — чиновниками, прихорошиться в мужском понимании и осмотреться на своем столе в департаменте, как послышались тяжелые начальственные шаги.

Столоначальник действительный статский советник Арсений Федорович Кологривов, вопреки обычаю, не только не припозднился (опоздал для начальства звучит несколько грубо), но и, наоборот, пришел рановато. Так что попаданец едва успел почистить и слегка ладонями пригладить помятый после теплой зимней шинели вицмундир, как в двери появился Кологривов!

Макурин от неожиданности начал вдруг извиняться, хотя чего уж тут оправдываться! Но столоначальник правильно понял чиновника и только отмахнулся, строго оглядевшись на остальных чиновников, так что они уткнулись в бумаги на своих столах, потащил Андрея Георгиевича за руку к неприметному углу с невероятной новостью:

— К нам в министерство сегодня едет его величество император!

Попаданец за два века чего только не слышал, но только не это. Вот это и известие сегодня, почти как знаменитое у Гоголя: «к нам едет ревизор!» Но ревизор-то ладно, там точно будут проверять и шпынять с маловероятным последствием наказания. Оштрафуют на серебряный рубль. Ха, да ладно!

А с чем едет его императорское величество? С вкусными пряниками или грозным кнутом? И какой он кнут? При Николае Iи по тысяче шпицрутенов давали. Солдат мертвыми пороли. Хотя чиновниками с классом в большинстве дворяне и физическим наказаниям не подлежат.

— Ой, да не знаю я! — почти раздраженно отмахнулся Кологривов. Посмотрел на чиновников. Те уже как-то работали, перебирали бумаги, заостряли перышки перед писаниной, лениво переговаривались негромкими словами. В общем, делали рабочий вид перед непосредственным начальником — самым главным и самым грозным.

После недавней работы над министерской докладной, столоначальник зримо приблизил к себе перед чиновниками новичка, и после бурчания «куда уж нам простачкам, вот дворяне да!», чиновники, кроме как быстрого приглядывания, на их секреты любопытства не вызывали. Ну их, к петербургской мостовой!

Но сегодня утрешнее известие было такое, что требовало всеобщего внимания. Хоть император Николай Павлович и попросил зря не шуметь и министр почти клятвенно пообещал, но ни первый, ни второй на это почти не обратили внимание. Просьба сидеть, как обычно, и зря не дергаться, всего лишь означало излишне не дергаться, но при этом работать, как при параде. Монарх все-таки прибывает!

А потому Подшивалов непременно, но тихо и, упаси боже, неофициально, сказал нужному столоначальнику (Кологривову), кто у них будет. Столоначальник же наказал наиболее важным своим подчиненным типа Макурина о монархе, остальным же просто

сообщил:

— Господа, сегодняшнего дня вам надлежит строго работать, а не бездельничать напропалую. Форма одежды обычная, но чистая и не рваная, с элементами парадной. И смотрите там у меня! Ордена не забудьте, каналы.

Этого уже было достаточно. Все равно, уже к полудню во всем министерстве будут плотно ходить сплетни и слухи об августейшем визите. И ничего тут понапрасну болтать самому.

Макурину же столоначальник не только сообщил о приезде государя, но и известил о словах министра про конкретную цель монарха — сам Макурин! Вот тебе бабушка и юрьев день! При чем августейшего внимания привлечет не только его служба, но и сама личность. Не зря его предупреждали, что благородный дворянин всегда во внимании.

— Государь уже дано очень ищет личного чиновника — работающего, ученого, прилежного и при этом благородного, — уже от себя добавил Кологривов старую сплетню мелких начальников, — так что старайся. У его императорского величества уже есть своя канцелярия, через которого он отпускает самые важные распоряжения. А вот делопроизводителя себе он никак не найдет. Ты очень походишь, как со служебной стороны, так и личной. Не промахнись!

Ох ты! — Андрей Георгиевич аж вынужден был немного посидеть, успокоится, так чтобы руки перестали мелко дрожать. Опять реципиент нервничает. Вернее, тело, одно на двоих. Потом служебно «приукрасил» вицмундир — повесил орден Св. Анны 2-й степени на шею. Больше, к сожалению, наград у него не было. Пришлось для красоты заменить обычные оловянные пуговицы на золотые парадные, прикрепить золотую бахрому на рукава и на воротник. Посмотрел на столоначальника — тот надел еще дома все ордена — Анну 1-й степени, Святослава 1-й степени, высочайше пожалованные бриллианты прикрепит на воротник.

Глядя на них, зашевелились и остальные чиновники, благо все имели ордена, хоть и низжайших степеней, а коллежский асессор Демидов так уже два — Анну 3-й степени и Святослава 2-й. Еще бы два ордена повесить — Анну 4-й и Святослава 3-й, но не положено иметь на груди награды низжайшей степени при вышестоящих.

В общем же, весь департамент министерства потихонечку приобрел вид рождественской елки на императорском праздничном бале. Много блеска, сверкания и сильного грома.

А Андрей Георгиевич уже, собрав нервы в кулак, понемножку работал. Его превосходительство как раз повелел набрать список некоторых выморочных поместий побольше, которые предполагалось полностью взять в казну. При чем не просто переписать, а самолично создать нужный список. Конечно, при досмотре столоначальника Кологривова, и с некоторой его помощью, но тем не менее.

Что ни говори, а Макурину доверили работать, как полномочному чиновнику! И как бы теперь еще не под присмотром самого императора! Где-то он уже идет, а у него документ полностью не дописан. Мало ли что может быть. Люди — не автоматы, могут действовать совершенно по разному, а виноватым окажется опять самый младший.

И потому попаданец даже отвлекся от суматошной повседневности департамента. Пусть чиновные соседи суетятся и шепотом напропалую болтают, а он очень занят и не может. Ведь вся его репутация находится на кончике пера, ха-ха. И слова пишутся красиво и четко, одни за другими!

Чернила за кончике пера закончились, он приподнялся к чернильнице за очередной порцией и ненароком поднял взгляд, зацепляя фигуру перед ним уголком глаза. Пусть не перед столом, но смотрящую явно на него. Фигура новая для него, но почему-то очень знакомая. И взгляд от нее такой требовательный и даже жесткий. И почему-то все чиновники вокруг притихли.

Андрей Георгиевич, заинтересовавшись, уже полностью поднял лицо от бумаг на стола. Ах, по-моему, это император! Он только сейчас заметил. Точно, император! Это его довольно известный «взгляд василиска». Кто всерьез принимает, кто с сарказмом, но попадать под него не рекомендуется никому. И что в помещении, несмотря на многое количество человек, стало уж очень тихо. И за этой фигурой стоит его высокопревосходительство министр Подшивалов, скромный и почтительный, как обычный рядовой посетитель.

Нет, обязательно император Николай Павлович, правящий российский монарх! Вот ведь черт, как он так его не заметил-то!

Он только теперь заметил, как его столоначальник, весь в парадном мундире и орденах, стоит смиренно и корчит страшное лицо, делая ему знаки. Ах, надо ведь встать и поклониться. Это ведь даже не вежливость, а элементарная почтительность. Все же его государь!

Попаданец встал, поклонился легко и изящно, как его учили и в XIX веке (практика молодого дворянина) и в XXI веке (общий порядок вежливого человека). Было очень мало места из-за столов и людей, но он справился и показал всей своей фигурой почтительность перед монархом и одновременно благородную изящность молодой фигуры дворянина.

Раздались редкие, но громкие хлопки. Хлопал сам Николай I. Потом сам же и прокомментировал:

— Браво, господин Макурин! Я прав, Семен Семенович, это и есть ваш новый дворянин? Очень хорош!

— Да, ваше императорское величество, он самый!

Вложив весь свой опыт и артистизм, министр в нескольких словах сумел показать и радость за появление столбового дворянина в рядах чиновников министерства, и досаду за такую его невежливость от молодости и неопытности.

Император, похоже, немного гневается. Чуть-чуть, но он очевидно недоволен. И надо показать, что он, начальник этого чиновника, весьма негодующий. Хотя, нет, не весьма. Ах какой шалунишка. А ведь не наглый *parvenu*, дворянин из благородного рода.

Хотя Николай, видя изящество фигуры и молодость, породистые черты, явно видные на лице, ловкость и прекрасные манеры, так явно выделяемые от других чиновников, уже сумел убрать с лица недовольство. Нельзя было не простить молодого человека, столь увлеченного своей работой, что даже не заметил своего государя. Но ведь и что, он чиновник на своем рабочем месте, а император здесь неофициально. Ведь неофициально, господин министр?

Подшивалов, еще не понимая, гневается монарх или в добром здравии, на всякий случай просто ему поддакнул.

— Представьте его мне, Семен Семенович! — приказал между тем император весьма благожелательно и генерал-лейтенант за это уцепился:

— Ваше императорское величество! Кабинетный регистратор Макурин, Андрей Георгиевич. Потомственный дворянин и хороший, старательный чиновник. Работает в министерстве почти год, замечаний от начальства не имеет. Подшивалов зорким глазом старого военного увидел на столе Макурина бумагу, которую он явно только что перед этим

писал и указал на это — Государь, обратите внимание, вот хороший образчик труда этого чиновника. Взглядом попросив в какой-то мере прощения у юноши, он взял со стола бумажный исписанный лист.

— Вот, повинуюсь ВАШЕМУ приказу, я дал распоряжение некоторым чиновникам министерства создать список выморочных крупных поместий. Здесь работа у Андрея Георгиевича сделана примерно на четверть. Еще начало, но ведь и принялся он совсем недолго.

Николай взял бумагу в руки, быстро посмотрел. Действительно, документ только начинался. Заголовок и четыре поместья. Однако, как красиво и понятно все расписано. Не то что его делопроизводители.

— Скажите-ка, милый мой, — повернулся он к Макурину, — вы это уже пишете белой вариант? Как красиво!

— Нет, ваше императорское величество, — отрицательно покачал головой Макурин, — вначале пишется беглый черновик, потом еще будут мои различны дополнения, важные замечания его превосходительства столоначальника Арсения Федоровича Кологривова, министра его высокопревосходительства генерал-лейтенанта гвардии Семен Семеновича Подшивалова. И уже тогда, если будет указание свыше, я стану писать беловую часть.

Он кратко сказал, понимая, что императору и без того известна работа его аппарата. И никаких эмоций его объяснений не вызовут. Однако, он немного ошибся, чувства Николай все же проявил. Правда, с другой стороны.

— М-да?! — удивился-возмутился император такому положению дел в министерстве, когда такие документы становятся черновиками! А он, самодержавный государь, обходится в своем государстве со столь плохо выполненными бумагами! Причем совершенно официальными!

Но вслух уничижительному разносу министра при его подчиненных он давать не стал. Подумал, глядя на Макурина и вдруг повернулся назад к своим свитским. Затем повернулся обратно, но уже с чем-то в руке.

— Работай также хорошо, и я в будущем твоих трудов не забуду, — сказал император ласково и торжественно вручил своей небольшой портрет. Или, правильно, все же миниатюру?

Андрей Георгиевич очень хотел посмотреть это, скажем так, изделие, на котором был изображен император, образчик творчества XIX века, явно в драгоценном золоте и бриллиантах. Но ситуация была совсем не ко времени. Вместо этого он, как и положено, рассыпался в благодарностях и заверениях в самоотверженном труде, раскланявшись в поклоне, в таком же изящном и обязательном монарху от дворянина.

— О-о! — не выдержал Николай и восторженно спросил, — какой учитель тебя так учил манерами? Немедленно его найти и наградить! И пригласить к моим свитским, пусть снова учиться! Андрей Георгиевич, конечно же, сказал бы об этом и только поразился за работника городского дворца культуры Ларису Геннадьевну Родимцеву. Только жила и работала она в XXI веке, а в XIX столетии от нее даже бабушек и дедушек еще не было. Пришлось рискнуть и сослаться на покойного отца реципиента. Сам попаданец его не знал, зато министр Подшивалов, видимо, жил и воевал с ним довольно много в прошедшую войну. А вот как он скажет, что добрейший дворянин Мак — Урин совершенно этого не умел? К счастью, отец реципиента или что-то мог или генерал-лейтенант гвардии за давностью лет всего не помнил, но он промолчал, только одобрительно кивнул.

— Жаль, что не встретился с ним раньше, — заметил император, помнивший, что отец этого молодого дворянина уже умер, — а манеры у тебя замечательные.

Он поощрительно кивнул Макурину и повернулся к столоначальнику, спросив какую-то мелочь. Кологривов почтительно ответил и все на этом завершилось. Чиновник должен был рад, что самодержавный монарх хотя бы обратился к нему. Император со свитой вышли из помещения. Лишь министр, одобрительно кивнув Макурину, на ненадолго задержался, жестом приказав столоначальнику выйти с ним. Остальных чиновников высшие чины вообще не заметили. Пока было совсем не до них. И, похоже было, их это и не тревожило. Опытные чиновники радовались, что их никто не ругал. Не министр, ни, боже упаси, августейший монарх. А пожаловать наградами если будут, то, как и положено, через своего столоначальника.

Не смотрели они косо и на Макурина, что он весьма ожидал. В XXI веке, как правило выделение нечто вроде ценного подарка одному из них сразу же вело к массовому недовольству. Как так! Почему только ему! Работаешь, работаешь, а некие сволочи на этом зарабатывают!

Однако в XIX веке психология была значительно другой. Кабинетный регистратор Макурин, не имея высшего образования, получил внеочередно XIII класс, что немного, но уже выделило из общего ряда. Дальше все больше он показывал свою особенность. Особое подчеркивание вниманием столоначальника и награда орденом в первый же год службы, да еще какими — Св. Анны 2-ой степени! — еще больше выделило этого столбового дворянина. Монаршая милость окончательно отметила его в массе чиновников — он не наш, его вскоре выделят, даже может и августейше, и уберут. И что тогда нервничать?

А Андрей Георгиевич еще собирался нет, не нервничать, но, по крайней мере, беспокоиться. Понимал даже не разумом попаданца, а каким-то беспокойным желудком, что не надо подставляться спиной пусть и к маленьким людям. Ткнут ведь ножичком, даже если и не рискнут посмотреть в лицо. Зайдут и, выждав благоприятный момент, ткнут.

Но это XIX век, милостивый сударь! Здесь маленький человек оказывался вдвойне маленьким человеком, даже если он и был вицмундире низших классов чинов. Людишки понимали, кто они и что им могут сделать. Вернее, что они не могут сделать. И хорошо это понимали, даже не пытаясь трепыхаться.

Если в будущем рядовые россияне в случае опасности или необходимости стучали в грудь или, хотя бы, писали кляузы, то пока, как правило, просто поднимали лапки и восхищенно закатывали глаза — им бы так! Может и не все были такие, но государственные чиновники точно.

Так что глубокоуважаемый Андрей Георгиевич, можете спать спокойно и творить свою успешную карьеру. Никто из чиновных соседей даже не пошевелится!

К тому же, Андрей Георгиевич после августейшего визита монарха, не знал, что и делать. И дело не в том, что когда он «соизволил появиться в министерстве», как заметил один из очевидцев — чиновников, закатав от восторга глаза, Макурин единственно это никак не отметил. Как и то, что он наградил его своим портретиком.

Император, конечно же, высочайшая инстанция и чисто, как человек, он был страх божий. Но не более. Попаданец все-таки уроженец XXI века и его психология твердо отбилась от такого морального давления. Но теперь-то, что ему делать дальше? Сидеть пассивно он не мог, деятельная натура не могла просто так ждать и зевать. Куда бежать, кому стучаться? Ничего не делать — плохо, делать что-то — еще хуже. Первый раунд, судя по

реакции столонячка Колонриова он выиграл. А остальные? Так ведь можно и переиграть в черном свете. И хотя пожилый разум почти успокоился, но молодой организм волновался сам и третиловал сознание разными гормонами.

Вот ведь еклмн! И Макурин почти грустно посмотрел в спину его императорскому величеству и его превосходительству. Ведь как, пришел, наградил в присутствии министра, а как-то нехорошо. Блин!

Глава 13. Заботы чиновника

Он мог бы успокоиться, если бы знал содержание дальнейшего разговора между императором Николаем I и его министром Семен Семеновичем Подшиваловым после их прихода в департамент. Оба они были гвардейцами, то есть можно было наедине искренне распоряжаться чувствами, не боясь, что первый уронит статус императора, а второй осмелится затронуть запретное.

Для начала монарх все же ласково побранил генерал-лейтенанта. Нет, ничего страшного. Он ругался, но так, что было понятно — Подшивалов для монарха свой и он от себя ни за что не отпустит. И его брань, как ласка матери. Строгая, но заботливая и справедливая.

И потому министр только смущенно опустил голову, признавая справедливость ругани государя, для которого он не специально, но все же не сделал все нужное. И это для своего августейшего покровителя! Речь пошла в первую очередь о Макурине.

— Помилуй Бог, Семен Семенович, — удивленно говорил Николай почти с ужасом, — ты молодец, сумел найти и приберечь такого юношу для своего министерства. Прекрасный почерк, хорошее воспитание, прелестный вид. Будь я женщиной, уже был влюблен.

Но что ты сделаешь потом? Он у тебя пишет какие-то черновики. Выморочные крупные поместья — это, разумеется, важно. Вот и отдай эту бумагу какому-нибудь великому чиновнику классом титулярного советника или коллежского асессора. Есть там у тебя такие.

— Разумеется, государь! — поклонился министр, каясь, — это моя вина. Макурин отдан напрямую столоначальнику Кологривову. Но тот, видимо, не справился.

— Нет, так не получится. Я не преувеличу, когда скажу, что среди всех чиновников, имей в виду, всех российских чиновников, а не только твоего министерства, Макурин сейчас у тебя светится, как первосортный бриллиант среди обычных булыжников. И тебе, Семен Семенович, я поручаю лично, ты слышишь, лично! Этого молодого человека так приспособить, чтобы, став опытным, зрелым чиновником, он не потерял ни прекрасный почерк, ни прелестное воспитание. Посмотри сам, чтобы не вздумал пить мужицкую водку и, особенно, курить дурной табак!

— Слушаюсь, ваше императорское величество! — приосанился Подшивалов, — почту за честь!

— Только не так грубо и прямо, — поразмыслив, продолжил давать указания Подшивалову Николай, — это ведь не гвардейский солдат на плацу. Вот что, сделай его своим личным чиновником, а дядькой при нем какого-нибудь опытного чиновника. Тот столоначальник, под которым служит сейчас юноша, хорош или, действительно, никак не тянет?

Подшивалов помолчал, взвешивая. Нелегкое это дело, поручится перед императором за чиновника. В вдруг он вдругоряд обмишурится где-то. И сам рухнет и министра своего сумеет потащить? С другой стороны, при Макурине надо все равно кого-то ставить поопытнее. А Арсения Федоровича он хотя бы знает.

— Кологривов может быть наставником, — медленно произнес министр. И классически, почти по советскому канону охарактеризовал. Естественно, в ракурсе XIX века: — православной религии, верует, человек хорош, чиновник опытен. Вполне может быть наставником.

— Так! — додумал император свою мысль, — вот что, сделай-ка ты свою собственную министерскую канцелярию во главе с столоначальником действительным статским советником Кологривовым. Да скажи ему, будет хорошо работать, получит тайного советника и Владимира, пожалуй, III степени. и чиновников оставь тех же, что работают. Не лаются они с Макуриным? Подшивалов этого не знал. Все же не к месту его высокопревосходительству министру и генерал-лейтенанту гвардии вступать во все служебные мелочи.

— Вроде бы нет, — сказал он в раздумье, но так, чтобы было понятно — он еще немного сомневается.

Николай его понял: — Впрочем ладно, будет необходимо, дай знать, любых чиновников следует убирать. Пусть наш бравый юноша работает.

Андрей Георгиевич же вскоре не удивился проводимым действиям в министерстве. И его совсем не трогало, что это именно из-за него. Мало ли император и министр решили проводить реформы? Вдруг была создана министерская канцелярия, поскольку министр озаботился качеством исходящих бумаг. Столоначальником этой канцелярии стал Кологривов, что для всех было понятно. Он и так стоял во главе неофициальной канцелярии.

Кологривов начал заполнять канцелярию своими, естественно, чиновниками. Но не всеми. Коллежскому асессору Демидову был дан отворот под предлогом, что надо отставить на прежнем месте хоть какого-то опытного. А кабинетный регистратор Придорожный оставлен из наказания. Сам виноват. На крещенские праздники так налил пива и наливки, что на службу появился с сильным запахом. Так что столоначальник от греха подальше отправил его домой и тогда же обещал наказать. И наказал, но немного. Придорожный был еще рад.

Из-за этих перестановок Андрей Георгиевич немного продвинулся. Он как бы стал ведущим делопроизводителем и все беловые части служебных бумаг передавались только ему. К тому столоначальник указал ему, что он произнес очень хорошее впечатление на его императорское величество, раз тот дал ему свой портрет, инструктированный золотом и бриллиантами. Дескать, работай, милый, коли нравишься.

Андрей Георгиевич молча поклонился. Он тоже был очень польщен. Все же, два века живет, а всероссийский император его первый раз награждает. Однако Кологривов добавил, подозревая, что чиновник из-за молодости и неопытности, понял далеко не все:

— Его императорское величество, государь Николай Павлович обычно не отходит от текущей реальности. То есть, что положено по должности и классу, тем и награждает. И только очень изредка, если ему очень нравится, давать, что хочется, не учитывая положение человека.

Столоначальник посмотрел на Макурина — понял ли? Кажется да, но, судя по морде, не до конца. А надо. На днях его высокопревосходительство господин министр, пригласив его в собственный кабинет и лично потом закрыв дверь, закрыл весь замысел на своего чиновника Макурина.

— Этот юноша, — сказал он, — имеет редкий талант красиво и четко писать. Бог ему дал такую возможность и мы будем полные дураки, если не воспользуемся этой возможностью.

Министр настоятельно попросил, точнее даже приказал, помочь ему подталкивать в нужном направлении, учить его в нудном и неинтересном большинству людей, но, в общем-то, очень полезном умении опытного чиновника. За эту деятельность его

высокопревосходительство обещал щедро награждать и поощрять его. Министр не говорил прямо о его императорском величестве, но несколько раз тонко намекал о его интересе в этом деле. Арсений Федорович не глупец, понимает, что вряд ли министр самостоятельно стал бы лезть в это дело. И если так, то он должен яро копытом рыть, способствуя этому чиновнику гранить его талант.

И, прежде всего, объяснить какую высокую и, надо сказать, и самому не совсем понятную награду дал ему его императорское величество. В положение молодого дворянина, учитывая его небольшие должность и класс, император мог бы просто разрешить министру наградить деньгами или орденом, скажем Святослава 1-й или 2-ой степени. В крайней мере, хотя и это уже крайность, дать из собственных рук недорогой перстень. Но собственный портрет! Да еще украшенный золотом и бриллиантами! Хотите, не хотите, но ведь это уровень чиновника первого или второго класса. При этом и из них не любого, а любимого императора и поставленного им на высокую должность. Скажем, на военного министра или министра финансов. Но не чиновника же XIII класса!

Он внушительно посмотрел на Макурина. И пока попаданец еще догадывался, впрочем, уже почти чувствуя, что к чему, столоначальник твердо произнес:

— Его императорскому величеству очень понравился ваш почерк. И поэтому, он дал вам такого рода задаток. Это я, кстати, немного и от его высокопревосходительства Семена Семеновича Подшивалова слышал, но тс-с-с! Нельзя сказать, что Андрей Георгиевич такие моменты не понимал, пусть и не до конца. Но вот, что ему делать дальше в XIX веке, он не знал. И опыт жизни, и практика деятельности в это время его только испытывали, но совершенно не подсказывали. И он спросил у Кологривова на всякий случай:

— Ваше превосходительство, не подскажите ли нечаянно, как мне дальше в этом случае быть? Ведь его императорского величества касается!

Столоначальник одобрительно посмотрел на него. Хороший молодой человек, вежливый, обходительный. Может далеко пойти, если не споткнется где-то на чем-то. Вот только он в данном случае ему все равно не помощник. Не такой у него чин, чтобы беседовать с государем. Единственно, что он ему мог подсказать:

— Попробуйте по этому поводу у его высокопревосходительства нижайше спросить, только прежде не забудьте поинтересоваться, в хорошем ли он настроении. Министр августейшего государя лучше знает, может и что хорошего скажет. Со своей стороны, будучи уже весьма опытным чиновником, хочу вам посоветовать от доброго сердца: если не знаете, как быть больше, живите и работайте, так же, как и раньше. Ведь если государь выделил вас из общей когорты чиновников, значит, вы его понравились. Что же еще хотеть?

А пока от имени его высокопревосходительства министра Подшивалова позвольте вас поздравить вас со следующим классом — XII. Вы теперь губернский секретарь. Хорошо идете, молодой человек!

Попаданец несколько удивленно посмотрел на своего начальника. Видимо, на лице его все это отразилось. — А как вы думаете, — усмехнулся Кологривов на такую мимику, — его императорское величество соизволило увидеть вас и вы ему понравились. Он наградил вас своей миниатюрой в золоте и бриллианте. Что же вы хотите? Мы, нижестоящие начальники, тоже должны вас порадовать. Вот вам и следующий чин и должность делопроизводителя в особой канцелярии министра.

Он сел на предложенном ему столом в новой комнате. Как всегда, около стола столоначальника. Место справа было свободно. Как пояснил Кологривов, для важных

посетителей, возможно, секретаря министра. А может и сам министр будет приходить, мы ведь теперь его канцелярия! Особое место чиновников особенно обнаружилось в день выплаты жалованья. Ему вдруг выплатили на пятнадцать рублей больше! При чем Арсений Федорович сказал, что по приказу его высокопревосходительства служащим его канцелярии будут всегда выплачивать больше в соответствии с классом и должностью. И не только с основным жалованьем, но и дополнительными проработками.

Что же Андрей Георгиевич был не против, благо комната в новой квартире стоила в месяц почти красненькую. Да еще время от времени дополнительно приходилось доплачивать за дрова и за свечи. Но и работать приходилось гораздо больше, чем раньше. Не каждый день, разумеется, но тем не менее.

И когда титулярный советник Щекин заикнулся было, что надо бы отдохнуть, столоначальник только посмотрел на него ледяным взглядом и сказал, что не желающие работать могут уходить сегодня же. Он будет совершенно не против.

Чиновники на это только зашуршали, как полевые мыши. Уходить из канцелярии они никак не хотели. В ней и жалованье было лучше, и перспективы на будущее виделись лучше. Попаданец же лишь потихонечку хмыкнул. В любом случае он и еще столоначальник работали больше всех. Особенно он. И такой вывод отнюдь не только из самолюбования. С недавнего времени Арсений Федорович требовал все белые бумаги к министру и для министра, как правило, в Зимний дворец, писать лишь губернскому секретарю Макурину. При этом, когда они были одни столоначальник тихонечко шепнул, что это не его инициатива. И его высокопревосходительство министр Подшивалов, и высокопоставленные получатели, даже сам августейший государь просят (а кто имеет право и приказывает), чтобы писал только чиновник канцелярии министерства государственных имуществ Макурин.

Честно говоря, приятно и даже волнительно. Но и работать было надо гораздо больше и внимательнее. Очень внимательно! Любая ошибка вызывала недоуменное замечание, а чернильная клякса еще и злобное недоумение. Пришлось столоначальнику Арсению Федоровичу спешно сесть за проверку бумаг Макурина, тщательно взирая за каждым словом. Понимал, что его подчиненный делопроизводитель просто устает и от этого ошибается.

То есть он и раньше читал документы своего лучшего чиновника, но как бы невзначай, не выделяя его из общего ряда канцелярских служащих. А теперь лукавить не стоило. Слишком много и слишком значимы были высокопревосходительства, чтобы пропускать всякие недостатки. Так и не то, что награду не получишь, еще и чин с легкостью потеряешь.

Остальные оказались на второстепенном месте — переписывали черновики, в основном, внутриведомственного значения, бегали туда — сюда обратно по поручению столоначальника, искали служебные данные, если они требовались, нередко не только в министерстве, но и в других ведомствах. В общем крутились, делали все, чтобы они не считались на шее у остальных. Но все равно, и они, и Макурин с Кологривовым уже вскоре понимали, кто главный работник в канцелярии, а кто составляют серую массу.

Как-то быстро получилось, что вне зависимости от чинов, после официального начальника появился второй — Макурин. При чем в общем объективно, говоря языком XIX века, — от божьего промысла. Ни Макурин не желал этого, ни другие чиновники, а вот на тебе. Все как-то вдруг вместе обусловились: начальник министерской канцелярии — столоначальник действительный статский советник Кологривов, товарищ начальника — губернский секретарь Макурин.

Конечно, в другое время и в другом месте эта ячейка общества (термин самого попаданца сугубо в его голове) забурлила в знак протеста или, что более вероятно, зашипела, зашипела. Как так, без году неделя в чиновничестве, новоявленный губернский секретарь, а уже полез вверх!

Пнуть его, хотя бы за спиной позлословить, пустить злобную не хорошую сплетню, чтобы стыдно стало, чтобы боязно, мерзкий сосунок, гадский заморыш! Завертеть в него чернила, или, хотя бы, бумажный комочек! Но только не сейчас и не здесь. Ибо адресаты сих бумаг, написанных его благородием Макуриным сплошь оказались чиновниками первого и второго класса — генералы высшего ранга, действительные тайные советники и действительные тайные советники 1 класса!

От них за версту забоишься, застрашаешься, а тут надо еще отвечать и надо ПИСАТЬ, ой ахти мне. Не то скажешь, не то, о Господи, пукнешь и эти важные персоны съедят тебя одним взглядом!

Эй, где тут его превосходительство столоначальник Кологривов, где сам мерзавчик Макурин, из-за которого все, собственно, и приехали? Сожрать его немедленно, выпороть немедленно, а если невозможно, то хотя бы лишить его премиальных денег!

Бедный Кологривов и почти бедный Макурин вынуждены были отвечать на так сказать приветствия гостей. Ибо приветствия бранными словами были сравнительными. Однако и шиши, и кланялись, и отвечали и даже тут же снова писали, если надо было. Как Кологривов в эти дни не занедужил сердцем от напряжения и тяжелого внимания важных, сердитых посетителей?

Сам Макурин остался в живых только из-за того, что был попаданцем XXI века демократичным и пофигичным, имеющим огромный опыт взаимоотношения с такими высокими гостями. Да и то во много условным живым. Реципиент из XIX века, в чьем теле он проживал, никак не показывался. То есть он и раньше-то не отвечал. Разум (душа) его улетела, исчезла в XXI век, где и обратилась в теле Андрея Игоревича Макурина, но телс как-то реагировало чувствами. Краснело, бледнело, взбрыкивало сердцем и конечностями, наконец. А тут никак!

Да и Андрей Георгиевич иногда действовал сугубо рефлексам, без деятельности разума, словно и то лежало в обмороке, низжайше прося его не трогать. Однако же выдержал! Пальцы, совсем не дрожа, беспрекословно писали, голос оставался ровным, когда строгим, когда почтительным, тело было, когда надо, уважительным, изящно кланялось.

Спасла их — и Кологривова, и Макурина — только то, что на первых порах в канцелярию министерства государственных имуществ приходили и тоже важно не его высокопревосходительства важные шишки, а их порученцы, адъютанты, чиновники по особым делам, наконец. Эти сами были мелкие человечки и если важничали, то хотя бы Кологривов их легко брал в оборот. Сами, хотя бы и не с усами (усы и упасы боже борода казеным людям строго запрещались), но с опытом и довольно высоким классом.

А когда его превосходительство генерал-лейтенант гвардии министр Подшивалов, понукаемый государем, ускорил свою работу, а значит и работу канцелярии и заинтересованные лица, которым тоже надо было как-то отвечать перед Николаем I, стали сами приезжать в министерство, к Подшивалову, а потом в канцелярию, они уже морально были готовы, почти закалены. Или себя успокаивали, что готовы.

Благо ведь и означенные эти чиновники канцелярии были мелкими, видимые под самыми большими микроскопами (мелкоскопами, как говорили в XIX веке). Общались

заинтересованные высокопревосходительства на первых порах только с министром, да и то по поручению императора. Живо говорили за закрытыми дверьми (все равно кое-кто слышал), и весьма спесиво на людях.

Но небольшие, в общем-то, преобразования в сфере казенных имуществ шли не очень-то хорошо. Император явно гневался и все больше и больше. Ни он и не его министры и другие важные приближенные реформировать текущую реальность не умели и, по большому счету, не хотели. И если бы не настоятельная необходимость, ничего бы и не делали. Но необходимость эта становилась все злее, как во внутренней сфере, так и, особенно, внешней (по крайней мере, зримо). И Николай, который все видел и понимал (а он, несмотря на большие личные недостатки, был человек сметливым и умным), настоятельно требуя и заставляя несчастных приближенных.

В этой когорте реформаторов поневоле Подшивалов был человек далеко не последним. Министр государственных имуществ, то есть сферы важной, но не кардинально необходимой, генерал-лейтенант гвардии, которой монарх доверял больше всех, он должен был или твердо идти за императором, или вообще уйти, скрывшись, например, о Господи, в отставку!

Туда он категорически не хотел и сжав зубы, твердо шел за своим сувереном. Но уйдя по скользкой, как всегда, дороге реформ, он настоятельно нуждался в поддержке уже своих подчиненных. Нет, сначала он постоянно посылал в свою канцелярию адъютантов и порученцев, требуя все новые и новые варианты отдельных реформ. При чем он видел, что Макурин и, может быть, Кологривов, думают, судя по письменным пометам, в том же направлении даже дальше и больше.

А это, с одной стороны, в какой-то мере опасно, с другой стороны, может быть, весьма прибыльно. Ведь если проводимые реформы станут получаться и они будут действительно реформы, то государь обязательно тебя запомнит, как человека полезительного и нужного. А это, значит, что ты твердо останешься в его в свите, несмотря ни на что.

В такой ситуации было крайне необходимо хотя бы совместно подумать и над реформами и, хотя бы немного, над будущем. Посоветоваться напрямую было бы чрезмерно, ведь кто он и кто они? А вот поговорить и послушать ему никто не мешал. И министр все чаще самолично направлялся в свою собственную канцелярию, благо она находилась буквально в нескольких шагах от его кабинета.

Вот и теперь, войдя туда, Подшивалов увидел, что чиновники в поте лица работают. Макурин писал одну бумагу наело, переписывая ее с другой, одновременно дополняя и изменяя ее. Кологривов же, то соглашаясь, то критикуя, стоял рядом. И от этого даже не поймешь, кто из них действительный статский советник, а кто губернский секретарь.

Остальные же чиновники хотя бы не мешали, тихо сидя, и, по поручению столоначальника скоро бегали — то за бумагой и чернилами, то за какими архивными сведениями, а то и за стаканом чаю с сухарями

Появление министра сразу же нарушило эту плодотворную обстановку. Чиновники, забыв обо всем, поднялись и поклонились. Однако Подшивалов только раздраженно махнул рукой. Ему в вначале второй половины дня надо было пойти на августейшую аудиенцию с новыми предложениями, а они тут с церемониями.

Кологривов только удивленно поджал губы, отвернувшись, чтобы его высокопревосходительство не видело. Макурин же ничуть не поразился. Когда, извините, задницу поджигают и не так еще поведешь себя. Он только, еще раз поклонившись, положил

на стол перед Подшиваловым нужную бумагу.

А Кологривов пояснил:

— Вот-с, ваше превосходительство, нижайше думаем и пишем. Еще не доделали, но основа уже есть.

Министр одной рукой схватил бумагу, другой неопределенно махнул в воздухе, типа, не до вас пока, сядьте все и молчите. Он уже видел, четким и красивым каллиграфическим почерком Макурина были написаны так нужные ему предложения, радикальные в частности, но умеренные вообще. Ничего такого крупного они не требовали. Ни ликвидацию крепостничества, ни даже отдельных помещиков в целом. Несколько менялась доля земли между помещиков и крестьянства, да продолжала усиливаться роль государства. Из таких реформ, не меняющих положение в целом, изменения еще принимались. Подшивалов одобрительно посмотрел на губернского секретаря. Молодец, ваше благородие! Кажется, наш человек растет!

Макурин, конечно, так не думал. Если посмотреть между лагерями крепостничества и либералов, то он, двигался больше к последним, чем первым. Но он также понимал, что при Николае I, никакие крупные реформы не прошли бы. И вообще, он не революционер и в XIX веке намеревается, прежде всего, жить, а не заниматься политикой! Пся крив!

Но в общем с властьюпредержавшимися он, кажется, уже сдружился. Об этом говорят и миниатюра Николая I, врученная им лично, и Анна 2-й степени, не большая, но государственная награда. Да и министр Подшивалов улыбается ласково — дружелюбно. Явно имеет его в виду, как невысокого в чине, но ценного сотрудника.

— Господа, — сказал министр почти торжественно, имея в виду, главным образом, столоначальника и его подчиненного Макурина. Остальные чиновники оставались на положение мебели. Не гонят из помещения и ладно, — сейчас я поеду к государю — императору. И если он этот документ примет, а а в нем, как вы понимаете, тоже есть ваш вклад, — то вы будете щедро награждены.

Чиновники, как и полагается, встали и подобострастно согнулись, хотя тот же Макурин кисло подумал, что как раз вклад министра пока маловато, а что наговорит он во время аудиенции, это еще бабушка надвое сказала. А что думал Кологривов, было вообще неясно. Во всяком случае, лица обоих чиновников были украшены подобострастными физиономиями. — Ждите, — сказал Подшивалов напоследок и убыл. Видимо, он сильно нервничал, если даже заговорил со своими же подчиненными в министерстве. Ох, что же еще будет к вечеру, Господи!

Глава 14. Августейшая аудиенция

Как ни волновались его чиновники в собственном ведомстве, как не рвали волосы во всем теле в отчаянии, но все-таки самому главе было куда страшнее. Он же будет разговаривать с августейшим государем всея Руси! И ничего, что он в таком высоком классе и должности. Всего-то лишь падать будет дальше. Императору ведь все равно, на кого гневаться — на дворника или министра. Все одно его поданные, отданные ему Господом Нашим Иисусом Христом!

Подшивалов, конечно, заметно преувеличивал. Со своим министром, а тем более генералом гвардии правящий монарх хотя бы мог поговорить, и не обязательно сердито, а дворника он просто не допустит до своих августейших глаз. Ибо поданных много, а император один — его императорское величество Николай I. Но министру от этого отнюдь не легче, и даже тяжелее.

Озабоченно укрывшись роскошной шубой с бобровым воротником, министр уехал. а Макурин с Кологривовым и остальные чиновники остались ждать и верить. Нельзя сказать, что они были совсем спокойны. Рухни их солидная база в лице Подшивалова, его столоначальник первым на устоит. Даже чиновники и те лишатся имеющихся должностей и, скорее всего, классов. А уж возможных наград не получают, это точно.

Министр — это глава всего министерства. Так ознаменовал их основатель Александр I Благословенный и подтвердил его брат нынешний император Николай I. Не будет министра — не будет и министерства. Макурин, кстати, из общего числа служебной братии мог быть спокойнее всего. С таким почерком, как у него, можно было надеется на покровительство любого монарха или министра. Хотя и он мог быть озабочен. Как знать, если наверху сильно обозлятся на документ, который увез его высокопревосходительство, может, и ему попадет. Охти им бедолагам! И все-таки пока уехавшему министру было труднее всего. Правда, и в случае наград он получит более всех, но это когда еще будет. Побыстрее бы прошел этот тяжелый день или, пусть даже пара этих часов.

Министерский кучер чинно остановил рысаков у парадного подъезд Зимнего дворца. Ух! Подшивалов унял хлопотливую дрожь в слегка замерзших конечностях. Взбодрился. В конце — концов, в первый раз что ли он вылезет под смертельный огонь? Как бывало, в молодости попадали под картечный огонь с покойным ныне Георгием Мак-Уриным. Вот там действительно могли попасть под сливовую пулю из свинца! Эвона!

По-молодецки вскочил с саней, почти побежал, прошел быстрым шагом в парадный подъезд. Где наша не бывала, а император Николай I все же наш православный государь, с которым уже давно, с гвардии, ходили вместе в строю.

Сбросил тяжелую шубу подобострастному швейцару, прошел во внутренние комнаты дворца. Здешний слуга, оказавшийся рядом с высокопоставленным гостем, показал, куда надо идти к императору.

Как оказалось, упоминаемый выше Семен Семеновичем российский государь Николай Павлович находился в своем рабочем кабинете и явно нетерпеливо ждал его, хотя министр совсем не опаздывал. Вот тебе раз, государь ждет! Его, обычного министра, ждет сам Николай I. Ужас-то какой и какое счастье! — Ваше императорское величество! — козырнул он императору, как военный. Он, прежде всего, гвардейский генерал, а уже потом все остальное. И пусть на них!

Монарх приветливо кивнул по-гвардейски, козырять не стал, но показал, что помнит его, как, прежде всего, военного. Вопреки дурному предзнаменованию, охватившему его еще в министерстве, государь был в добром здравии и, вроде бы, ему был рад. Во всяком случае, глаза его молнии не сверкали. А то ведь он мог! Так взглянет, не только женщины, мужчины в обморок падали! — Принес доклад? — нетерпеливо протянул император руку посетителю. Точно ждал и даже в каком нетерпении! Накануне они было договорились о встрече, и о том, что будут говорить. Оба маразмом еще не болели, не зачем подтверждать, по какому поводу августейший хозяин ждет, а гость торопится, нервничая, в Зимний дворец.

Потому Подшивалов не обиделся, молодежато выгащил свой как бы доклад. Он была небольшой, в два листа, но очень важный, как для него самого, так и для России в целом. Как бы его, потому, что накануне они обсуждали этот вопрос и мнений государя было даже больше, чем у всех набранных чиновников, вместе взятых. Очень уж злободневной и острой для императора она была темой.

— Ждал со вчерашнего дня, — признался монарх, — преобразования невесть какие, но все же очень нужные. Дворян же касается. А мы с тобой тоже в первую очередь дворяне.

Получив, Николай не торопясь, стал читать документ, никак не комментируя, ни словами, ни мимикой. Будто читал письмо о погоде на улице вчерашним днем. А Подшивалов, поскольку ему пока делать было нечего, вытянувшись, стоял во фрунт, так, как государь любил, чтобы стояли подчиненные в парадном строю.

— А ничего получилось, — бегло прочитав, наконец оценил Николай. Сдержанно, но не враждебно. Министр оживился. Вчера, в основном, в виде несколько строчек, император уже отметил нужные реформы.

И Подшивалов в министерстве, с помощью чиновников, каких суверен разрешил набрать, должен был это объемно развить. Легко сказать, развить. А как не угадаешь, что замыслил монарх? В целом-то генерал и министр основные идеи императора знал хорошо. Но ведь главная изюминка развивается в мелких деталях, в подробностях. А как не то напишешь, даже в мелочах? Или, что еще хуже, не то распишут подчиненные в его ведомстве.

Понятно, что отвечать будет министр. А ему каково, стоять под гневным взором суверена? Потом-то и он скажет злобно чиновникам, если выживет

Но, кажется, на сей раз пронесло. Государь весьма не гневается, хотя и не очень радуется. Но почему не радуется-то понятно. Не любит Николай Павлович реформы. Понимает, что нужны и весьма надобны в эту эпоху, а не любит. И потому поданных своих не любит, когда они несут к нему подобные прожекты. Вот и сейчас, прочитал и, опершись об стол, задумчиво смотрел на генерала. А он ведь только развивал его же мысли.

Как бы и ему, гм, не прилетело ненароком. Ведь по приказу и по наставлению его императорского величества делал, а все одно, как вдарит монарх. Не хочет, а злобно выругает. За всю жизнь такую плохую. Вот и стоит Подшивалов по стойке смирно. Если уж так, то хоть умереть по-военному. Или принять должное наказание и дальше понемногу жить. Что, может быть, и похуже даже станет.

Николай I, однако, заговорил о другом в докладе, понятное ему и совсем непонятное пока Подшивалову. И опять не ясно, то ли к ругани император тянет, то ли к какой похвале. Как отвечать ему? — Почерк я вижу хороший, гладкий, легко читается. Среди твоих чиновников Макурин писал? — Так точно, ваше императорское величество! — внешне молодежато отрапортовал, как в строю, генерал. Хотя внутренне он уже совсем было

зарабел. А что теперь делать!

Монарху и это весьма понравилось. Не сказал особо ничего, но даже взгляд его смягчился. Уже не смотрит, как на супротивника в сражении.

— Вот ведь как научился писать? — как-то задумчиво сказал Николай, — все учимся понемногу буквы карябать, а большинство все равно пишет, как курица ряба. А этот подишь ты! Молодой человек, а так умеет, что завидки берут! Уже только за это надо его беречь и невзначай не пришибить.

— Я спрашивал на днях у него, — рискнул влезть со своими со словами Подшивалов, — Макурин сказал, что как раз он и не удивляется, почему так умеет писать красиво. Гибкость рук у него хорошая от Господа нашего Бога. И родители, к ому же, пока еще живы были, много и знатно учили, как это делают в настоящих дворянских семей столбовых родов. Так и стал писать очень хорошо на удивление всем.

— Вот ведь как оно! — удивился император, — сами же постоянно говорим, что дворяне это основа России. М-да, — невнятно договорил он в такт своих слов, читая вновь доклад, — А скажи-ка мне, Семен Семенович, вот эта интересная мысль в тексте, кто ее придумал? Не бойся, не рассержусь.

Николай Павлович сел на небольшую — в два человека — софу около скромного изящного стола. Повинуясь небрежному, но настойчивому жесту, Подшивалов сел рядом. Господи, хорошо-то как! Он был сильно взволнован. Еще бы! Сейчас Николай I окончательно включил его в свой близкий круг.

«Боже, замечательно-то как, — млея от такого близкого положения, подумал он, — завтра свечку обязательно поставлю в Исаакиевском соборе, молить буду Господа!».

Перед августейшей аудиенции генерал, за недостатком времени, сам прочитал содержание бумаги не очень внимательно и сейчас буквально впился в текст.

— Ах это, — облегченно сказал он, увидев знакомые строчки. Именно на это настоятельно обратил внимание Макурин, считая, что государь — император обязательно прочитает это. И ведь оказался прав, каналья! — Это написал сам делопроизводитель. Обратился потом ко мне — можно ли? Я посчитал мысль остроумной.

Подшивалов в сомнении остановился, ожидая реакцию Николая I.

— Да не только мысль оказалась остроумной, но и очень точной. «Небольшие реформы могут быть и радикальными, при том, что общий курс развития обязательно и только лишь может быть умеренным». Как хорошо сказано. Пожалуй, и я мог под этими словами подписаться. А? Как ты думаешь? Твой подчиненный постарался. Император вопросительно посмотрел на своего министра, уже не просто требуя, а спрашивая.

— Как будет угодно вашему императорскому величеству, — сразу согласился с этим Подшивалов. Беседовать, а, тем более, спорить сюзереном, он не умел и жутко боялся. Да и зачем? Генерал уже видел — его августейший собеседник докладом министерства доволен. Фу ты, ну ты, Господи наш Вседержатель, пронесло!

— Скажи-ка мне, Семен Семенович, как там живет — поживает чиновник твой господин Макурин? — совсем другим тоном спросил Николай. Подшивалов понял — деловые разговоры закончились, начались так называемые беседы на светский тон, когда хорошо знакомые люди переламявали время на общие темы. Для Николая это означало, что все важное закончилось, и он весьма доволен собеседником.

— Андрей Георгиевич замечательно работает, — поспешил министр выдать свежие новости, — важные бумаги вашему императорскому величеству в беловом варианте пишет

только сей делопроизводитель. Как и к большинству министров и сенаторов. Никто до сего времени не жалуется. Хороший почерк, прекрасный слог.

— Вижу, — кивнул Николай одобрительно, — хорошо пишет. Красиво и понятно. При чем ведь речь идет не только о почерке, но и содержании требуемых бумаг. Внятно, понятно, даже элегантно. Мне это очень даже приятно.

Он помолчал и вдруг задал задавать неприятные вопросы. Ну не знал об этом Подшивалов, министр он, а не батюшка. Но ведь августейшему монарху так не скажешь! Не поймет, да еще обидится.

— Скажи-ка еще, а как личная жизнь у этого молодого человека, как его ты за последнее время наградил?

— Личная жизнь? — несколько удивился Подшивалов, из последних сил оставаясь элегантным. Признался: — да честно говоря я и не узнавал особого ничего. Сам говорил, что приехал в Санкт—Петербург, прожился, на службу в министерство поступил.

— Жаль, — покачал головой Николай, — ты так много рассказывал о Макурине и его семье, что я надеялся и впредь будешь узнавать, — сказал почти печально, спросил о другом: — и все же, как ты награждаешь этого работоспособного молодого человека? Жалко, если он уйдет в отставку. Вот ведь опять не хорошо! Второй раз промахнулся с этим очень способным, но уж каким-то неудобным чиновником. И какая там отставка, только что начал служить?

— Я мнэ, — сглотнул министр, — недавно он получил орден Святой Анны 2-й степени, чин губернского секретаря и должность ведущего делопроизводителя министерства. Думаю, в этом году наградить его орденом Святослава, — Подшивалов хотел сказать 3-й степени, во время подумал, что для императора это немного, на ходу поправился: — 2-й степени, — потом, посмотрев на недовольное лицо монарха, сказал: — или даже 1-й.

— Звучит хорошо, — одобрил Николай, но тут же в пику этого сказал: — однако же, пока эти награды означают небольшой орден, маленький чин служащего и должность, которая больше предусматривает много трудной работы нежели особого почета. Денег ты много доплачиваешь за нее?

Подшивалов, собиравшийся очень мягко, но возразить монарху по поводу наград, сразу сник:

— Пятнадцать рублей ассигнациями, ваше императорское величество.

Для министра это были весьма небольшие средства. Для императора целой России, тем более, тоже.

Николай немного раскинул что-то в голове и объявил:

— Пожалуй, я все же заберу его у тебя. Больно уж он хорош для такого положения, — император почти любовно погладил полученный документ. Обратился к Подшивалову: — я, может быть и рассердился бы на тебя, ведь сам лично просил тебя побережь. а ты действуешь как-то вяло. Как-то не очень-то хорошо. Ты посмотри, чиновников в столице набралось много, а пишущих хорошо до безобразия очень мало.

Подшивалов еще попытался вяло брыкнуться, потом затих, понимая, что император, как всегда, прав. Он виноват и даже весьма!

Николай, сделавший специальную паузу для понимания министра, одобрительно кивнул: — Хотя я все равно, не злюсь на тебя. В благодарность за твою хорошую службу, скоро, на пасху этого года, я награжу тебя Святым Владимиром 1-й степени.

Он посмотрел на генерала. Знал, что Подшивалов давно уже ждал этот высокий орден,

считая, что он должен его получить по должности министра и по классу генерал-лейтенанта гвардии.

Министр, очень довольный словами монарха, встал и почти по-штатски поклонился. Наконец-то, ведь сколько ждал и, наконец, получил. И все ведь, м-гм, из-за Макурина! Нет, если человек хороший, то уж во всем.

— Садись! — кивнул император обратно на софу, — знаю, что из министерства ты очень хочешь обратно в гвардию. Так вот обещаю, как только проведем реформы, сам лично представлю тебя во вторую дивизию командиром.

Подшивалов гораздо живее, чем раньше, вскочил и не поклонился, по военному щелкнул каблуками о паркет. Наконец-то обратно в гвардию. Счастье-то какое!

— А Макурина мне сам отправь где-то на днях, — попросил, улыбаясь, император, — да награди его чем-нибудь. Класс чиновника дай повыше и деньгами из фонда министерства, положение министра ведь это позволяет? А орденом и я награжу.

— Так точно ваше императорское величество! — снова щелкнул Подшивалов, — благо и повод есть, скоро ваше тезоименитство, а потом пасха.

— Вот и прекрасно! — одобрил император, добавил: — и столоначальника его можно порадовать. Скажи ему, что я приказал немедля оформить бумаги на потомственное дворянство. Пусть хоть завтра идет в герольдмейстерскую контору.

И милостиво отпустил министра. Подшивалов ему почти нравился. Честный, прямой, настоящий гвардейский генерал. Правда, из-за этого он имел и несколько недостатков — не очень гибкий, не думающий особо над поступками и докладами. Сегодня, при работе над министерскими преобразованиями, он буквально прыгнул над собой. Молодец!

Хорошо зная Подшивалова, Николай только гадал — грамотный столоначальник Кологривов ему помог над докладом или этот молодой чиновник, прекрасный, но пока неопытный дворянин? И, похоже, как он понял, речь шла именно о втором. Ай да, Макурин, ай да сукин сын! Ничего, теперь он послужит и ему лично!

Что же, если так, то даже лучше. Николай уже несколько лет, практически со времени поднятия на императорский престол, мучился с поиском личного помощника. Ведь министерство хорошо, но конкретный человек поблизости тоже замечательно. И этот помощник должен был иметь, во-первых, прекрасный внятный почерк, о чем император громогласно всюду провозглашал, и во-вторых, о чем он буквально мечтал, он должен будет иметь такие же мысли. Чтобы он только намекнул, а помощник уже знал, как и куда ему бежать и чего писать.

С Макуриным, похоже, ему повезло. Положенный министром доклад показывает — кажется, нашел такого. При чем с почерком точно, с мыслями очень может быть. Ну если нет, то он воспитает и обучит, — самонадеянно подумал император,

— Россию обучил и смирил, ужели одного человека не сумеет? Всего этого Макурин, разумеется, не знал. Хоть и попаданец из будущего, а все же не Господь Бог или, по крайней мере, не голливудный Джеймс Бонд с шпионской техникой XXI века. А историю он просто не проходил. Не историк все же.

ОДНАКО, не знал, но докладывался. Опытный по коммерческой службе будущего века, то есть совсем другого, но все же очень похожего. Ведь те же люди, пусть и другой эпохи! И этот его опыт, даже не предсказывал, а буквально вопил, что, видимо, ему должно серьезно в этой жизни подфартить. Ведь не зря же ему помог сам Бог. И сам он виртуозно поработал. С его-то почерком, да с его-то знанием будущего, как России в целом, так и Николая I в

частности! Если он не бестолочь, не удачник, то может!

Правда, несколько фактов несколько ослабевали его позиции и попаданец это четко понимал. Самое главное — понравится ли императору доклад его министра, в которого он вложил так много труда и времени? Доклад имеется в виду, а не министр. Вот это, пожалуй, самое тонкое, самое деликатное место в его положение. Прямо скажем — опасное. Ведь Андрей Георгиевич Макурин — персонаж XIX века, отнюдь не революционер и не создатель монархов. Пусть другие создают новую Россию, а он будет просто жить.

Но примет ли его Николай I с его гипертрофированным самомнением? Это еще бабушка на двое сказала. Или, может, еще на большее количество направлений. Конечно, у него, как у любого здравомыслящего человека, есть резервные позиции, на которые он может отступить. Вот только не хочется отступать. Хочется, наоборот, решительно наступать. Ибо любое отступление это, как ни говоря, а не хорошо. Вот ведь как думается!

Где-то внизу от входной двери, послышался громкий шум и говор многочисленных людей. Очевидно, министр Семен Семенович Подшивалов приехал! Наконец-то, сколько можно мучатся!

Андрей Георгиевич хотел швырнуть на стол гусиное перо, но сдержался, переборов себя, аккуратно положив его рядом с чернильницей, предварительно вытерев о бумагу. Вопросительно посмотрев на столоначальника. Кологривов тоже маялся в ожидании министра. Если тот рухнул бы, то и он никак бы не удержался в стороне, так же бы рухнул. Впрочем, в случае победоносного окончания он бы тоже тоже не устоял, обязательно бы был награжден.

Столоначальнику явно не сиделось и, поймав взгляд Макурина, он не удержался, решительно сказав:

— Я, пожалуй, пойду, посмотрю, что там за шум.

И вышел из комнаты под завистливыми взглядами сидящих. Остальных чиновников, кроме Макурина, сегодняшние события особенно не затрагивали, то есть так или иначе шлепнули бы, но очень уж по касательной. Они больше любопытствовали, но так сильно, что даже воздух наэлектризовывали. Вот ведь истинные бабы! Хотя Кологривов долго не ходил. Похоже, он и не отходил от их помещения. И понятно почему.

В коридоре раздался громкий голос министра. Веселый, зная визит у монарха был нормальный, но уже немного сердитый. Подшивалов не собирался быть источником для любопытствующих подчиненных.

Столоначальник об этом догадался раньше. Все же опыт великое дело! Он не только зашел в комнату, но и быстро прошел к столу Макурина, как бы тщательно ревизуя его работу.

Так их и застал министр. Макурин и Кологривов что-то беседовали, склонясь над бумагами, явно планируя будущую работу. Остальные чиновники, предупрежденные их действиями, тоже корпели над чем-то. Уж, как показывать свой труд они за годы работы научились!

Поэтому ругать чиновников собственной канцелярии Подшивалову было не зачем. Он удовлетворенно кивнул и сам(!) позвал их в свой кабинет. Господи, честь-то какая! Ведь не секретарь позвал, не порученец. И ничего что он просто бы прошел от входной двери до министерского кабинета. Мог бы его высокопревосходительство уже от своего стола вызвать подчиненных.

Не только губернский секретарь Макурин, всего лишь XII класс, но и Кологривов

действительный статский советник, сам штатский генерал, его превосходительство, радостно улыбнулся и поспешил в кабинет министра, чуть ли не побежал.

Андрей Георгиевич, конечно, так не радовался, пока причин этого не было, но и не замедлился за своим начальником. Нечего тормозить, показывать инсургентов из себя.

Пока они пробежали до министра, он уже снял шубу и стоял перед зеркалом, прихорашивался, как-то непонятно примеряя на военном мундире. Вицмундир у него тоже был, но Подшивалов открыто не любил штатскую одежду, пусть и слегка военизированную.

— Пойдет мне сюда Владимир 1-й степени? — горделиво спросил министр, одновременно объясняя свои манипуляции с мундиром.

Не дожидаясь ответа, перешел в небольшую столовую рядом с рабочим кабинетом. В ней уже секретарь торопливо расставлял фужеры. А увидев министра, выставил на стол бутылку французского шампанского.

— Так, — весело потер руки, — выпьем сегодня шампанское. Государь, как вы уже понимаете, доклад мой одобрил, наградил. И не только меня. Арсений Федорович, можете уже завтра идти за бумагами на дворянство. Государь немедленно велел все приготовить!

Новость была очень приятная и Кологривов рассыпался в благодарностях. Наконец-то он становился настоящим дворянином. Помедлив немного и выждав театральную паузу, Подшивалов сделал знак секретарю разливать шампанское, сказав:

— А вы, молодой человек, больше не являетесь моим починенным. Его императорское величество объявил мне, а через меня и вас, о вашем назначении вас чиновником в штат в собственную его канцелярию.

Глава 15. Движение к монаршему двору

За последующих нескольких минут его высокопревосходительство министр набросал на своих самых преданных или, хотя бы, работающих чиновников большой массив информации. Андрей Георгиевич сначала искренне удивился, потом, кажется, понял.

От чина и должности Подшивалова до чиновников расстояние было огромное, можно сказать, космическое. Но, по крайней мере, Макурин теперь становился вблизи от царя, и он потенциально имел очень хорошее будущее. А сам Семен Семенович себя уже министром не видел. А что ему, гвардейскому генералу, до любых штатских штафинок?

И потом, у него прямой приказ его императорского величества относительно Макурина и, несколько меньше, Кологривова. Самое же главное, августейший покровитель опять его обласкал и очень хорошо относился при встрече, чего с ним уже не было достаточное время. Вот за это и можно было выпить!

Он взял фужер с шампанским и торжественно предложил выпить. Конечно, про себя Подшивалов сказал другое пожелание, более откровенное и оптимистичное. Да и сами они явно проговорили свое, более интимное напутствие. Пусть их.

Выполняя пожелание (приказ!) монарха поздравил обоих пока еще починенных. Наградил Макурина и за одним Кологривова деньгами из статей бюджета министерства. Каждому по одной тысяче рублей ассигнациями. Его императорское величество, правда, говорил только про Макурина, но ведь он не мог так оставить его столоначальника. А тому сто рублей не отдашь. Класс не позволяет.

Кстати, про класс-то. По повелению Николая I...

— Андрей Георгиевич, поздравляю вас с X классом, с коллежским секретарем по повелению его величества.

Ого! Честно говоря, попаданец ожидал нечто положенное. Но подняться на два класса, это ж какого надо покровителя иметь! Нет, разумеется, и определенные способности тоже, только без покровителя карьеры никак не сумеешь. Бюрократические условия. Неужели, ему сам Николай может помогать? Здорово!

Он с большим удовольствием поклонился (чиновничья традиция!), сказал несколько лестных благодарственных слов. Кологривов тоже немного поговорил, поблагодарил за премиальные и, особенно за помощь за дворянство. Не так сильно, как Макурин, и поклон и слова, но тоже немного красиво. Сразу видно, опытный чиновник.

Подшивалов от действий подчиненных и от двух фужеров шампанского, выпитых сразу, подобрел, стал рассматривать разные варианты повышения. Впрочем, и для попаданца в министерстве все уже было в прошлом. А вот французское шампанское было очень вкусное. Он бы и второй фужер удовольствием выпил, да Семен Семенович больше не наливал. Неужели пожадничал, бутылка импортного шампанского в те годы стоила где-то рублей три — пять серебром? Скорее, наверное, не захотел пить с подчиненными. Что ж, вольному воля, он и сам купит любое спиртное.

Напоследок министр неожиданно резвым голосом сказал, то император велел ему привезти Макурина в Зимний дворец послезавтра. Однако, вряд ли Николай Павлович удержится от соблазна почитать служебные бумаги с таким красивым почерком. Так что, на всякий случай, — он посмотрел на Кологривова, давая понять, что это и его касается, — надо ему выписаться с прежней службы в министерстве уже сегодня. А завтра будет сидеть у

него в секретариате в ожидании.

Голос был спокойный, даже бархатный, но Кологривов и даже сам Макурин восприняли все это, как наистрожайший приказ. За остаток дня столоначальник, действуя с большой энергией, оформил все нужные бумаги и даже получил на него деньги. Это было приятно. А вот неприятно было то, что Кологривов мягко, но настоятельно попросил в ближайшие дни выселиться из квартиры. Основывал он это тем, что в министерство и конкретно в канцелярии возьмут нового чиновника и ему потребуется жилье. В принципе, квартира у него была не служебная, снимал он ее на свои деньги. Просто Кологривов порекомендовал туда заселиться. Да и пусть, выедет, благо это жилье ему не очень-то нравилось.

С этим и вернулся домой на квартиру. Хотел прийти домой с бутылкой водки. Но вовремя вспомнил, что этот напиток в эту эпоху, как и другие крепкие напитки в высшем свете не пили с легкой руки правящего императора Николая I. Считалось дурным тоном. И ему, как верноподданному россиянину, очень не рекомендовалось. Да и, честно говоря, не очень-то и хотелось. И так что-то разухарился, что даже шампанское не взял. Зато поел в соседнем трактире, прямо-таки нажрался, как боров. Сначала плотно покушал жареной свининки со сметанным соусом и с жареным же картофелем. Его в это время еще не очень-то ели, хотя кое-где в трактирах предлагали в меню. Потом купил на вечер различные закуски и ух, опять наелся. Ветчина, несколько салатов, яблоки на десерт. Даже пощупал живот на предмет ожирения. И вроде бы нашел какие жировые прослойки. Вот ведь нехороший чиновник.

Наутро одевался не торопясь, вдумчиво рассматривая каждую деталь. Сверху надел награды — Анну 2-й степени, опять же шейный наградной портрет Николая I. Однако, растем! Прожженный Кологривов вчера посоветовал идти, как на парад. Ведь будет на виду у его превосходительства и возможно, других сановников. А, может быть, и в Зимнем дворце окажешься. Все может быть.

Вот и смотрел Андрей Георгиевич на себя в довольно большое настенное зеркало. Смотрел и все больше себе не нравился. То есть не то, что бы очень. Если не требовать парадного мундира, то даже ничего. А орден и портрет весьма и весьма ставили его в почетный ряд солидных чиновников.

Но тем не менее, когда виделись разные мелкие невзгоды, настроение портилось. В свое время, когда покупал, немного продешевил, материю взял попроще, работу портных подешевле. Считал, что в министерстве и так сойдет. В министерстве и так сошло, а в приемной министра? А в Зимнем дворце, да еще при императоре? Стыдно должно будет, милостивый государь!

М-да, деньги ведь накануне дали, буквально с неба упали. Одна тысяча рублей ассигнациями. Сумма хоть и не огромная, но не только для простонародья, для среднего уровня чиновников большая. Вот и купишь хороший повседневный вицмундир. Хоть будет не стыдно.

В приемном покое министра на некоторое время вообще никого не было. И не закрыто ничего, кроме массивных сейфов. Приходи да бери, что хочешь по столам, хоть деньги, хоть бумаги. Потом прибыл секретарь министра. Неизвестно, что наговорил ему министр, но белокурый коллежский ассессор, несмотря на класс и на перспективу — он был с высшим образованием и потенциально мог рассчитывать на высшие чины, — вел себя относительно скромно. Не тыкал и не ругался. Показал Андрею Георгиевичу его временное рабочее место, поделился с одной чернильницей и небольшой стопкой бумаги.

А затем пришел министр и Макурину пришлось без роздыха писать и как бы даже не вчерашний доклад с пометами императора и министра. При чем если министр отмечал просто — там заменить слово, там убрать предложение и даже абзац, то августейший ревизор еще и требовал частичной замены предлагаемых реформ, убыстрить или замедлить темпы и так далее.

Логично предположив, что это работа не мелкого чиновника, попаданец с легким сердцем показал министру замечания Николая I. Ведь секретарь, абориген этой эпохи, с ним полностью согласился. Или, по крайней мере, резкого противодействия он не произвел. Пару раз угукнул и вернул обратно нужные бумаги.

Мда-с, оказалось, что в XIX веке логика была совсем другой, а секретарь тут был не указ. Подшивалов только ткнул взглядом в бумаги, выслушал объяснения Макурина и потребовал писать и сочинять самому. А его высокопревосходительство будет только проверять. Вот те НА-НА. Это ж что, он и будет делать теоретическую часть будущих крестьянских реформ 1830-1840-е годы? Фига-се! Он же кабинетный регистратор, тьфу! Нет, он уже губернский секретарь, опять мимо! Он уже коллежский асессор, вот! А между прочим, это где-то в середине почти бесконечной лестнице чиновничьей карьеры. VIII класс! Правда, тоже немного, армейский капитанишка! Или, при Николае майор. М-да, а он ведь, как Наполеон! Хотя тот вроде бы из поручиков в генералы пролез, а он в меньших чинах барахтается. Зато никого не убивает! Хо-хо! А вот думать, пожалуй, придется. И дотошно, серьезно напрягая серое вещество, изменять содержание доклада по замечаниям Николая I. Это серьезно, тут не пошуткуешь.

Так, что тут ему не нравится? Темпы высокие пишет? А у нас как с министром — несколько лет? Император Николай прославился невысокими, прямо-таки медленными темпами преобразований. Ну, это еще ничего. Как показывает практика его сына Александра II, не всегда высокое развитие сугубо замечательно. Еще и неблагоприятная родина может дать большой ответкой в виде смертоносных гранат... Хотя, Александр, в принципе, уже в огромном форс-мажоре был. Ответим Николаю более низкой скоростью? Пишем, крестьянская реформа может постепенно развиваться... сколько он там правил, до 1856 года? Если сейчас начало 1830-х годов, значит, поставим хронологию в двадцать лет. Времени до хренищи, топ cher, там подкорректируем. Потомки простят. А если нет, то наплевать. Главное, его подтолкнуть. Плохо не медлительность, а вообще отсутствие реформ императора. Ни простых отдельных, ни целого комплекса.

А вот там серьезнее. Николай I сомневается в пути развития и ходе отдельных итогов. Можно, конечно, поспарринговаться, посоревноваться с силлогизмами. Зачем? На хрена козе баян? Пишем, для начала можно провести небольшую реформу в ограниченных масштабах, скажем, в некоторых поместьях удельных крестьян. Вот и на своих крестьянах попрактикуется.

Написав это, Андрей Георгиевич задумался. Ведь хотел же потихонечку пожить в XIX веке небольшим человеком, даже чиновником. Воздух — свежий, питание — натуральное, история — известная, гарантирует в ближайшие десятилетия, вплоть до начала XX века спокойствие. Чего еще тебе надо, кроме некоторой толики денюжек? Так нет, аборигены... э-э-э, скажем так, нехорошие, тянут его в политику. Вот ведь, агхм!

И уже в спокойствии, ничуть не сомневаясь, своим каллиграфическим почерком начертил на свободном месте в середине доклада:

— Ваше императорское величество! Теоретизировать о сиих мудреных постулатах

можно еще долго. Так же, как рассуждать о количестве ангелов на острии иглы. Но все-таки мне, пусть и молодому, но имеющему малую толику опыта крестьянского наставничества, кажется, хватит писать, а надо делать в каком-нибудь губернаторстве хоть бы отдельные элементы.

Ваш покорный слуга коллежский асессор Макурин.

И честно положил в министру Подшивалову, предварительно спросив разрешения у секретаря. Сам министр опять где-то отсутствовал. То ли в министерстве в одном из департаментов, то ли где-то еще. Для светского бала еще, вроде бы рановато.

Едва успел. Напророчил-таки! В приемной оказался сам министр. Точно откуда-то пришел из Санкт-Петербурга, судя по шубе и теплой зимней фуражке. Когда успел так солидно одеться? И какой-то немного озабоченный, если так можно говорить о взрослом солидном мужчине в военном звании генерал-лейтенанта гвардии. Но попробуй по-другому скажи? очень уж нервным и возбужденным он был. Оглянулся вокруг в приемной, словно искал чего важного, нужного, но совсем невидимого. Остановил взгляд на Макурине.

Андрей Георгиевич, поняв, подсказал:

— Если читаемый сегодня мною доклад его императорскому величеству, ваше превосходительство, то он в вашем столе в кабинете. Исправленный и вычитанный.

— Угум-с, — невнятно сказал министр, бросил одежду на руки секретарю и стремительно вошел в свой кабинет. Видимо, к означенному докладу, а, может, и нет? Тогда зачем так быстро?

Во всяком случае, там он был недолго, уже через буквально через несколько минут также скоро вышел, бросил папку с бумагами, видимо, с докладом, со словами:

— Собирайся, Андрей Георгиевич, некогда нам. Сегодняшнего дня передали — государь нас ждет к обеду. Как бы не опоздать ненароком.

«Ого, вот это я проскочить сумел, уже к императорскому столу! — даже удивился попаданец, — Вот это да! Теперь, ваше высокоблагородие, все условия даны, все только лично в тебе. Если промахнешься, дураком будешь круглым».

Макурин почтительно встал и вытянулся, давая понять, что понял. Министр кивнул, зайдя на ненадолго в кабинет. А он приготовил несессер, вкладывая туда различные чиновничьи мелочи, пока министр не ушел. Одновременно философски размышлял.

А что есть в тебе, Андрей Георгиевич, на данном момент в физическом и моральном отношении?

В физическом отношении у тебя есть смазливая мордочка и стройная, гибкая фигура, остающаяся такой несмотря на нехорошие попытки отъестся на натуральной и, надо сказать, очень вкусной пище XIX века.

В моральном плане, благодаря Господу нашему, ты имеешь в молодой оболочке опытную душу с рядом квалифицированных навыков XXI века, которые очень даже помогают и в этом времени. Например, умение кланяться. Или умение красиво и внятно писать. Зачем, спрашивается, все это надо в XXI веке? Так там и не надо оказалось. Зато очень помогло в прошлом.

А теперь пришло черед еще одно умение. Кстати, на ура встречаемое и в будущем и современном настоящем. Умение публично красиво и культурно кушать. Вы хотите сказать, что же здесь такого — поднести ложку или вилку с пищей во рту и не уронить мимо по пути? Ха, КУЛЬТУРНО и КРАСИВО, так чтобы у окружающих дух поднялся.

Он замер, видя, что Подшивалов уходит. Опаньки! Макурин поторопился надеть

шинель, форменную фуражку, взял несессер и поспешил за министром. Подшивалов, видимо, действительно торопился, поскольку, несмотря на осторожную вежливость, а молодого дворянина, судя по всему, ждало блестящее будущее, он медленно шел к входной двери. Потом, увидев Макурина, он уже зашевелился быстрее. Впрочем, на улице петербургский морозец заставлял убыстрять движения и без этого.

Они погрузились в министерские парадные сани, ямщик заботливо укрыл меховой поневою и без понуканий погнал рысаков. Время императорского обеда подходило. Не дай Бог опоздают! Андрей Георгиевич в свое время как-то ненароком, без какого-то практического намерения, читал в интернете, что Николай I обедал поздно. Хотя вставал он в 6.00 — 7.00, но обедал, когда был в Санкт-Петербурге около ближе к 16.00.

Они подъехали к парадному подъезду Зимнего дворца уже когда зимние сумерки начали на улице заметно сгущаться. Впрочем, в нужных помещениях дворца было светло. Свечи не жалели.

— Ну те-с, — Подшивалов вдруг остановился, бегло, но цепко посмотрел чиновника. Внешний его вид в целом успокоил генерала. Вицмундир был хотя повседневный, но с элементами парадного мундира, а юная физиономия очень даже украшала. Хороший мальчик! Предупредил: — С государем можешь быть почти на уровне, но не ни в коем случае наглеть! Ничего не скажет, но обязательно припомнит. В общем, я на тебя надеюсь. Его величество специально пригласил тебя на обед, чтобы присмотреться. Если понравишься, останешься во дворце, если нет, то и из столицы можешь вылететь в два счета.

Вошли в столовую. Обедал Николай I обычно в узком семейном кругу, с женой и взрослыми детьми с ограниченным числом поданных из числа личных друзей. Сам Подшивалов, хотя и был гвардейцем, в него не входил и поэтому обедал считанное количество раз. Хотя и сейчас, в принципе, генерал был лишь при Макурине. Его аккуратно отсадили в сторону, а он и не сопротивлялся. Хватит и того, что сидит на обеде у императора. А вот Андрея Георгиевича посадили напротив Николая Павловича. Августейший государь хотел его видеть и, как оказалось, разговаривать.

Что же, он даже ничуть не против. Вицмундир скромн, но чист и не порван, руки мытые со стриженными ногтями, голова ухожена, несессер отложен пока в сторону. В столовой он не нужен.

На первое сегодня были щи с говядиной. Здорово! Редко, когда оценки попаданца и рецепиента совпадали. Нередко было, то первому казалось великолепно, второму виделось обычным явлением. Но на этот раз радовались оба. А свежий ржаной хлеб только подчеркивал вкус капусты. Он даже закрыл глаза, предаваясь вкусовым оттенкам. Это не ускользнуло от императора.

— Понравилось? — даже несколько удивился он. Обычно молодежь, избалованная на прелестях французской кухни, ела буквально из под его грозной палки. Из-за этого тот и не садился с ними обедать. Исключение делалось только для собственных детей. Но тут уж никуда не денешься.

— О, mon dieu, как вкусно, государь! — как бы не выдержав, воскликнул Андрей Георгиевич. Он немного рисковал, с императором требовалось быть почтительнее и осторожнее. Не дай бог обидится! Но попаданец учитывал, что внешне он еще молодой человек и ему можно было быть иногда порывистым. А щи с какими-то добавками были действительно прелесть.

Ему повезло, Николай I лишь улыбнулся, глядя на юношескую непосредственность. Зато

заметил, глядя, как он ест:

— А ты красиво вкушаешь, очень уж вычурно. Где так тебя научили, опять в родной семье?

— Да, милостивый государь, — утвердительно кивнул попаданец, — моя покойная матушка считала, что дворянином не только рождаются, но и становятся. И, прежде всего, по манерам. Она учила такому искусству кушать всех детей и даже отца.

— Как хорошо! — не выдержала императрица Александра Федоровна. Она посмотрела, как он красиво и культурно ест суп, не пролив ни капли и сказала супругу: — я ведь говорила тебе, возьмем французского гувернера, теперь Саша так бы обедал.

— Ну, — неопределенно ответил Николай. Их первенец Александр был уже достаточно взрослым, чтобы так учиться. А в детстве научился бы — это еще вопрос.

— Ах! — опять вздохнула Александра Федоровна, посмотрев на чьего-то такого культурного сына, — я понимаю, что теперь об этом говорить уже поздно, но хотя бы пусть напротив Александра обедает этот юноша.

Николай I оценивающе посмотрел на попаданца:

— Вообще-то я хотел поставить его своим личным чиновником, так что пусть обедает в нашей столовой. Но это не должно мешать нашей деловой стороне. Он мне очень нужен при письме.

Андрей Георгиевич и не подумал такому далекому последствию своему красивому умению кушать. Но что ж теперь. Он встал, изысканно поклонился сначала императору, затем, как-то так ловко переключился на государыню и их детям. Сел обратно.

— Где ты достал такого чудо? — еще раз удивившись вычурным манерам, спросила Александра Федоровна.

— Из Тверской губернии, — несколько самодовольно сказал Николай, как будто именно он был первопричиной его появления. Впрочем, в какой-то мере так и было. Ведь он прибыл в Санкт-Петербург по решению императора в числе других дворянских сирот — жертв эпидемий.

— Мои папа — дворянин из Шотландии, а мать — урожденная местная помещица, — добавил лишь Андрей Георгиевич.

Николай I кивнул. Изысканные манеры юноши и вмешательство жены только заставили его быть тверже в сделанном ранее решении оставить Макурина около себя. Значит, так суждено самим Богом!

После обеда он по предложению, считай по приказу императора Николая, отправился в его рабочий кабинет, опять прихватив несессер. Андрей Георгиевич и не протестовал. Он чиновник, а не светский деятель. Не обедать пришел, а работать. И потом, куда идти! Никаких эмоций!

И только когда пришел в кабинет и, пользуясь одиночеством, огляделся, его окатила волна ажиотажа. Он оказался рядом с самым всероссийским императором Николаем! Вау! Неважно кем, но совсем неподалеку. Может, хватит мечтать о судьбе рядового аборигена? Он будет пусть не всеильным повелителем, но фаворитом-то точно. Второй Потемкин-Таврический!

В коридоре раздались тяжелые властные шаги. Так может ходить только император — хозяин не только дворца, но и всея Руси. Попаданец заметался, не зная, куда приткнуться. Наконец скромно приткнулся, быстренько вытащил из несессера листы бумаги, чернильницу, гусиное перо. Он готов.

Заскрипела дверь, рвя нервы в клочья. Сейчас войдет император! Однако вошел... всего лишь неизвестный слуга. Фу ты! Что так разволновался?

Довольно пожилой седой слуга пришел с небольшим столом. Сказал, что стол по приказанию государя для него. Предусмотрительный монарх, однако. Правда, стол бы нужен побольше. В XXI веке он назывался бы туалетным. Всякую женскую мелочь на него держать очень даже можно. А вот писать на нем будет неудобно. Ладно, что ж теперь, попишет и на этом. Главное, что б почерк не испортил.

Вскоре зашел император, увидел принесенный столик, разобрался. Оказывается, он имел в виду совсем другой стол. Не слушая скромный лепет Макурина, что ему и этого хватит, зазвонил в колокольчик.

На звон поспешил уже знакомый слуга, которого император называл Никодим. С ним Николай разговорил мягко, но отрывисто. Чувствовалось, что это пусть и старый знакомый, но все же слуга из простонародья. Поговорили. Никодим извинился. При чем перед монархом, хотя пострадать должен был Макурин.

Что же делать, — философски подумал попаданец, — зато тот целый государь, а он пока никто.

Император, кстати, тоже почувствовал сложность ситуации, тут же познакомил Никодима с Андреем Георгиевичем. При чем именно так он и назвал. Одного просто по имени, другого по имени-отчеству. Потому что один выходец из казенных крестьян, а другой из столбовых дворян.

Никодим вынес туалетный столик, принес при помощи еще слуги простенький, но письменный стол. Разобрались, расселись, стали работать.

Николай I до этого писал нечто вроде аналитической записки. И были еще записки какого-то незнакомого чиновника, которого император задним числом сильно разругал. Видимо, был сильно недоволен. Чиновник должен был написать беловой вариант. Ха! Ему и черновой вариант давать не хочется.

Андрей Георгиевич, присмотревшись, недовольством монарха был согласен. Грязно, неряшливо, почерк, как курица лапой.

Государь грозно приказал, видимо, для обычной проверки, взять два исписанного листа самого императора, полтора листа одного чиновника и составить простой внятный текст. Понятно?

Что же непонятно. Попаданец коротко согласился и стал писать. По-видимому, это был не тот вариант, который предпочел бы император, поскольку он затоптался рядом, недовольно засопел. Но потом пригляделся к работе Макурина, притих.

Через некоторое время, написав пять абзацев для проверки, он уже специально попросил сюзерена посмотреть и оценить, так ли он написал, а если нет, то что надо поправить.

Николай I недоверчиво взял единственный лист бумаги. В голове, похоже, не укладывалось, как можно в такой короткий срок начать превращать несколько листов исчерканного, грязного, не совсем понятного текста в четкий внятный беловик. Легко же ошибиться!

Пока он разбирался с тем листом, Андрей Георгиевич переписал еще пол-листа. Все-таки переписать, это не самому написать. Да грязно, зачастую непонятно из-за невнятного почерка и черканий. Но он с этим еще в XXI веке разбирался. Там компьютеры так людей разбаловали, писать зачастую не могли.

Император прочитал. Сделанное его удовлетворило. Он уже сел на свое место уверенно, по-хозяйски. И стал не просто проверять написанный текст, но и работать с ним. Один абзац он вообще вычеркнул, в другом абзаце переписал предложение, ему не понравилось содержание.

Пока монарх работал, попаданец переписал, а отчасти переделал остальной текст. Получилось еще полтора листа. Николай недоверчиво посмотрел. Четыре листа, в основном неполных, тогда как у него недавно было два полных листа. Да еще этот губошлеп напортачил. Что же он не написал?

Его недоверие и даже подозрение так нарисовались на лице, что Андрей Георгиевич решил объясниться:

— Ваш императорское величество, белого теста так получилось мало из-за того, что в черновике много было грязи, зачеркиваний, даже различных повторений. Все это я, конечно, убрал.

Император кивнул, но одобрительно заговорил лишь только тогда, когда прочитал весь предложенный текст:

— Да, кажется, все на месте. Всего-то какой час беглой работы, но как стало понятно! До сего момента, с трудом разбираясь в чащобе зачеркиваний и ошибок, я уже не понимал даже собственных мыслей. А сейчас все хорошо. Да, я понял еще, что ты, сокращая, набрал свои ставки?

Андрей Георгиевич рискнул признаться:

— Да ваше императорское величество, в некоторых моментах я убирал перечеркивания, повторы и длинноты.

— Да-с, — неопределенно сказал император и выжидательно посмотрел на него, словно что-то хотел спросить.

Попаданец даже засмутился, не понимая, что от него хотят, но Николай I уже твердо решил:

— Милостивый сударь, мне все в тебе пока нравится, поэтому я предлагаю быть моим постоянным личным чиновником!

Глава 16. Зимний дворец: служба и любовь

Что же, он переступил еще через ступень в служебной карьере и, хочется верить, в личной жизни. Правда, на данный момент пока все еще непонятно. И что он конкретно будет делать в Зимнем дворце и сколько будут платить за это? И кем тут он будет? Ведь, хотелось верить, его императорское величество не думает, что он станет питься воздухом или работать только за еду, пусть и приличную? И ведь не дворником, надеюсь?

Между тем, монарх быстро и письменно распорядился. Он сам очень не любил неопределенности и поэтому обязанности личного чиновника были определены четко:

Во-первых и главных, он делопроизводитель императора и должен будет помогать ему в письменной работе, как сейчас;

Во-вторых и уже второстепенных, он будет ответственным служащим в личном семейном жилье монарха

Первое, в общем-то, было практически все понятное, второе, наоборот, виделось очень смутны, но Андрей Георгиевич все же надеялся, что его не будут здесь наваливать работой. И твердо согласился.

Николай I спокойно кивнул, словно так и надеялся, снова звякнул в колокольчик. Никодим появился мгновенно, словно был где-то рядом. Позже оказалось, что он действительно вытирал пыль с мебели в соседнем помещении. Император со слугой немного порассуждали, как и куда им поставить стол Макурина на постоянной основе, чтобы он и не мешался и одновременно не удалялся далеко от покровителя. Не зачем ему орать, напрягать горло. Самого Андрея Георгиевича ни о чем не спрашивали, словно не о нем и говорили. Впрочем, он и не пытался влезть в этот разговор. Не зачем и не знает он ничего.

Решили вопрос со столом. Попаданец было решил, что оргмоменты с ним уже окончили, наивный такой. Но по реакции Николая понял, что дело только началось. Никодим стал распоряжаться с постановкой стола, командуя слугами, а Макурин с его величеством пошли наверх, туда, где был семейные императорские покои.

Как и положено, первой была небольшая комната, как назвал ее для себя Макурин, дежурный пост. Обустроен он был весьма скудно — стол и два жестких стула. Явно не для благородных господ. И вроде бы не очень, раз о них не беспокоятся.

И похоже, попаданец не ошибся. Очередные дежурные работали весьма плоховато и неряшливо.

— Вот смотри! — раздраженно сказал монарх, — здесь должен был сидеть слуга. Где он, каналья? Еще дворянин!

Император явно был сердит, но, кажется, слава богу, не на него. Однако, лучше не высовываться, а то и ему попадает. Николай I прошел внутрь и, судя по уже настоящей брани и ответный испуганный речи, быстро нашёл виновного. Но это уже не его сфера забот. Он сел на стул дежурного и стал ждать.

— Вот ты где! — слышался звонкий девичий, когда-то может и игривый, судя по обертонам голоса, а сейчас до нельзя сердитый, — почему тебя до сих пор нет на месте? Я на тебя пожалуюсь его императорскому величеству! Ой! — удивилась она, увидев вместо знакомого дежурного чужого почти взрослого мужчину в вицмундире чиновника. Но она быстро сообразила, что совсем незнакомого сюда не поставят. И, значит, это просто новый, ей неизвестный дежурный, который еще не познакомился, а уже ленится. — Милостивый

сударь, — сердито заговорила девушка, — я фрейлина ее императорского величества Анастасия Татищева! По ее указанию я должна была согласовать некоторые мелочи. А вас нет на месте. Это безобразие!

Вопреки ее ожиданию, он не испугался. А медленно стал. Боже, какой он высокий! Она и так была большой, выше, чем в среднем девушки, но он оказался еще длиннее. Но почему же он не пугается. Нехороший такой! И такой хороший! Но девушки не могут открыто говорить о своих симпатиях. Лучше она наговорит ему много иных слов, при чем даже неприлично-дурственных. Вот!

Она мысленно показала ему язык и прицепилась к недавнему исчезновению, с ужасом понимая, что говорит явно не то:

— Я на вас нажалуюсь и вас накажут шпицрутенами. Или так, вас лишат на завтрак варенья, несносный мальчишка!

«А он явно благородный дворянин. Интересно, женат ли? Если будет здесь служить, то, может быть, будет на придворном балу. А его императорское величество всегда отпускает фрейлин!»

Андрей Георгиевич тоже не мог не обратить на прелестное личико, обрамленное вихрем светлых волос. Наверняка еще не расчесала, а императрица отправила с каким-то поручением. И теперь сердится, хотя и не хочет этого.

Фрейлина хотела что-то еще сказать, наверняка, что-то злое и несуразное, но он касался пальцем и ее губ и предложил:

— Давайте, вы просто помолчите хотя бы несколько мгновений. С вашей-то чудной красотой этого будет достаточно.

Он требовательно и в то же время мягко посмотрел на нее. И она смирилась. Ах если бы он осмелился и поцеловал ее руку! Но не осмелится, сейчас начнет оправдываться и говорить всякие гадости. Будто ей это интересно!

Однако, ее собеседник, проницательно посмотрев на нее, вообще не торопился ничего говорить! Вместо этого он мягко и требовательно взял ее за руку. Его рука была так сладко тверда и тяжела.

«Может поцеловать ее руку? — невзначай подумал Андрей Георгиевич, — она, кажется, не против?»

Однако вблизи так некстати послышались шаги императора Николая I и девушка испугано выдернула свою руку из него. И одновременно почти умаляюще посмотрела на него. Ведь он же не обидится, нет?

— Вот вы где! — удовлетворенно сказал монарх, — познакомились уже? — и, не давая никому сказать, потому как понимал, что они скажут от скромности что-то не то, пожаловался, — это какое-то безобразие здесь творится, а я не могу этим заняться. Ведь не гвардейский же пост здесь ставить! Дворян вроде бы ставить зазорно, не всякие идут. А из простонародья, наоборот, нам нехорошо. Помолчал, что-то думая и предложил: — Андрей Георгиевич, вы человек серьезный и благородный, столбовой дворянин! Не станете главным среди дежурных?

Попаданец думал не долго. Командовать тремя-четырьмя бездельниками рядом с такой прелестной красавицей будет просто прекрасно. Опять же, император просит!

— Почту за честь, ваше императорское величество! — встал и отчеканил он почти без паузы. И даже больше, монарху понадобилось на него строго посмотреть, и только тогда тот сдался.

— А чтобы всем было понятно, что я вам благоволю, вы, Андрей Георгиевич, с этого времени камер-юнкер!

Кажется, его опять в чем-то повысили? Ха! Макурин так же стоя поблагодарил за дворцовое звание. Все-таки быть с императором прибыльно. Пусть и работы побольше, зато чины идут. Хотя, честно говоря, он бы лучше получил классный чин чиновничества, а не дворцовый. Но ведь императору не скажешь!

— Ты будешь командовать этими шалопаями на посту. А заодно станешь учить Александра манер. Вон, Анастасия, вас отведет, — глазами показал он на девушку.

Та вспыхнула, понимая, что государь слишком близко подошел к ее мечтаниям, сделала императору книксен, стрельнула глазами в сторону молодого чиновника и ушла, ускользнула в покои Александры Федоровны.

— Хороша, плутовка, — негромко пробормотал Николай, повернулся к Макурину: — Вы женаты?

Андрей Георгиевич в полной реакции молодого человека засмутился, пробормотал, что нет еще по молодости лет, не осмелился. А теперь, как родители умерли, так и не скоро, наверное.

Император посуровел:

— Как россиянин и православный вы обязаны жениться и родить нескольких бравых сыновей и столько же прелестных дочерей. Впрочем, — задумчиво улыбнулся он, — поскольку вы имели несчастье стать сиротой, я вам помогу. Вы не можете пресечь сей славный благородный род.

Макурин молча поклонился. С одной стороны смущенно, с другой, — гордо. Он все же дворянин, а не крестьянский парень! Мол, сами с усами!

Николай его понял, перевел разговор немного на другую тему. Правда чуть-чуть:

— Посмотрите, на эту девушку, которая тут была. Анастасия Татищева. Родом из благородного старинного рода. Ей тоже не повело. Отец погиб на Кавказе, мать от болезни и от горя. Прелестное дитя осталось одно. Не знаю уж, что стало у ней с родными, а у Татищевых кроме умерших осталось два брата с семьями, но Анастасия оставалась одна.

Пришлось вмешаться. Отправили в Смольный институт. Потом Александра Федоровна прикрепила к себе фрейлиной, а я разобрался с ее наследством. Решили, пока она в детстве прикрепить ее поместья к дядьям. А там выйдет замуж, муж будет хозяйничать, тогда и поместья вернутся. Вот ты хозяин хороший. Женись!

— М-гм, — затруднился с ответом Андрей Георгиевич. Нет, попаданец, скорее всего, помещик никакой, но ведь реципиент должен был хотя бы. Так и сказал: — отец мой хозяин был добрый. И меня учил хорошо. Сам я, правда, на практике уже не успел.

— Почему? — удивился Николай. потом сам же вспомнил: — ах да, эпидемия холеры! — сказал уже в меньшей уверенностью, — когда-то же надо начинать. Вот и ты начнешь, хм! А на девушкой просмотри. Очень уж вы оба хороши. Я то со стороны вижу — молодые, красивые, честные, без пятнышка. К сожалению, и дворяне бывают такие не все. Думай, а я посмотрю.

Император ушел, все-таки у него всегда было много дел. Ведь он был самодержавный повелитель огромной страны! А Андрей Георгиевич задумчиво посмотрел вслед и только улыбнулся. Настойчивость монарха ему нравилась. Молодой ведь, секса не хватает. А воздержание не только хорошо, но и плохо. Хорошо с моральной точки, плохо — со стороны здоровья. Если уж жениться, то Анастасия в настоящий момент самый лучший вариант.

Прелестница на лицо, красивая фигура, хоть в XIX веке, хоть в XXI. Характер, правда, пока не известен, так ведь посмотри. Но на первый взгляд ничего. Тараканы в голове, конечно, наличествуют, но у кого их нет? Плоха обычно в семье бывает не жена, а муж. А жена в любом случае только доламывает семью.

Единственно, что пока безусловно плохо — его герой беден. И то, что его возможная будущая жена богата, лучше положение не делает. И уж, безусловно, он альфонсом быть не хочет. Жениться, чтобы потом стесняться родственников, стыдливо держаться жены на светских празднествах? Фу!

Значит, надо делать карьеру. Да и император в данном аспекте поможет. Не зря же он так подталкивает. А мы мешаться не будем. Мои главные козыри — благородное происхождение и молодость. Это хорошо, но тут уже никак не изменишь. Ни в плохую, ни замечательную. Дальше, способность работать. Вот здесь надо постараться. Чтобы все, а главное, августейшая семья, видели мои блестящие отметки.

Хорошо, а для чего его тут оставили? Нужно показать себя. Это мы, пожалуйста. Первое. Пост дежурного смотрится, как захудалая дежурка у провинциальной армейской части. Это же императорские покои!

Первое. Нужно сменить мебель, навесить гобелены. Августейшая все же семья. И для этого надо найти хотя бы Никодима. Тот, похоже, был не просто обычным слугой, а что-то на вроде мажордома. И с его помощью переместить мебель можно и без высочайшего начальства. Всяких управляющих, а тем более императоров.

Второе. Если получится, набрать новых людей и приучить их дисциплине. Слава Богу, людей в России всегда было много, даже в годы затяжной войны. И, если надо, поискать, серо-буро-малиновых. Проблема будет не в том, что нет, а в недостатке полномочий, это Андрей Георгиевич понял еще в XXI веке. В XIX веке разного людского конгломерата, естественно, будет меньше, зато можно опереться на самодержавную власть и пока темную народную психологию. Вот здесь без Николая I никак не обойдешься. В монаршем государстве, при чем самодержавном, без его феодальной верхушки никак.

Итак, для начала начнем с обстановки. Где-то здесь был искомый мажордом? Высунул голову в пока незнакомый коридор, крикнул наугад:

— Никодим! Никодим, где ты?

Слуга не подвел, отозвался. Макурин немного подождал, зная психологию этих людей. Немного времени и вот он — вездесущий и деловой.

— Никодим, его императорское величество соизволили сегодня назначить меня делопроизводителем в рабочий кабинет и старшим дежурным на этот пост. Как там, в кабинете, с мебелью уже разобрались?

— Разобрались, — облегченно вздохнул слуга. Рано обрадовался, он еще может дать проблемную задачу.

— Вот и здесь проблема с мебелью и обстановкой. Надо принести, как минимум, на стены ковры или гобелены, на пол дорожки, из мебели для посторонних софу, для дежурного или для дежурных мягкие стулья и стол получше.

— Гм! — скептически сказал Никодим на такое задание невесть кого.

— Все это необходимо для поста в семейные комнаты его императорского величества для его жены, Александры Федоровны, и для детей, — твердо сказал Андрей Георгиевич, понимая настроение слуги, — мелочи, в общем. Пока все это, — обвел он вокруг комнаты подходит для солдатской казармы.

Он выжидательно посмотрел на слугу. Вот ведь сука этот Никодим! От природы сквалыга или научился хитрить? Или решил, что ходят тут всякие? Что же он к этому был готов.

— Его величество ни разу не обмолвился об этой комнате, ни по мебели, ни по коврам, — попытался посопротивляться Никодим. Ну давай, поговори. Пытаешься показать свою близость? Официально к императору надо было обращаться «Его императорское величество», но неофициально и для более или менее близких Николай разрешал сокращать до «его величество».

Зря он это. Макурин подобное поведение громил на раз еще в XXI веке. А там уж говорливы были поданные были, ты, милый, и не сравнишься.

— Я даже не буду обращаться к его императорскому величеству по такому пустяку! — категорически возразил Андрей Георгиевич. Подумал, предложил компромисс: — впрочем, я могу обратиться к ее императорскому величеству Александре Федоровне.

Никодим был немного нагловат, как и полагается старшему слуге, но, тем не менее, более чем сметлив. Чем окончится обращение к императрице, он сразу понял. Обдумав, сказал: — Ваше предложение кажется мне после некоторого обдумывания более разумным. Я поставлю мебель, ковры и дорожки. Не надо ни к кому обращаться.

Макурин благодушно кивнул. С Никодимом он воевать не собирался, подвинул немного старика и достаточно. Уровни слишком разные. Он — дворянин, коллежский асессор, и с недавнего времени камер-юнкер. А Никодим — из простых людей, комнатная слуга. Одна важность — рядом с августейшими.

Мажордом быстро прокомандовал. В комнате оказались софа, стулья и стол. На стене появились все-таки не ковер, а гобелены, все одно хорошо. А на полу — темно-красные дорожки.

— Ну вот, другое дело, — удовлетворенно сказал Макурин, осмотрев обстановку, — теперь можно сразу сказать — здесь начинаются личные покои императора.

— Да уж, — слегка почесал лицо кончиками пальцев Никодим, — как-то я об этом раньше не подумал.

Андрей Георгиевич ничего не успел ответить, поскольку в комнату вихрем влетела Анастасия Татищева.

— Ой! — озвучила она, — куда я попала?

Внимательно осмотрела на комнату, на людей, успокоилась. — Как здесь красиво стало и уютно! — удивилась она. Сообщила Макурину, как бы не видя остальных: — его императорское величество Александра Федоровна попросила меня посмотреть, есть ли здесь дежурный. Успокою ее.

К этому моменту Никодим с другими слугами уже ушли, зато Мишка — вихрастый нескладный парень, которого сегодня поймал на небрежном дежурстве сам Николай I — пришел на свой пост.

Андрей Георгиевич посмотрел на нагловатый вид, на хитроватые глаза и даже не стал проводить педагогическую работу по поводу неявки. Лишь предупредил:

— Еще раз так провинишься, отправлю под арест на гауптвахту. А потом в гвардейскую полуроту новичком. Будут тебя учить на армейского офицера.

Мишка, похоже, не поверил. А зря. Макурин собирался оправить его по стандартному пути дворянского недоросля — рекрутство в полуроте и офицерство в армии. Туда ему и дорога, раз не сумел дежурить при императорской семье.

Девушка Татищева, любопытно стрельнув на попаданца, выскользнула обратно в покои императрицы. Интересно, а Николай I уже говорил со своей женой Александрой Федоровной, а та со своей фрейлиной? Что-то девушка очень уж внимательно присматривает, как на вероятного жениха. Смотри, с огнем играешь, он ведь и не против! Поймает за... за... ну, пусть будет руку. И не отпустит!

Дверь снова открылась и на этот раз вышла Александра Федоровна со старшей дочерью Марией. Остальных детей — мал-мала меньше, тоже повели — гулять. На улице было довольно холодно, но Николай I, вслед за своим отцом Павлом I, считал, что детей надо с малолетства закаливать. и детей отправили на мороз. Ну, тут Андрей Георгиевич был ему не указ. Дети это слишком субъективно и очень не просто. Старший же сын цесаревич Александр — будущий Александр II Освободитель — уже ушел с отцом. Видимо, учиться быть государем.

Фрейлина Анастасия Татищева, уходя последней, закрыла покои императрицы. Зачем, тут кто-то ворует? Девушка, разумеется не ответила, да попаданец и в слух не спросил. Он еще в XXI веке научил себя, что любопытной Варваре всегда отрывают нос. Будет больно и крови много вытечет на одежду. И что меньше знаешь = дольше живешь. Зато Анастасия, пользуясь тем, что дежурный Михаил что-то уронил под стол и теперь доставал, а может просто не хотел видеть надоедливую фрейлину, вдруг показала Андрею Георгиевичу язык и, смеясь, убежала в коридор.

Макурин же от неожиданности лишь сумел удивиться. К этому времени эта озорница уже убежала и ему только глубокомысленно посмотреть на закрытую дверь. И, пожалуй все. От обеда до ужина Николай I со своим сыном работали. Ну как можно с малолетним подростком (12 лет) работать? Скорее учить. Но ему, делопроизводителю и камер-юнкеру необходимо быть с ним. Оставил означенный пост за ненадежным Михаилом (а что делать!) и отправился в рабочий кабинет. Надо хотя бы спросить, нужен ли он его императорскому величеству или нет?

Вообще при Николае I было два рабочих кабинета — официальный, для приема разных лиц и делегаций и личный, просто для работы. Насколько Андрей Георгиевич понял, Николай I работал с ним именно в личном рабочем кабинете. Однако, какой почет!

Он осторожно постучал в кабинет и дождавшись разрешающего возгласа, осторожно вошел. Николай I с Александром сидели за рабочим столом и занимались: Николай сочинял августейшее послание губернаторам Сибири, а сын учился, как это надо делать.

— Вы вовремя, Андрей Георгиевич, — заметил император, — я уже хотел за вами послать, дабы вы могли писать, как всегда.

— Конечно, ваше императорское величество, — ответил Макурин. Это его прямая работа, надо трудиться, — позвольте только я скоро приготовлюсь.

Вытащил из несессера листы бумаги, чернильницу, перо и небольшой ножик. Попробовал перышко — острое ли? Взял ножик, на листе бумаги, чтобы не осталось мусора, заострил кончик пера. Теперь можно было писать. Вопросительно посмотрел на государя. Николай правильно его понял, начал диктовать текст.

Андрей Георгиевич быстро, но четко и аккуратно принялся писать. Через некоторое время император, довершив диктовать и подождав, пока чиновник не закончит, взял два исписанных листа бумаги. Работа его делопроизводителя Николаю очень понравилась.

— Вот-с, сын, — обратился он к Александру, — когда-то и тебе надо будет стать правящим монархом. Как ты думаешь, что важно для императора России?

Подросток сын вопросительно посмотрел на отца.

— Когда тебе надо будет ответственное министерство, ты его создашь. Проведешь нужные для государства реформы в экономике и среди населения. Все сделаешь, если будешь деятельным. Одно ты будешь искать долго и мучительно — личного делопроизводителя. Мне самому пришлось искать больше пяти лет, пока Господь сподобился и подарил мне.

Александр внимательно посмотрел на каллиграфические буквы. Опыт подростка был еще весьма мал, но и он понимал, что даже всеильный император России может не все. И такое письмо он видел около отца впервые. Везет же родителю! А мне?

— Скажите, Андрей Георгиевич, — попросил он у сидящего рядом чиновника, — а у вас нет столь же прекрасно пишущего сына?

Однако же! — удивился про себя Макурин, — ну и него хватка в такие-то годы! Но в слух только сказал — Нет, ваше императорское высочество, я еще холост и меня вообще нет детей.

— Не торопи коней, Сашка, — вмешался Николай, — он еще первый день у нас в Зимнем дворце. Пусть осмотрится, в этом чудесном саду много прелестных цветков!

Он посмотрел на кабинетные часы и перешел к другой теме:

— Время, однако, пить чай. Как бы нас дражайшая Александра Федоровна не начала искать. Хватит работать, идем в столовую! Андрей Георгиевич, пойдете с нами. И в последующие дни, если ты еще не понял — ты ешь только в нашей столовой.

Император решительно поднялся, давая тем самым понять, что послеобеденная работа уже завершена. Что же, хозяин — барин. Макурин торопливо убрал обратно письменные потребности в несессер и пошел вслед за императором и его сыном.

В столовой действительно уже были люди. Александра Федоровна распорядилась чаем и закусками.

— Запаздываешь, друг мой, — с укоризной сказала она Николаю, — время пить чай, а всю работу не переделаешь!

Семья расселась вокруг обеденного стола. Гостей по вечернему времени почти не было. Только личный делопроизводитель и две фрейлины императрицы. При чем Анастасию Татищеву Александр Федоровна волевым решением посадила рядом с Макуриным. Императрица, конечно, рисковала. Для ее времени незамужнюю девушку садить рядом с неженатым парнем было дурным тоном.

Но она была немка и к тому же императрица, привыкшая к тому, что, как правило, она все решает, а не для нее общество имеет правила. И потом, ее муж, император и самодержец, уже постановил, что эти прелестные молодые люди будут женихи невеста, почти муж и жена.

А чего? Тем более, оба сироты и покойные родители не успели их поставить семейными. Так монарх поставит. А она, его жена, поможет. Когда фрейлина Анастасия, эта чудесная девушка, начала что-то робко лепетать, нетвердо, впрочем, Александра Федоровна махнула рукой, пресекая возражения. Лишь сказала:

— Min herts, конечно, ты целомудренная девушка и очень морально хороша. Но и тебе надо выйти замуж и родить детей. А как это делать без будущего мужа? Так что садись рядом с этим молодым человеком во время чаепития, ничего с тобой не будет. Тем более, мы с его величеством рядом, а этот прекрасный юноша благородный дворянин и тебя не обидит!

Они так и сидели, молча и тихо. И только когда нечаянно дотрагивались до друг друга,

то вздрагивали и старались не смотреть до своего соседа. Не известно, как Настя, но Андрей Георгиевич был на седьмом небе. Был ли он еще год назад, в никчемном XXI веке, что будет вот так пить чай с императором и отвечать, если надо, на его вопросы. А рядом станет сидеть красивейшая девушка благородного рода.

Все-таки жизнь у него, кажется, удастся!

Глава 17. Зимний дворец: любовь и служба

По личному распоряжению императора Николая Павловича, камер-юнкера, коллежского асессора Макурина «по его полезности и за монаршей необходимости» поселили на первом этаже, в скромной, но удобной и гламурненькой комнате.

Андрей Георгиевич поспорил бы любую сумму, хоть на рубль, а то и два, что раньше здесь жила трудолюбивая и чистенькая девушка. И пусть она взяла с собой все свои вещи и одежду, но обстановка, чистота и некоторые оставленные безделушки буквально кричали, что это жильё представительницы прекрасного пола, красавицы и умнички.

Да уж! Попаданец лишь надеялся, что она выехала сама, а ее не вытурили насильно из-за него. А то ведь, Господи Боже, как-то невместно становится. Соседом же, точнее соседкой, оказалась... прелестная Анастасия Татищева! Теперь уже ей было очень неудобно. Пусть это очень красивый юноша и, похоже, влюблен в нее, но жить по соседству ей оказывалось нелегко. Честно говоря, он тоже немного был смущен и считал, императорская чета действует уж чрезмерно прямолинейно и даже грубовато. Они же не крестьянские парень и девка!

О чем и сообщил Николаю. Вежливо и негромко, со застенчивыми нотками в голосе. Он опасался, что император оскорбится, но тот лишь откровенно удивился. Оказывается, он всего лишь распорядился поселить его как-нибудь поближе на первом этаже, а прямодушный Никодим понял это уж слишком чрезмерно и просто поселил рядом. Ну прямо как в XXI веке в студенческом общежитии. Позвали мажордома.

Тот, видимо, уже понял, из-за чего его будут ругать и, возможно, даже бить, хотя бы морально. Пришел сразу с рукописным планом первого этажа, на который обычно селили различного рода прислуживающих (не обязательно слуг), и показал существующее положение. Оказалось, что других свободных комнат на всем этаже больше не было. В будущем году, вероятно, придется селить, хотя бы слуг, по двое. Никодим еще раз попросил подумать об отдельном здании для обслуживающего персонала.

Андрей Георгиевич дальше уже как-то не слушал. Хозяйственно-административные проблемы XIX века его совершенно не волновали. А чем дальше, тем тверже охватывала мысль, что женитьба с Анастасией Татищевой, похоже, организовалась с помощью небесных сил. И что он зря трепыхается. Ведь, если уж Господь сам принял участие в переселении его души в иной век, то запросто мог распорядиться его ангелу немного поколдовать и с женитьбой. Как-то все идет благополучно и твердо. Даже если бы он был против, ему бы все равно пришлось жениться. А, поскольку он и не против, то с песнями и с радостными криками вперед!

Ему вдруг подумалось, что зря он так существенно выделяет свою роль. Может быть, душа Андрея Игоревича только должна укрепить тело аборигена XIX века и твердо подтолкнуть его к Анастасии Татищевой? Чтобы, как и водится, от их связи родился ребенок (или даже несколько). Ибо даже Бог не решается вмешиваться в такую интимную сторону жизни, как появление жизни. Была, правда, еще Мария. Но в не каждое тысячелетие ему создавать по богу-сыну? А так что с его помощью будут дети. И все, дальше, пожалуйста, по жизни барахтайся сам! А что, если так, то он и согласен!

Никодим, между тем, предложил переселить массу народа, так, чтобы мужчины жили вместе, а женщины вместе. Но попаданец в душе не согласился. Такой подход ему очень

сильно напоминал студенческое общежитие с огромным количеством недостатков. Сам, правда, возражать не стал, твердо уверенный, что раз все с божьего появления, то и так все решается. И, в самом деле, император Николай I, глядя на него, очень легко отступил. Ему-то, в общем, все было все равно. Видя вялую реакцию повелителя, передумал и мажордом. Его не ругают и хватит.

Так и остались без каких-либо действий. Благо оба — и Настя, и Андрей — были весь день на службе или на очередном светском мероприятии — он около государя с непременным гусином пером, непрерывно выписывая, подписывая, просто перечеркивая. Нет, конечно, государь был не зверь, своего делопроизводителя (проще говоря, судя по сфере действия, писаря) он обязательно «припахивал» (термин самого попаданца) сравнительно немного — два часа утром и полтора после обеда. А потом шли добровольные занятия. Очень уж ему нравился почерк Макурина. Хоть в официальных документах, хоть в сказках. Печатать-то в типографии было еще в небольшом разнообразии.

За это ему, разумеется шли награды. Пока деньгами и благоволением монарха, что тоже давало материальный достаток. Его это радовало — не себе ташу, в будущей семье. Но и работать приходилось — от утреннего рассвета до сумрачного вечера, ведь и Николай вставал по-мужицкому рано, а сложился по-светски поздно.

Настя (так Андрей Георгиевич называл ее только в думах) тоже не баклуши била. Развлекать императрицу тоже надо много работать. А уж если Александра Федоровна работала по хозяйству — а так тоже бывало и не так уж и нередко — то фрейлины в первую очередь носились как пылесосы. Попаданец сам видел. Но строгим взглядом опытного мужчины он видел — Анастасия Татищева юная девушка, пышущая красотой, не смотря ни на что, счастлива такой жизнью и еще умудряется заигрывать с ним! Фига се, а еще говорят (он сам тоже так думал), что в XIX веке женский пол весь состоит из представителей — робких, пассивных по жизни, а потому серых и неинтересных. Вот уж нет! По крайней мере, телу реципиента (а, значит, и всему Андрею Георгиевичу) было очень волнительно, когда она легко и стремительно пробежала мимо него. А уж когда она как бы нечаянно дотрагивалась до него, тело вздрагивало, лицо краснело и бледнело, панталоны напрягались, а руки машинально тянулись к горячему девичьему телу.

Однажды вечером, когда Макурин сам стремительно бежал от чего-то к чему по добровольному и строго обязательному поручению Николая I, а Анастасия ему встретилась и, как всегда, коснулась всем своим телом и, прежде всего, волнующей грудью.

Тело попаданца автоматически, совсем без команды разума, резко рванулось к девушке и прижалось к стене. Настя совсем была не против, она даже руки положила ему на шею. Но одновременно его глаза оказались такими просительными и просящими опустить, что разум Андрея Георгиевича вошел в жесткий клинч с телом.

В итоге руки юноши приглаживающие платье девушка по плечи и грудь, до самых грудей все же не дошли. К ее облегчению... и к разочарованию? Вот бы еще поиграть с Настей, она же не очень против! Однако Андрей Георгиевич, зная об этом нехорошем увлечении юного тела, был неумолим. Наломать-то дров можно в любой момент и сколько угодно. А какова будет репутация у бывшей девушки? И как будет сам он в Зимнем дворце? По традиции XIX века, молодые обязательно вначале должны обвенчаться, а уже потом, соприкоснувшись с таинствами божьими, тешить желания тела. Наоборот строго воспрещалось и даже наказывалось. Вот так! Он ловко поцеловал ее в открытые страстным деланием губы. Ждушие и в тоже время не ожидающие.

— Ах! — ответила она восклицанием и тоненько попросила: — миленький, не надо!

Руки горестно упали, а вот разум, наоборот, воспрял. Держится, девушка. Понимает, что до замужества ей нельзя. Это же не бесстыжий XXI век, а патриархальный целомудренный XIX! Андрей Георгиевич крепко ее обнял, игнорируя слабое сопротивление. Спросил шепотом на ушко:

— Выйдешь за меня замуж? Я тебя очень люблю!

Услышав такие слова, главные для любой девушки в любую эпоху, Анастасия замерла и смущенно сказала довольно негромко, но очень прочувствованно:

— Да милый, конечно!

И потом посмотрела на него огромными зелеными глазами, в котором Андрей Георгиевич почти утонул. Зато его душа и тело, соединенные, а, может быть разделенные разумом, наконец объединились. Макурин, признательный ей за это, благодарно поцеловал в руку.

Кожа вкусно отдалась хлебом и, почему-то, фиалками. Попаданец удивился и сказал девушке об этом, чем вызвал новую волну смущения и робости.

"Дурак ты бестолковый, — обругал Макурин себя мысленно, — старик уже, а говорить с девушками не научился. Так она от тебя уйдет. Будешь потом голодным волком выть в одиночестве".

— Милая, — заговорил он о практической части женитьбы, о чем он хотя бы немного знал, — я готов жениться на тебе и жить не могу без тебя. Но вынужден просить тебя месяц обождать.

Анастасия сладко зажмурила глаза, млея от признаний мужчины, или парня — кто что видел и знал. Но последние его слова заставили нахмуриться.

— Но почему, Андрюша? — спросила она чуть не плача, — ведь нам так хорошо вдвоем! Мы можем хоть завтра обвенчаться и сколько угодно целоваться и не только!

Настя густо покраснела, но так и не решилась сказать, чем они могут заниматься после венчания кроме целования. Андрей Георгиевич благоразумно не стал приставать к ней с этим злободневным для них вопросом.

— Да милая моя, — целомудренно поцеловал он ее в румяную щечку, или, если романтично, в алые ланиты, — я благородный дворянин в неисчислимом поколении. По крайней мере, не меньше, чем в твоём роду. Но сейчас я не в состоянии обеспечить тебя материально. Мои родители умерли от холеры, поместье разорено. И чин на службе пока весьма низок, чтобы надеется на большое жалованье.

— Ну, по благородству предков я бы еще поспорила, — гордо выпрямилась она в его объятиях. Попаданец уже пнул себя хотя бы мысленно, но девушка опомнилась и едко сказала: — Впрочем, не знаю, как твои предки, а вот ты, похоже, точно дурак! И что тебя хвалит его императорское величество?

Это был откровенный наезд. Девушка по женски не понимала (а, может быть, наоборот, на это и надеялась). Будь на его месте мужчина, все бы закончилось нехорошо. В XXI веке дракой и, наверняка, с кровью и наличием повреждений, в XIX веке — обязательной дуэлью и опять же кровью и повреждениями тела. Но не мог же он драться с такой милой девушкой и с почти его невестой! Она так чудесно красива и очень прелестна. Не выдержав, он сдержанно поцеловал в руку и неожиданно страстно в губы.

Ах! — снова вздохнула она почти счастливо и посмотрела на него почти надменно (образно, конечно). Вот ведь пигалица! Однако, если она считала, что ее дерзость ей никак

не обойдется, то очень даже ошибалась. Вместо драки или дуэли Андрей Георгиевич крепко обхватил ее за тыльную часть головы, так, что она не была в состоянии пошевелиться и объявил:

— Анастасия Александровна, будучи девушкой, вы, видимо, не знаете старую русскую истину — жена да убоится своего мужа. Я вынужден вас обязательно и строго наказать, ибо вы ведете себя нехорошо.

— Это никакая не истина! — вскричала Настя, тщетно пытаясь вырваться из его рук, — не пытайтесь даже дотронуться до меня!

— Еще как попытаюсь, — безжалостно объявил Андрей Георгиевич, — вот прямо сейчас и немедленно!

— Уах! — вскрикнула она от будущей боли и замолчала. Ибо ее мужчина только и сделал, что чмокнул в левую щечку, потом, слегка повернув лицо, в правую щечку. И, наконец, как сладострастное окончание, поцеловал ее в губы. А затем отпустил ее голову. Правда, из объятий своих он не отпустил, чего она только порадовалась.

«Так он может меня наказывать хоть каждый будний день и не по разу, милый мой, драгоценный!» — сказала Настя мысленно и обвинила его в слух — Смотри, ты всю мою прическу сильно порушил. что я теперь буду оправдываться перед императором!

Андрей Георгиевич посмотрел на нее. От его рук изысканная прическа с ее точки зрения и невероятно сложная и дурная с его, распалась и превратилась в просто длинные и белокурые кудряшки. Не выдержав, он взял в горсть кудряшек и поцеловал их. Признался:

— Ты прекрасна и очаровательна, любовь моя единственная! Я буду любить тебя всегда!

Замолчали. Он — поскольку едва не сказал, что все равно все увидят, что она была на амурном свидании, едва только посмотрят на алое зацелованное лицо девушки. Она — от красивых комплиментов, которые его пьянили слаще шампанского. Настя нарушила молчание первой.

— Хорошо, я жду месяц, — решила она и угрожающе добавила: — а потом забуду о нашем венчании, — спросила жалобно, — ведь ты же сможешь решить проблему денег за такой долгий месяц?

— Ну что же... — заговорил Андрей Георгиевич. Опытность жизни в двух эпохах в этой сфере мало что давала. И в сегодняшнем XIX веке, и в будущем XXI у него опыта в любовных отношениях было очень и очень мало. Попаданец смутно чувствовал, что девушка с ним играет. Но где у нее игра, а где идут серьезные отношения?

— Впрочем, я со своей стороны тоже кое-что попытаюсь сделать, — добавила она. И, пожалуй, это известие оказалось наиболее угрожающим. Что она может сделать и каким образом?

Макурин посмотрел на прелестную девушку, горящую своими идеями и понял, что так они не только не заведут семью, но окажутся еще дальше. Что поделать, это был тот момент жизни, когда уровень благополучия, когда они напрямую зависели от действий своих собственных рук.

Время свидания было обозначено не совсем удачно. В коридоре в любой момент мог кто-то появиться — или кто-то из многочисленных слуг или, боже упаси, кто-то из императорской семьи. Да и самим им было совершенно некогда. Его ждал его величество император Николай I, ее — ее величество императрица Александра Федоровна.

Обменявшись горячими поцелуями — и еще чей поцелуй был горячеей! — они разбежались по своим рабочим местам. Ибо любовь, конечно, хороша, но они обязаны и как

служащие работодателям, и как дворяне сюзеренам, обязательно работать.

Между всякими обязательными делами Андрей Георгиевич в этот день успел очень немного. Николай I оказался весьма занят различными деловыми письмами и соответственно, попаданец тоже. Материальный базис его тоже менялся, проблема в том, в какую сторону?

Так, у него закончились старые запасы бумаги еще министерского фонда. Император Николай Павлович тут же выделил ему запас своей бумаги и сразу же проинформировал, где и у кого можно получить различные средства для письма. Один из слуг Зимнего дворца Павлуша занимался этим и теперь должен был снабжать и личного чиновника монарха. Одновременно Андрей Георгиевич сумел получить новый туалет. Ну как сумел. Николай I еще накануне обратил внимание на очень скромный для служащего императора вицмундир. А он ведь уже коллежский асессор! Менять на штатский наряд, с точки зрения августейшего государя, было нецелесообразно. Он хотя и не был военным, но все-таки служил на государственной службе, а, значит, должен был иметь соответствующий вицмундир.

Это был один из ключевых принципов правления Николая I. Все должны иметь свои мундиры — от школьников и студентов до чиновников и дворников. Тут попаданец не имел никаких шансов для изменения наряда. А вот получить более лучший вицмундир он не только был обязан, но и должен. Об этом император и сообщил в перерыве между написанием писем.

Андрей Георгиевич, в принципе, был не против. Сам понимал, что это все же императорский двор, не провинциальное поместье, и даже запланировал израсходовать часть нежданной премии. Но почему-тянул и дотянул до замечания самого императора.

Однако Николай и здесь его порадовал. Он не только велел ему пошить вицмундир у своего портного, но и уплатить за счет императорских доходов, т. н. средства «Е.И.В. конторы». Для монарха 514 рублей с копейками ассигнаций было ничего, а вот Андрею Георгиевичу даже очень чувствительно. Особенно с учетом того, что поместье у него считалось наличествующим, но доходов совсем не давало.

Император это учитывал и не только подарил ему вместе с нарядом пряжки с бриллиантами на туфли, но и золотые сережки невесте камер-юнкера Макурина.

Да-да, Андрей Георгиевич официально объявил на одной из балов, что Анастасия Александровна Татищева отныне является его невестой. И даже поднял краснеющую девушку рядом с собой и прилюдно поцеловал ее руку. Дескать вот она, милая и отнюдь не против такого пока жениха.

Было очень страшновато обращать всеобщее внимание и говорить на несколько сотен, возможно, даже более тысячи человек. Но становится женихом столь красивой благородной девушке, к тому же потенциально богатой было очень почетно. И Настя это очень хотела и даже как-то попыталась сама объявить. Вот ведь егоза!

Вот только богатеть его состояние никак не хотело. Жалование коллежского асессора даже с различного рода подарками составляли, в общем-то сравнительную мизерную сумму. И хоть Настя заявляла, что, будучи сиротой в детстве, она обходилась совсем небольшими суммами, попаданцу как-то не верилось. Он-то видел, как она легко швырялась деньгами в объеме его жалованья.

Девушка просто очень хотела замуж. Ей уже 21 год и подружки имели одного, а то и два ребенка. Сироту же мог взять далеко не каждый. Да богата, да благородна, наконец, красива. Однако мало ли таких. А тут Макурин мог легко сделать его своей женой. Фамилия Мак-

Урина не менее благородна, чем Татищева, а его императорское величество открыто ему покровительствует. Одно плохо — он беден! Но ведь можно помочь?

В отличие от жениха, невеста «разбогатела» легко, даже почти не вспотев. Ей почти не пришлось напрашиваться на разговор к императрице. Александра Федоровна сама, увидев свою фрейлину зацелованной и простоволосой, очень заинтересовалась и принялась настойчиво ее расспрашивать.

Все, что ей потребовалось, это признаться, что у ней появился жених и он Макурин. Личный делопроизводитель был настолько хорош в ее глазах и в мнении императора, что решение было принято буквально в течение суток. Сначала Александра Федоровна говорила на протяжении часа со своим мужем, потом Николай после обеда за несколько минут издал и письменно зафиксировал свой указ о поместьях Анастасии Татищевой. Писал указ, естественно, Андрей Георгиевич и он не только видел, но и подписал цифры. Невеста имела почти 4 тыс. ревизских душ и более ста тысяч рублей серебра ежегодного дохода. Это по сравнению 135 рублей серебром в месяц жалованья коллежского асессора небо и земля.

Николай I, кстати, сразу же поздравил. Для жителей XIX деньги семьи автоматически обозначали деньги мужчины. Если бы и Макурин так считал. Для гражданина не только демократического, но и эмансипированного XXI века деньги, прежде всего, были собственностью хозяина вне зависимости от пола и немного от возраста.

Андрей Георгиевич, написав этот указ, молча страдал. Трудно сказать, понимал ли император, в какое неловкое положение попал его личный чиновник. Но он немедленно, так сказать, не сходя с места, проговорил еще два указа:

— во-первых, пожаловать тридцать тысяч рублей ассигнациями камер-юнкеру под предлогом будущей женитьбы;

— во-вторых (уже устно), назначить Макурина учителем школы при Санкт-Петербургском университете.

Увы, в самом университете попаданец преподавать не мог. Как разъяснил сам Николай I, из моральных размышлений. Официально он не имел даже аттестата средней школы, ибо полученный им диплом в Санкт-Петербурге почти на уровне средней школы, но все же не средней, а только воскресной.

— Вообще, — по-дружески положил ему на плечо руку Николай I, — окончил бы ты университет. С твоими-то знаниями и почерком да еще дипломом высшей школой! Ты мог бы стать хоть действительным тайным советником I-го класса. Я, разумеется, легко присвою тебе любой чин. Но ты просто должен быть образованным человеком. А?

— То есть сначала образование, а потом женитьба? — озадачено специально для императора произнес попаданец. Для XXI века это была типичная ловушка. При чем в мировом масштабе. Если ты хочешь получить высшее образование то без собственной семьи. Или, наоборот, — с семьей, но без высшего образования. Ухитриться пропихнуться в свою жизнь и то, и другое могли очень немногие. А для XIX века как сумеет августейший государь?

Николай I — умный все же человек! — не наломал дров. Не стал утверждать, что, мол, вначале даешь высшее образование, а личная жизнь потом. Но и его вариант будущего был малореален.

— Сначала обвенчаешься с Анастасией Татищевой, а потом и вперед к университетскому диплому, — предложил он, — глядишь и высшее образование поимеешь и дитятей получишь.

Он же и «посоветовал» (приказал!) официально объявить о помолвке на императорском балу. В высшем свете прилюдное объявление почти приравнивалось к обвенчанною. Ибо отказ от своего слова означал очень плохую репутацию и отрицанию большинства дворянских родов.

Эк он хитромудро подумал, — подумал попаданец, — а кто кормить их за это время будет? Родителей-то у обоих нет, сироты они! А он сейчас должен еще с невестой помириться. Не потому что разругались, а просто так. Не может женский пол периодически не выедасть мужской мозг. Жить без этого никак!

Набросали еще черновик пары официальных бумаг и Николай I отпустил его привести в порядок перед ужином. А комнаты-то у них с Анастасией рядом! Не хочешь, а встретишься. Особенно, если она стоит в коридоре. Похоже, она просто здесь стояла и караулила. Знала, что перед ужином обязательно пойдет в свою комнату. Что же, давай доругаемся. Он открыл дверь и повернулся к этой миленькой, но наглай красотулечке.

Однако Настя для разнообразия превратился в ласковую стерву:

— Андрюша, милый, я так горевала после нашей ругани днем. Давай не будем больше ссориться. Ведь я тебя очень люблю!

И опустила руки на его шею. Ничего, что он только жених. Ведь это ее почти благоверный. Пусть в церкви они таинства не принимали, но он говорил, что они жених и невеста перед его императорским величеством! И, значит, может быть, им положено много больше, чем обычным девушка и юноша?

— Э-э, мгм! — немного растеряно кашлянул Андрей Георгиевич, чувствуя, как солидные груди девушки прижимаются к нему и он готов сломаться и сдаться. Лишь бы прижиматься к горячему телу и целовать сахарные уста!

В коридоре явно кто-то шел и специально топал, давая знать, что идет посторонний и хватит целоваться и миловаться. Они резко оторвались от друг друга, дрожа и изнывая от истомы. А потом он схватил ее в объятия и затащил в свою комнату. Захлопнул дверь перед незнакомцем (незнакомкой?). А потом снова впился в ждущие губы. Она неумело отвечала ему. Старческий часть разум (душа) из XXI века пыталась цинично мысленно комментировать на это, но молодая часть (тело) из XIX столетия быстро одолела. Эта часть не думала, поскольку у нее элементарно не было чем думать. Зато она щедро снабжала голову различными коктейлями гормонов. И под таким воздействием даже немолодой разум затуманился и возбуждился.

Они целовались какое-то время, пока Анастасия ласково не нажала на кончик носа и не попросила:

— Милый мой, а нам не надобно идти в столовую? Его императорские величества уже ушли, да и самим, наверняка, хочется кушать.

С обеденной трапезы уже действительно прошел не один час, а желудок надоедливо бурчал, напоминая, что и ему неплохо бы что-то накинуть для работы. Конечно, если судить по нему, то плевать он хотел на пищу. Ведь в его объятиях была такая девушка! Но раз сама девушка робко и смущенно просится, то тогда пойдём. Надеюсь, что вечерний чай будет не долгов?

Глава 18. Амурнохозяйственные заботы

На текущий ужин они, конечно, все же опоздали и на довольно большой срок. Во всяком случае, Александра Федоровна одну чашку чая под миндальное пирожное и бутерброды уже допила и приноравливалась к еще одной. Она ничего не сказала, но укоризненно покачала головой. Попаданец на это никак не отреагировал, но Настя укоризненно ткнула локтем. Позже, наедине ей будет приличная взбучка.

Однако его величество император Николай I тоже еще не пил чай. Как оказалось, в отличие от своих поданных, из объективной причины. И очень серьезной и неприятной, мешающей нормально жить всей императорской семье. А, значит, и хотя бы всех близлежащих поданных.

— Оказывается, слесарь Леонид в Зимнем дворце опять отсутствует, — сказал он главным образом жене, но, по факту, всем присутствующим, — сколько искали, а не нашли. Запил, наверное, а остальные наши слуги и не умеют, и инструмента у них такого нет.

— А что случилось-то? — хором удивились Андрей с Настей. Вид у них был презабавный и, несмотря на неприятный казус, император с императрицей, и их дети дружно заулыбались.

Николай I убрал улыбку и озабоченно сказал:

— Комнаты Александры Федоровны закрыты, а замок сломался. Не вы, Анастасия Александровна, были последней?

Настя растеряно задумалась, зажмурившись прелестный лобик. Потом растеряно поджала плечами. Она, конечно, ничего не помнила. Помнить близлежащее прошлое, хотя бы даже свое собственное, было не ее сильной стороной.

— Впрочем, пусть, — прекратил император мучения девушки, — в сущности, какая разница, кто закрыл дверь. Самое главное, как теперь открыть?

Макурин в раздумье почесал подбородок. Вопрос был действительно актуальный. Ее императорское величество, первая женщина в России не может попасть в свое жилье. А ее муж, император всей России, между прочим, мучительно думал, как выкрутится, но ничего не придумывал.

— Нет, я отправил флигель-адъютанта Васильчикова в город, поискать там слесаря, — сказал Николай, словно прочитал мысли камер-юнкера, — но пока его найдут, пока он придет, пока разберется с замком... Полночи пройдет.

И, судя по большим паузам в словах, монарх сильно сомневался, что найденный слесарь спьяну будет эффективно работать, а чужой слесарь, если его найдут, сумеет сразу разобраться.

— Дорогая, ты и дети могут ночевать в моих комнатах, — обратился он к своей венценосной жене, — а я посплю в рабочем кабинете.

Андрей Георгиевич уже видел — в кабинете императора была очень простая одноместная кровать, как у первокурсника студента. Она была смягчена, смешно сказать, сеном. Но это другая тема. Пусть самодержавный повелитель все России спит, как хочет. Но как Александра Федоровна? Как императрица России и бывшая германская принцесса с детьми будут спать? Это, похоже, на железнодорожный вокзал. Хоть соседняя спальня мужа, но ведь не своя.

— Эту ночь мы поспим, — в его мысли ворвались слова Александры Федоровны, — но

найдется ли слесарь завтра и откроет ли он замок?

Намек на бессилие brutального императора довольно сильно задело Николая. И хотя он ничего не сказал в ответ, но губы сжал очень сердито. А императрица предусмотрительно отвернулась, как бы не видя такую реакцию. Но довольная улыбка все-таки пробилась у нее на лице. Ох уж эти женщины! Бабы вы, а не женщины.

А что, собственно, они так страдают — подумал он вдруг, — замки здесь далеко не массивные, и, к тому же, простые. Умелыми руками можно и гвоздем открыть или перочинным ножом. А у него как раз есть небольшой нож, которым он как раз перышки точит! Да и ключ, наверняка, не один. В молодости, в далеком будущем в студенческом общежитии, где было много дверей с замками и их бестолковых владельцев, он неоднократно открывал как раз примерно такими же ножами такие же замки. Почему бы и теперь не попробовать?

Встретившись взглядом с глазами Насти, он увидел, что и его невеста очень хочет, чтобы он помог ее императорскому величеству. И она его отблагодарит. Чем? Глупый вопрос. Чем может отблагодарить красивая юная девушка такого же молодого юношу.

И от такого будущего его молодое тело прямо-таки взбудоражено закипело. И еще не обдумав последнюю мысль, он уже встал на ноги:

— Ваше императорское величество, позвольте мне попытаться разобраться с этим дверным замком.

— Попробуй, — на лице Николая открыто была написана заинтересованность. Однако он все же сомневался: — но, помилуй Бог, а ты вообще-то хоть раз видел замки?

— Вот еще! — обиделся даже попаданец XXI века, а не его реципиент XIX. Да в будущем столетии и не такое пришлось видеть! Сказал, однако, другое — Ваше императорское величество, в Тверском княжестве еще в XV веке замки делали и за границу продавали! И замки я не только видел, но и держал!

Сказал и самому понравилось, как он это сделал. Убедительно и немного обиженно. И ничего, что сам Андрей Георгиевич не знал точно даты. Может и не XV веке, но где-то там и за границу, безусловно!

— Вот как! — развеселился вдруг император, — что же. Дворянский недоросль, попробуй!

«Видимо, его развеселило то, что молодой дворянин умеет работать с этими грубыми ремесленными изделиями, — подумал Макурин, идя в нужном направлении, — а вот такой я талантливый! Сейчас бы еще в самом деле замок открыть. Вдруг он сломался так, что его и не сдвинешь».

Чай он уже не попил. Глоток только попробовал с вкусной булочкой и сразу ушел к месту происшествия. Бог у с ним! Может, Настя потом что-нибудь достанет. А нет так и нет, обойдется без одного ужина.

В коридоре было уже темно, все-таки зимний вечер. И одна горевшая свечка не очень-то освещала путь. Впрочем, коридор Зимнего дворца не темный лес, не свалишься, споткнувшись об препятствие. А спешащая следом за ним невеста, очень в него верящая, настраивала его на бодрый тон. Пришел. Дежурный был уже заменен, но о новом начальстве в субординации знал. Встал, сказал про нужный порядок, про сломанный замок, который не сумели открыть ни ее величество Александра Федоровна, ни его императорское величество Николай Павлович.

Дежурный — белобрысый детина — несмотря на почтительный тон, был к

венценосным актерам жизненной сцены сугубо равнодушным и смотрел на них со стороны. Это Андрея Георгиевича сильно взбесило. Их императорские величества в беде, все окружающие в Зимнем дворце беспокоятся, и лишь этот, с позволения сказать, зритель ничего не делает! Еще бы семечки щелкал и гыкыкал в самые напряженные моменты!

— Ты, тля коломенская, — резко обратился он к веселящемуся дежурному, — ты зачем здесь расположен?

— Дык, — растерялся он от неожиданного вопроса, задумался. Потом предположил: — смотреть здесь весь день и всю ночь и не пропускать чужих?

— И? — потребовал Макурин, — что еще от вас требуется?

— Что еще? — детина замер, выпучив глаза. По-видимому, вопрос старшего был совершенно неожиданен и даже странен, — а разве может быть что-то еще?

— Дубина! — заорал попаданец, уже ни как не сдерживаясь, — вы должны помогать их императорским величествам, как можете и как не можете! А не сидеть здесь, развались на удобном месте!

— А-а-а! — успокоился дежурный, словно это его не беспокоило. Пояснил, — но здесь нет ни топора, ни ножа. Я так не могу.

Вот ведь бестолочь какая! Попаданец уже встречался с такими. Правда в XXI веке, но характер их не изменился. Однажды, таким образом, вахтеры просидели пожар на четвертом этаже, как бы не слыша там душераздирающие крики заживо сгорающих людей. Дескать, это не совсем их профиль. Тогда они были отданы под суд. А что сегодня — сечь шпицрутенами? Как бы поможет?

В коридоре послышались звуки шагов — мужских, женских, детских. Очевидно, что императорская чета с взрослыми детьми возвращаются из столовой. А он еще даже не попытался открыть! Махнул на дежурного рукой. Болван он всегда болван, даже в старину глухую. Забыл на время про него, подошел к двери. Похоже, замок здесь простой, лишь бы был смазанный.

— Ключ где, милая? — спросил он у Насти. Та была рядом с ним. То ли от любопытства, то ли от тревоги за Александру Федоровну. А, может, она хочет рядом с ним? Он посмотрел искоса на нее.

Девушка смотрела на него почти с любовью, или, хотя бы, с искренней теплотой. Но когда жених посмотрел на нее, вздрогнула и сделала вид, что он ей совсем не интересен.

Козочка она совсем не объезженная, — понял вдруг Андрей Георгиевич, — вот и брыкается почему зря. Замуж на ей надо выйти и все будет хорошо!

А? — повторил он вопрос, — ключ куда делся?-

Мой ключ вот он, — вытащила она ключ за цепочку. Фу, значит, обломок ключа в замке не будет мешаться. Однако, он рано радовался. Настя продолжила: — а вот его императорское величество сломал ключ своей жены Александры Федоровны. Он так сильно на него нажимал в замке, что тот развалился на части.

— Сломался, — подтвердил пришедший император, — замок оказался излишне тугой. Слесаря надо ждать. Пусть меняет. Это уж больно старый механизм.

Сказал и прошел в свои покои, пропустив в них вперед жену и детей. Похоже, Николай уже сдался. А зря. Опыт показывает, что металлический замок имеет большую прочность и так быстро его не сломать. По крайней мере, если обильно его смазать, то хотя бы один раз можно еще открыть.

Андрей Георгиевич задумчиво посмотрел на замок. Внешне ржавчина не

проглядывалась. Как, впрочем и масло. Похоже, эта чистота двери итог работы не слесаря, а технички. Как это не грустно, но пьянство это вечная российская болезнь. Не сказать, что только наша, в Европе и Штатах тоже жрут только так. Но нам от этого не легче.

— Вот Настюшка, следы беспробудного пьянства, — показал он рукой величественно, — оный слесарь, удовольствуясь горькою, не смазывал замок и он внутри затвердел, как камень. Отсюда, какая мораль?

— Какая? — жадно поинтересовалась Анастасия, одновременно стремясь разглядеть дверь и увидеть любопытные мелочи, которые показывал ее жених.

— Не пей, Настя! — властно твердо сказал Макурин, Словно это из-за нее был сломан замок и императрица с детьми не могла попасть в покои.

— Ты дурак? — удивилась девушка, — я только один раз пила один бокал шампанского. И больше никогда!

Это, однако, отнюдь не впечатлило Андрея Георгиевича:

— Ну и что? Сегодня ликер в шоколаде, завтра шоколад с ликером. А закончишь все, как слесарь Леонид, с горькой!

— Ты, обормот! — расвирепела девушка, — несешь, что попало, а потом люди будут говорить о фрейлине Татищеве, как о пьянице! Она широко замахнулась рукой и Макурин уже было почти ощутил ее на щеке, но Настя оглянулась и велела: — Вадим, а ну-ка отвернись, нечего тут подслеживать за взрослыми!

Дежурный, который действительно, открыв рот, смотрел за разговором юноши и девушки, покраснел и отвернулся.

— Ну-у! — воинственно повернулась к Макурину девушка, — давай, расплачивайся за свои гадкие слова.

— Давай, — вздохнул Андрей Георгиевич и выдвинул к Насте лицо, чтобы той было легче ударить. А что делать? Можно драться с парнями, можно драться даже с женщиной, но с красавицей невестой, злящейся за его же слова, надо только мириться. И, как толстовец, подставлять щеку под удар.

Девушка еще широко размахнулась рукой, накапливая силу. «Ух и синяк будет на лице», — подумал он спокойно, даже не думая прикрываться руками.

Настя на мгновенье помедлила, подумала и вдруг смачно поцеловала в щеку.

— Однако же! — удивился Макурин, но прежде чем разговаривать с Настей, попросил дежурного, которого, как оказалось, зовут Вадим — Сходи в дворцовую, узнай, есть ли у них постное масло. И если есть, потребуй бутылочку в одну четверти.

— Ага! — кивнул дежурный и побежал. Старательный, блин, но бестолковый. Сейчас посмотрим, как он найдет масло.

Отвлечшись на парня, нет, даже на мальчишку, он позабыл про Анастасию, оставив ее за спиной. И тут же был наказан. Слету, без промедления. Небольшой и даже, в какой-то мере красивый, но сильный кулачок девушки больно ткнул в спину камер-юнкера. Одновременно Настя сумела подставить свою ногу. И когда тело его высокоблагородия по инерции пошло вперед, то ноги наткнулось на препятствие. В итоге все оно с приличным-таки шумом и гамом рухнуло на пол. Почти у ног фрейлины.

Однако, между делом, Андрей Георгиевич машинально потянул за собой это препятствие в виде прелестной девичьей ноги. Не ожидая этого — а ей-то за что! — Анастасия рухнула следом, но не пол, а для разнообразия на Макурина.

Два возгласа — ее звонкий и возмущенный и его глухой и мстительный раздались почти

одновременно. И ведь надо ж такое! Именно в это время Александра Федоровна соизволила открыть двери покоев императора и недоуменно посмотрела на кучу малу.

— Что это? — спросила она себя и не нашла ничего лучшего, как позвать мужа. А уж его императорское величество разобралось быстро и четко, и недовольным голосом, в котором, однако, зримо слышалось удивление, потребовало встать и объясниться.

Девушке, впрочем, нечего было радоваться, поскольку Александра Федоровна уже у нее тихонечко потребовала рассказать, что же здесь такое случилось за эти несколько минут, пока они ушли в покои. При чем, в отличие от мужа, в голосе императрицы четко слышались тоны безудержного веселья.

Андрей Георгиевич, как зеленый малец, залепетал что-то для Николая про скользкий пол, потом понял окончательно, насколько он по дурацки выглядит, замолчал, только выдавил из себя:

— Вон из нее спрашивайте, как так получилось!

Настя, оказавшись под обстрелом двух пар императорских (!) глаз, не засмушалась, к удивлению попаданца. Очень мило покраснела, застеснялась для зрителей и только потом тоненько и жалостливо протянула, глядя на Александру Федоровну:

— Обскользнулась я нечаянно, прошу меня простить, ваше императорское величество, больше не буду!

И замолчала. Ха, а ей и не надо было больше ничего говорить, — засмеялся попаданец про себя, — слова были совсем не обязательны. Анастасия Александровна главную ставку сделала на свой жалостливый красивый вид и ведь выиграла, мерзавка так сказать малолетняя.

Так сказать, поскольку в нынешнем теле, она оказалась даже старше Макурина. Хоть на чуть-чуть, а больше. Попаданец был гораздо старше и с этой стороны смотрел на это прелестное чудо, как очень талантливое, но очень уж юное. Этакая прима погорелого театра, чтобы ногу сломала! Или хотя бы самый маленький пальчик!

Николай I, видимо, понял, что показанное ими зрелище окончилось. Оставалось лишь поаплодировать и уйти, поскольку правду он здесь не услышит. Он угукнул и укрылся в своих покоях. Александра Федоровна лишь развела руками: «Что же вы, голубчики, творите?» и тоже скрылась за мужем, напоследок сказав фрейлине, что в ее услугах она сегодня больше не нуждается. Маленькие дети будут приведены и раздеты гувернантками, старшие уже в постели. Ага?

Оставшись одни, они, наконец, получили возможность расквитаться друг с другом. Вернее, невеста с женихом. Она несильно ткнула его в бок и устало произнесла:

— Ты, гад такой, что делаешь?

Фальшь в голос почувствовала даже невеста, не то что жених. Между прочим, с него она и не собиралась слазить. По-видимому, мягкая или, по крайней мере, удобная постель оказалась.

Андрей Георгиевич в отличие от него не собирался болтать и даже лежать. Очень уж гендерно неудобная поза для мужчины оказалась. Вместо этого он стряхнул невесту на пол — мягко и бережно, как считал он и небрежно-грубо, как считала она.

Отвернувшись от Макурина, показывая этим все свое негодование, она начала расписывать все его житье в одиночестве. Грязное, неряшливое, как у всех парней.

Она еще много бы рассказала, но за спиной вдруг раздался удивленный незнакомый возглас. Настя резко обернулась. Андрея больше в комнате не было. На стуле, где он

располагался, сидел уже Вадим и, разинув рот, смотре на разглагольствующую девушку.

Ей стало стыдно. Фрейлина ее императорского двора сидит на полу и что-то говорит неизвестному... мальчишке! Фу!

С покрасневшим лицом, сердитая до нельзя, девушка, не прощаясь, выбежала в коридор, взяв лишь свечку. Без нее даже в Зимнем дворце было слишком темно. В коридоре, в угрюмой темноте, однако, никого не было. Что же делать — идти в свою комнату? Или на кухню, куда, скорее всего, он пошел за неведомым ей постным маслом?

Пойду домой, в свою комнату, — решила она, — и пусть он мучится в гордом одиночестве! Пусть поймет, как плохо одному без нее, мягкой лапочки!

Но, как это бывает у женского пола, твердо решив, она тут же приняла противоположное решение и пошла по длинному коридору в в кухню. «Помогу ему, — объяснила она для себя, — вдруг он один не справится!»

Как он не справится на кухне, девушка, конечно, не объяснила. Потому что в этом положении ей надо было бы объяснять очень неприятные вещи, ведь это девушке необходимо помогать идти по жизни.

В полутемной кухне, однако, не было никого, кроме двух неразговорчивых поварих, приготавливающих на завтрашний завтрак. С Настей они, разумеется, все же объяснились, все же фрейлина ее императорского величества, сообщили, что постного масла у них нет и отродясь не было. И они для приготовления пищи всегда используют прекрасное животное масло.

Как будто ей масло нужно, что постное, что животное! Небрежно присмотревшись и убедившись, что жениха здесь нет, она сделала извинительный книксен и пошла, наконец в свою комнату — немного отдохнуть.

А Макурин и не собирался идти на кухню. Сказано же Вадимом, что нет на кухне и все. Был у него еще резервный, но уж очень неудобный путь. Когда вернувшийся дежурный Вадим под ворчливый речитатив извиняюще развел руками, мол на кухне нет, он быстро понял, что во дворце для таких вышестоящих клиентов на постном масле не готовят. Не дежурный здесь виноват, а он сам. Не подумал до конца.

И в отсутствие слесаря он где в Зимнем дворце гарантировано может найти постное масло? В церкви! Точнее, в придворной замковой церкви. Для XXI века это будет неким шоком, но в средневековье в любой церкви постное масло было обязательным атрибутом. Ну, точнее опять, это будет называться священный елей. Для него же главное, что в этой роли является оливковое масло, которое еще лучше сыграет обязанность смазывающего ингредиента.

И попаданец отправился в небольшую церковь, расположенную еще ближе, чем придворная кухня. Местный батюшка, одетый «по чину» — в рясе, наградном подряснике и Святославом 2-го класса, занимался, чем ему полагается, а, именно, усердно молился. Андрей Георгиевич присоединился к нему, не мешая в этом богоугодном деле.

Помолились. Батюшка, сметливый по натуре, понимал, что придворный не придет в церковь просто так, например, помолиться. Сам спросил о надобности. Попаданец, который в XXI веке был в церкви два раза, да и то «по работе» — на торжественном молебне нового здания и еще раз в юбилей тогдашнего генерального директора — чувствовал себя неловко. Вся предполагаемая хитрость у него исчезла и он бесхитростно рассказал о тугом замке и об отсутствии масла.

Батюшка подумал, вздохнул, перекрестил его и вытащил из-за алтаря небольшую

склянку с маслом:

— Бери, но есть только греческое, из чудесной оливы. Не богоугодное это дело, да уж ладно, отдам.

Все еще смущенно, как будто на грабительском деле, Андрей Георгиевич взял склянку и быстренько умелся. Нечего он тут со своими светскими и немного греховодными делами будет ходить. И если бы только священнику мешался. Тот тоже человек, существо грешное, немного, как все в замке, придворное.

Им может заинтересоваться БОГ! И разгневаться! Что тогда Макурин скажет? Мол масло брал для ремонта двери? Ха-ха, в церкви проводят ремонт душ человеческих, что куда важнее! А если не понятно, то Господь мановением десницы обрушит душу самого нечестивица, уж попаданец-то знает, как Всевышний это делает. Несколько слов, легкое движение руки и твоя душа (разум) летит куда-то. В иной век? В иной мир? В ад греховный, упаси Господи?

Под эти опасные мысли Андрей Георгиевич сам не понял, как буквально пробежал сотню-другую шагов от церкви до покоев императорской четы. Настю он уже не трогал. И к чести Макурина не для него, для нее. Чтобы там, в небесах, если что, не прикоснулись и до девушки. Вот чего бы он себе никогда не простит!

После этого простой металлический замок показался ему легкой проблемой. С помощью дежурного Вадима залил масло в замок, заодно забрызгав дверь, пол и, немного, себя и дежурного. Подождал немного, даже не для того, чтобы масло пропиталось в замок, как металл будет пропитываться маслом, с Божьим благословением?

Другой, более сложный вопрос встал кардинально перед Макуриным во вес рост и прилично замедлил, — а как, собственно, он собирается открывать замок? Ключа у него нет, нож, с помощью которого хоть какая-то возможность существовала открыть замок, он благополучно забыл в рабочем кабинете императора. А тот тоже закрыт, прости Господи! Настю разбудить? Ага, будить девушку почти ночью?

К счастью для Макурина, тяжелые его думы были оборваны приходом самого Николая I. Узнав в чем дело, император молча вытащил из кармана ключ покое жены и вручил его камер-юнкеру. Правда, больше ничего хорошего в текущей жизни не было. Даже больше, одно почти плохое, если так можно называть сердитого августейшего монарха.

Тот хмурился, сопел за плечом попаданца, глядел, как юноша возится. Не верит своему придворному. Николай за свою не такую уж долгую жизнь — а ему было уже за тридцать хвостиком, полностью верил только себе. Знал, что если хочет что-то сделать гарантированно, то должен только сам, потому как любой поданный, как бы льстив и послушный он не был, подведет и даже предаст.

С замком он уже провозился, тщетно пытаясь провести в покои жену и детей. Не смог и теперь с нарастающей уже злостью смотрел, как камер-юнкер бестолково возится там, где не смог сделать сам император!

А Андрей Георгиевич в это время слегка шевелил ключ в замке, чутко пытаясь услышать любой звук в двери. У него были сразу две противоположных задачи — с одной стороны, провернуть ключ в замке, а, значит, суметь нажать на него со всей силой. С другой стороны, из опасения сломать хоть замок, хоть, в особенности, ключ, использовать свои силы минимально бережно. Не дай Бог он что-то сломает! А тут еще император над ним сопит, чувствуется, еще чуть-чуть и сам его сломает. Руки вон какие здоровые и, похоже, очень сильные.

Он зря боялся. Замок действительно не смазывался и от этого затвердел, но под воздействием даже оливкового масла, то есть совсем не готового к смазыванию механизма, он смягчился и удивительно легко и мягко поддался. Ключ как ни в чем не бывало повернулся, вытолкнув обломок предыдущего, сломанного несколькими часами раньше монархом.

«Вот как! — возликовал Андрей Георгиевич, — не зря говорят, ключ любит смазку, а девка ласку. Цинично, но точно!»

Он толкнул вперед дверь и пригласил вперед императора — Прошу вас, ваше императорское величество!

Николай Павлович глазам своим не верил. Как так, он столько возился, сломал ключ, а этот совсем молодой человек двадцати лет с небольшим, взял и, как не бывало, открыл разнесчастную дверь!

— Но как ты раскрыл замок? — удивился Николай теперь вслух, — только не говори мне, что с божьей помощью!

У Андрея Георгиевича было только несколько минут для правильного ответа. Что сказать, как ответить на этот довольно острый вопрос — Николай тоже в душе не верует в Бога или он подразумевает, что он помазанник Божий? И уж ему-то небеса должны были помочь!

К счастью, у попаданца была определенная заготовка, созданная всей его жизнью. И он твердо, даже сам удивился, сказал:

— Ваше императорское величество! Я знаю только один ответ, удовлетворит он вас или нет. Для смягчения замка требовалось масло. А поскольку нигде в Зимнем дворце я не нашел, то обратился к нижайшей помощью в придворную церковь, в тамошнему священнику. Тот не только разрешил мне взять церковное масло, но и благословил его. Так, что, ваше императорское величество, боюсь, что вы абсолютно правы — замок действительно открылся с божьей помощью!

Николай I был откровенно поражен. Не то, чтобы он не верил в Господа Нашего Бога, но где Бог и где замок в дверях императорских покоев? А оказалось, очень рядом! И все это сделал молодой человек, достоинство которого оказалась лишь одна чистая незамутненная душа!

Андрей Георгиевич действительно теперь искренне верил в Бога. Он единственный, кто не позабыл перекрестится во имя Господа. Николай механически перекрестился, а за ним пораженный дежурный.

— Подожди пока, — вспомнил император, — позову жену мою Александру Федоровну с детьми.

Он позвал их, громко крича, а Макурин быстро почистился и поправил свой вицмундир. Он, похоже, теперь у него был на все случаи жизни.

Надо было поторопиться, ведь сейчас его будут поздравлять и награждать!

Глава 19. И снова изменения в жизни

Его императорское величество, император всероссийский Николай I (почти официальный титул в переводе попаданца XXI века) небрежно-таки сидел в своем довольно строгом, хотя и по своему роскошном кабинете, и, как всегда, занимался с постоянно накапливающимися бумагами. Корпел над имеющимися документами и, между делом, крутил взятое для написания заметок гусиное перо. Для прочтений указаний делопроизводителя.

Сам Андрей Георгиевич, чиновник его величества, кстати, никуда от строго монаршего взора не делся — смирнехонько сидел за своим столиком и писал очередной императорский указ о текущих делах с имеющего черновика, за одним исправляя нечаянные ошибки Николая.

Дочитав до конца очередную бумагу, император ненадолго глубоко задумался. Макурин даже знал (не догадывался, а точно предполагал над чем). Документ он переписал сегодня одним из первых и это была аналитическая записка недавнего начальника попаданца Подшивалова, все никак не переходящий в гвардейские части, как он хотел. Писал генерал и одновременно министр гражданского ведомства о медленном ходе идущих реформ среди крестьян и негативном отношении к ним со стороны дворянского общества. Реформы пока шли в сфере государственных крестьян, но дворяне понимали, что рано или поздно перейдут и на поместных и волновались. В общем, писал нехорошо. Дело было не в почерке и дурном стиле, а в изрядном пессимизме высокопоставленного автора.

Как и у большинства гвардейцев XIX веке, был он весьма и весьма консервативен и не очень любил (мягко говоря) всякие изменения. Особенно в такой болезненной сфере, как аграрные отношения. В XIX веке сельское хозяйство было главным и практически единственным источником доходов и для государства и для дворянства. А тут государство пыталось начинать здесь преобразования.

К августейшему императору Николаю Павловичу Подшивалов был не совсем близок. Но, тем не менее, монарх ему, как блестящему гвардейскому генералу, вполне доверял и поэтому записка оказала весьма нехорошее впечатление. Как бы не повлияло это плохое впечатление на итог мероприятий на самого генерала. Напишешь сгоряча, а потом пожалеешь, но будет поздно. И ничего, что Подшивалов был полностью прав и в плане реформ и в плане негативного отношения дворянства. Монарх тоже человек и за меньшее наказывал.

Надо было немедленно спасти по мере возможности и совсем уж небольших собственных сил. При чем речь шла и о проходящих реформах, и самом гвардейском генерале. А то как бы чего не вышло. Всесильный император все-таки. Абсолютный монарх. Он подвигнет мизинчиком, а в России на несколько веков хватит разгребать. Еще в XXI веке историки будут ахать и удивляться. А генерал вместо ордена Святого Владимира первой степени получит как бы невзначай должность одного из губернаторов в далекой Сибири. Тоже ссылка, между прочим, хотя и весьма почетная. И ничего, что он там будет всесильным наместником российского монарха. Все одно будет в морозной дикой для того времени Сибири.

— Ах, ваше императорское величество, оные события позволяют мне вспомнить одну анекдотическую историю, — интригуяще сказал Андрей Георгиевич и замолчал, глядя на Николая. Он император и он должен решать, говорить ли его писарю (хоть

высокопоставляемому, но тем не менее!) или не говорить. Содержание то бунтарское и неприличное для государя.

— И что же? — нехотя заинтересовался император, понимая, или хотя бы, догадываясь об этом, — надеюсь, хоть веселая история? А то слушать про своего же губернатора это уж совсем нехорошо. Так ведь и про себя всякие гадости начнешь слушать и улыбаться!

— Нет, ваше величество, анекдот просто веселый, — успокоил Макурин, — без всяческих возможных доводов и инсинуаций. Мы, чай не злонамеренные бунтовщики — карбонарии.

Он рассказал действительно, на взгляд попаданца, веселую историю на тему «к нам едет ревизор». Н.В. Гоголь все равно уже скоро появится со своим спектаклем. Император хотя бы на первых порах посмеется.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Николай. Оценил: — смешно, но очень глупо и бестолково. Надеюсь, эти события не при мне были?

— Это было еще сто лет назад, в середине XVIII века, тогда и хуже происходило, — успокоил попаданец и уже серьезно заговорил о другой теме, весьма актуальный по содержанию разговора. Начал с характеристики безрассудного в этом отношении генерала.

— Его высокопревосходительство в своем амплуа огорченного героя, — немного саркастически прокомментировал донесение Подшивалова Макурин, — много шума из ничего. Так сказать, нападение древних греков на российскую водочачку. Шум, гам, дикие крики. Мольбы о непременно и срочной помощи. Как будто так и происходит на самом деле.

Отзыв делопроизводителя Николаю заметно понравился.

— Думаешь, не наш? — прямо спросил он у Макурина о Подшивалове, — может нечаянно предать, запаниковав?

Вот как он, однако, поднялся, самого министра может легко подкузывать, — почти удивился попаданец, — и ведь свалить не свалит, но гадость изрядную на все оставшуюся карьеру подложит. Нет, конечно, Подшивалову он ни за что не «поможет» упасть, но хотя бы теоретическую возможность можно предположить? Тьфу!

— Разумеется, не предаст, — голос Андрей Георгиевич без какого-либо усилия был тверд и убедителен, — я знаю Семен Семеновича по недолгой службе в министерстве. Снизу-то, как правило, очень замечательно министра видно. Даже то, что он считает будто бы крепко спрятано. И я считаю, генерал Подшивалов с вашим императорским величеством будет идти до конца. В известных событиях в декабре месяце на Сенатской площади он без колебаний шел бы с вами. и это без всяких размышлений.

Лед в глазах императора заметно растаял, хотя он и поморщился о восстании декабристах. Кажется, от зримой пропасти генерала отвести кое-как удалось. Однако, не перебдеть бы!

— Вместе с тем, — добавил некоторого негатива Макурин, — являясь вашим искренним и честным поданным, он не является, к сожалению, сторонником проводимых реформ. Ни в коей мере!

— Мда-с, — успокоился и одновременно опечалился монарх, — нехорошо это, когда столбовые дворяне не очень разбираются в идущих в стране преобразованиях. В итоге, сами честные и благородные люди, а как минимум, не там стоят. Впрочем, я и сам положительно отнестись к этим реформам не могу. И если бы не потребности текущей жизни, не стал бы их стойким автором.

Андрей Георгиевич смутно понял, что наступил тот момент, когда ему без всяких особых усилий удастся провести свой курс и еще раз поговорить с императором о поместье. А то, что ты, ваше величество, консерватор, так об этом знают даже в XXI веке! Но там также знают, что вы человек здравомыслящий и с объективно обстановкой не беретесь в отличие от своего августейшего отца Павла I. И вас можно убедить идти в нужном направлении.

Ваше императорское величество! — сказал негромко Макурин, — я все-таки настаивал бы дать мне в управление выморочное поместье, дабы я мог провести для примера проводимые мероприятия. Очень уж российское общество смотрит на реформы негативно. И главным образом из-за того, что не видит практическую пользу для себя. А ведь даже при небольшом усилении в нужном направлении все будет прибыльно и для дворян и для крестьян. Да и с тем, чтобы переменить, если надо, неудачные выбранные реформы. Одновременно с этим для улучшения народного настроения во всей России проводить мероприятия по обогащению крестьян. Ну и, — застенчиво проговорил Андрей Георгиевич, — немного набить и свой карман. Пусть помещики видят, что реформы идут и в их пользу. Может, хотя бы здравомыслящих удастся убедить.

— Хм, — прочистил горло император, — честно говоря, я думал, что речь может идти только о последнем, — резко перешел на вы, что вообще-то было или на плохое отношение монарха, или на сугубо официальный тон, — вы же нуждаетесь в средствах накануне свадьбы. Я уже раскинул головой о некоторой аренде для вас. Это повсеместная практика и не вызовет никакого внимания.

Но раз уж вы так серьезно, прямо-таки государственно говорили о курсе наших реформ, то и я могу неким образом серьезно поразмыслить. Для начала убедите хоть некоторых российских дворян и даже меня. Хоть и я сам автор этих реформ, но все равно в них не верю! Посмотрите на наше прошлое. В прежние времена все преобразования шли только в одну сторону. Как правило, государство желало увеличить свои доходы для удовлетворения постоянных нужд. При чем считалось, что дворяне и так увеличивают свои расходы за счет изрядно растущего жалованья. Кто там еще?

— Крестьяне, — подсказал Андрей Георгиевич, стараясь сохранить хотя бы серьезное лицо, морду по простонародье.

— Крестьяне? — обескуражено сказал император. Ему, похоже, и в голову не приходило, что и простой народ имеет какие-то интересы. Помолчав немного, Николай что-то решил, но, к сожалению, не в ту сторону и заговорил о реформах в целом и о вкладе своего чиновника в частности:

— Скажем так, если вы создадите крупное образцовое поместье с зажиточными крестьянами и богатым помещиком на новых формах хозяйствования, то это будет очень даже хорошо. При том, что свое поместье вы будете открыто показывать всем любопытствующим. В этом случае я, пожалуй, отдам вам поместье Большая Роща навсегда в виде потомственного имения.

Однако же! — несказанно удивился Макурин про себя, — про крестьян здесь уже не скажешь, не поймут уже в это время ни дворяне, ни сам Николай I. Мда-с, остается только подумать о себе и о своих крестьянах. В таком случае китайское проклятие о плохой жизни во время перемен надо, наверное, дополнить — но активной деятельностью можно жизнь резко улучшить. Ведь преобразования в рамках ликвидации крепостного права надо оценить для дворян, как ухудшение положения?

Здесь надо уточнить, что, начиная с покойного брата нынешнего императора Николая I Александра Благословенного государство больше не давало дворянам государственных крестьян в полную собственность, как раньше. Как бы именитые представители дворянских родов не старались пробиться к щедрым подаркам прошлого, но монархи были тверды и в виде определенной награды выдавали лишь аренду поместья на временный срок. При чем сразу же четко речь шла лишь о доходах с крестьян. А сами крестьяне ни коим образом к этим временным помещикам не подчинялись. По крайней мере, официально, по существующим законам.

Но, как говорится, у любого наличествующего закона рано или поздно, но найдется отдельное исключение. Пусть Николай I и обговорил какие-то объективные причины, опасаясь последующих преемников среди дворян, но факт есть факт — из голоштанного чиновника, живущего на одном жалованье, Андрей Георгиевич в одночасье стал богатым помещиком. Ну почти богатым. Конечно, со своей невестой по богатству и количеству крестьян он не сравнится, но, тем не менее, уже находится в одном ряду. Во как! И все это по законам, по указу императору. Понятно, что фаворит, что в виде исключения для дела, но ведь получил же.

Макурин изящно поклонился, по благородному, не так раболепно и низко, как простонародье. Явно видно, что благодарит представитель дворянского старинного рода. Поблагодарил и поклялся:

— Ваше императорское величество, я ваш вечный слуга!

Николай И лишь милостиво потрепал его по плечу:

— Работай на практике, как ты разработал в теории, и я буду всем доволен. Да и не забывай, помимо деятельности помещиком, два дня в каждую неделю ты должен пребывать в моем рабочем кабинете. Очень уж ты каллиграфически пишешь и умно при этом рассуждаешь. Я не хочу тебя терять! Хорош ты чиновником в работе и молодым человеком в придворной жизни.

Это было как бы сам собой разумеешься и Макурин молча поклонился, заодно учел, что государь опять на ты, значит не обозлился на него. Слава Богу, деловая часть разговора прошла и он нигде не споткнулся в своей просьбе.

Николай это тоже понял и больше не говорил о судьбе делопроизводителя и о будущем поместье. Шла так сказать одна романтика — природа, дороги, имеющиеся звери и дикие птицы. Лишь сказал в этом отношении подойти к Никодиму, ему будет приказано выделить по мелочам на дорогу. Ехать-то в столичный уезд, но это только по карте близко и легко. А по снегу да в некотором морозе это уже совсем ужас.

— Жилье я тебе в Зимнем дворце оставляю, — напомнил император напоследок, — и не забудь быть на текущем праздничном балу, там тебя ждет некоторый подарок. От меня, — многозначительно подчеркнул он, но раскрывать этот «подарок» наотрез отказался. Вот ведь еще какой секретчик, а вроде бы император!

— Сегодня же я тебя отпускаю. Бумаг крайне важных нет, а у тебя своих забот крайне много.

Но расстались, не смотря на непростой разговор, в общем-то, дружески, если так можно назвать деловую встречу сюзерена и поданного. Далее монарх по-прежнему остался работать, а Андрей Георгиевич, после некоторого раздумья нехотя отправился к его невесте. Это была последняя серьезная причина, по которой он еще оставался в Зимнем дворце, а не стремился по зимней дороге в поместье.

Хотя как невесту. Это так он считает, пусть и по привычке. Психологи будущего уже неоднократно подсчитывали и подчеркивали, что, если юноша и девушка в течение года встречаются, но не женятся, так сказать, не вступают в интимные отношения, то они с большой долей вероятности расходятся. И пусть они предельный срок еще не отгуляли, но гроза разлуки уже над ними накапливалась. При чем если сам Макурин явно не собирался, то вот Настя, похоже, к нему охладевала. Или же он чем-то в ней серьезно ошибался?

При встрече с ней, между тем, сбылись самые худшие предзнаменования попаданца. У ней появился другой мужчина, великосветские сплетни на этот раз оказались правдивы.

Настю он нашел легко. Его еще милая находилась в гостевой комнате в покоях у императрицы Александры Федоровны. Самой хозяйки не было, но ее фрейлина, тем не менее, была не одна. Более того, ней находился мужчина — один знакомый смазливый корнет, который не без выгоды для себя небрежно трепался о прелестной погоде, об английских собаках, между делом целуя руку. При этом довольно высоко на руке. На его лбе можно было аршинными буквами написать: «Конкурент». Вот же ж, девушка! И жених еще не предпринял попытки ухода, напряженно работая над хозяйством, и невеста, казалось бы, сохраняла какие-то чувства к нему, а все равно кое-какие трепыхания намечаются. Андрей Георгиевич чувствовал нарастание волны гнева.

Макурина, между прочем, корнета оценил так же, как опасного соперника и попытался с ходу напугать. Дескать, штатская штафирка, что с него взять. И действительно, даже нагло заговорил о предстоящей дуэли.

Наше вас с кисточкой! А если он не испугается и просто убьет нахала? Как участник дуэли, которого только что вызвали, Андрей Георгиевич имел право выбрать оружие и он захотел шпаги, что несколько озадачило корнета. Он полагал о модных пистолях, шпаги же считали оружием прошлого. Ну и что, зато попаданец его как-никак знал, а вот корнет немного с годами забыл.

Выбор претендента его сильно обозлил. Он хотел сразу закончить разговор бурной ссорой, чтобы потом подраться, не с оружием, так с кулаками, но Настя ему не позволила. Впрочем, как не оставила особой надежды и Андрею Георгиевичу:

— Прежде, чем драться на смертельной дуэли, малолетние петушки, подумайте, люблю ли я из вас кого-то!

И гордо-неприступно вышла, хм, с Макуриным. Его соперник проводил злым настойчивым взглядом, как бы напоминая о драчливом будущем, но не осмелился ее остановить.

Вообще-то он уже почти сдался в любовном поединке. Нет, на дуэли с корнетом он будет обязательно драться, но не из-за девушки как таковой, а из-за доблестной чести столбового дворянина. И все!

Однако разговор с нею опять его заставил вспомнить о прелестной девушке. Они очень мило побеседовали, а в конце она твердо и многозначительно сказала:

— Не вздумай даже отвертеться от меня. Обозначенный месяц у нас с тобой еще не прошел и я твоя невеста! Ты не можешь уйти с другою!

— А корнет? — рискнул задать Андрей Георгиевич, понимая, что он по-прежнему очень плохо знает жизнь. Теперь уже он виноват во всем и всюду, а она белая невинная цыпочка

— А корнет — дурак и не угоден мне! — жестко и даже зло сказала Настя, — преследует всюду меня, думает осадить, как Измаил. А я не крепость, меня влюбить надо,

как это сделал ты, милый мой прохиндей.

Чмокнула в щеку, а потом вдруг в губы и исчезла во дворце прелестную голубкой. Только ее и было!

О женщины — вы мировое самое страшное зло! Зачем тогда крутила с корнетом и отваживала его, официального жениха?

Конец первого романа.

Больше книг на сайте - Knigoed.net